

ISSN 2658-6541

ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Научный журнал

Основан в 2006 г.

HISTORY AND ARCHIVES

Academic Journal

Founded in 2006

4 • 2019

“History and Archives”

Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year.

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Academic journal “History and Archives” is included: in the Russian Science Citation Index

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

07.00.09 Historiography, Source Studies and Methods of History Research

07.00.02 Russian History

07.00.03 World History

05.25.02 Document Research, Records Management, Archives Administration

Aims and domain

The “History and Archives” is a peer-reviewed academic journal the aim of which is to publish the results of the research based on the archival documents – the research evaluating the events, phenomena and processes of national and world history. The task of the journal is the analysis of urgent issues of source studies, historiography, archival science, records management, and also of the archival component of exploration in the field of history and documentary heritage within the system of cultural values.

The mission of the journal is to facilitate the development of inter-disciplinary research that generalizes the contemporary experience of the use of historical sources kept in archives and in the manuscript departments of museums and libraries. The journal publishes the materials pertinent to the analysis of the changes in archives activities when new information technologies are implemented, the materials connected with the study of the problems of historical archival science, the materials related to the multilateral cooperation and harmonious combination of the results of the work of historians and archivists for the benefit of information maintenance of historical science. The journal is targeted at the publication of scientific reviews, research papers and articles related to the study of the whole complex of theoretical, scientific and practical issues that pertain to the development of the humanitarian strategy of the educational function of archives and to the cooperation of historians within the “archives–researcher” system.

The journal accepts for publication original articles, comprehensive research papers by Russian and overseas authors, reports that have never been published before.

“History and Archives” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media 03.08.2018, reg. no. PI FS77-73410

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

tel: 8-495-250-68-68

e-mail: ioad@yandex.ru

«История и архивы»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Научный журнал «История и архивы» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования;

07.00.02 Отечественная история;

07.00.03 Всеобщая история;

05.25.02 Документалистика, документоведение, архивоведение.

Цели и область

«История и архивы» — рецензируемый научный журнал, цель которого заключается в публикации основанных на архивных документах научных исследований, анализирующих события, явления и процессы отечественной и мировой истории. Задачами журнала являются анализ актуальных проблем источниковедения, историографии, архивоведения и документоведения, а также архивной составляющей исследовательской работы в области истории и документального наследия в системе культурных ценностей.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, обобщающих современный опыт использования хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источников. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с анализом изменений деятельности архивов в условиях внедрения новых информационных технологий, исследованием научных проблем исторического архивоведения, многосторонним взаимодействием и гармоническим сочетанием результатов работы историков и архивистов в интересах информационного обеспечения исторической науки. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития гуманитарной стратегии коммуникативной функции архивов и взаимодействия историков и архивистов в рамках системы «архив—исследователь».

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, 03.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73410

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8-495-250-68-68

электронный адрес: ioad@yandex.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

V.N. Vladimirov, Dr. of Sci. (History), professor, Altay State University, Barnaul, Russian Federation

E.I. Gololobov, Dr. of Sci. (History), professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.A. Dvoenosova, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Ermolaeva, Dr. of Sci. (History), professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Saratov, Russian Federation

S.V. Karpenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Sh. Kecskemeti, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ecole Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

V.P. Kozlov, Dr. of Sci. (History), RAN correspondent member, professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.N. Lanskoj, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Larin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.P. Malysheva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S. Petkova, Dr. of Sci. (History), professor, “St. Kliment Ohridski” at the University of Sofia, Sofia, Bulgaria

P. Peikov, Cand. of Sci. (History), associate professor, University of Library Studies and Information Technologies, Sofia, Bulgaria

N.V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.S. Senin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.K. Sorokin, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State Archive of Social and Political History, Moscow, Russian Federation

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S. Tetsuya, Dr. of Sci. (History), professor, University of Tsukuba, Japan

Yu. Tonai, PhD, associate professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т.И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

В.Н. Владимиров, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Е.И. Гололобов, доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Российская Федерация

Г.А. Двоеносова, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Ермолаева, доктор исторических наук, профессор, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХ и ГС при Президенте РФ, Саратов, Российская Федерация

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.В. Карпенко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ш. Кечкемети, доктор филологии, профессор, Национальная Школа Хартий (Сорбонна), Париж, Франция

В.П. Козлов, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.П. Мальшева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С. Петкова, доктор исторических наук, профессор, Софийский университет им. св. Климента Охридского, София, Болгария

П. Пейков, кандидат исторических наук, доцент, Университет библиотековедения и информационных технологий, София, Болгария

Н.В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.С. Сенин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.К. Сорокин, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва, Российская Федерация

С. Тэцзя, доктор исторических наук, профессор, Университет Цукуба, Япония

Ю. Тонаи, PhD, доцент, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные редакторы:

Хорхордина Т.И., доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

Халилова Л.А., кандидат филологических наук, профессор (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

Е.Е. Юдин

- Аристократия и богатство в Российской империи в 1890–1914 гг.:
структура личных расходов крупнейших землевладельцев
(по документам РГАДА, РГИА, ГАРФ) 12

Е.В. Доля

- Судебный процесс за право владения Свято-Николаевским
Кафедральным собором в Нью-Йорке
в отражении документов ГАРФ (1947–1950 гг.) 39

А.В. Попов, А.Ю. Квактун

- Жизнь и творческое наследие историка Русской Церкви
И.К. Смолича 60

Всеобщая история

О.В. Аулов

- Libri Feudorum* и традиция ученого феодального права Кастилии
и Леоне XIII–XIV вв.: о рукописи MSS/392 (C-8)
из Национальной библиотеки Испании (Мадрид) 80

М.С. Третьякова, Н.В. Ростиславлева

- Деятели Хаскалы о еврейском женском образовании
в Пруссии во второй половине XVIII в. 88

История культуры в документальном наследии

В.А. Бароне

- Антианглийские пропагандистские сочинения
и книжная культура во Франции в первой половине XV в. 97

Н.В. Ростиславлева

- Александр фон Гумбольдт: судьбы наследия в России
в XIX – начале XX в. 112

С.В. Карпенко, Я.В. Юркина

- Возвращение писателя Андреаса Закса к общественной
и культурной деятельности: судьба репрессированного
поволжского немца в документах Астраханской
писательской организации (1964–1966 гг.) 122

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

М.Н. Шашкина

- Эгодокументы из личного фонда историка-архивиста
Н.В. Калачова 143

У книжной полки

Т.И. Хорхордина

- «...Драгоценный материал для выяснения многих задач
и вопросов, касающихся исторической географии Русской земли...»:
к выходу книги В.Г. Бухерта «Архив Межевой канцелярии
(Центральный Межевой архив). 1768–1939 гг.» 156

CONTENTS

Russian History

E. Yudin

- Aristocracy and wealth in the Russian Empire in 1890–1914s.
The structure of personal expenses of the biggest landowners
(according to the RGADA, RGIA, GARF documents) 12

E. Dolya

- Legal dispute over the ownership of St. Nicholas Cathedral
in New York City as stated in the GARF documents (1947–1950) 39

A. Popov, A. Kvaktun

- I.K. Smolitch as a scholar in the history of the Russian Church.
His life and heritage 60

World History

O. Aurov

- Libri Feudorum* and the tradition of the Scholarly Feudal Law
in Castile and Leon in 13th–14th centuries: the case
of Manuscript MSS/392 (C-8) from the National Library
of Spain (Madrid) 80

M. Tretyakova, N. Rostislavleva

- Haskalah adherents' views on the Jewish female education
in Prussia in the second half of the 18th century 88

History of culture in documentary heritage

V. Barone

- Anti-English propaganda writings and book culture in France
in the first half of the 15th century 97

N. Rostislavleva

- Alexander von Humboldt. The fate of heritage in Russia
in 19th – early 20th centuries 112

S. Karpenko, Y. Yurkina

- Writer Andreas Saks's return to public and cultural activities.
The repressed Volga Region German's fate traced in the documents
of the Astrakhan Writers' Organization (1964–1966) 122

Archives Administration and Records Management: History, Theory, Procedures

M. Shashkina

- Documents from the personal fund of N.V. Kalachov,
a historian and an archivist 143

Book Reviews

T. Khorkhordina

- "A precious source for the investigation of many issues connected
with the historical geography of the Russian land...": Devoted
to the release of the book by V.G. Buhert "The Land Surveying
Chancery Archives (the Central Land Surveying Archives).
1768–1939". 156

Аристократия и богатство в Российской империи в 1890–1914 гг.: структура личных расходов крупнейших землевладельцев (по документам РГАДА, РГИА, ГАРФ)

Евгений Е. Юдин

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, evgeny_yudin@mail.ru*

Аннотация. В статье на основе изучения архивных материалов рассматривается структура личных расходов крупнейших землевладельцев Российской империи в 1890–1914 гг. Значительные денежные суммы, остававшиеся в руках русской аристократии после расходования средств на развитие хозяйства в имениях, перевода в банковские фонды и выплаты ипотечных долгов, направлялись по преимуществу на личные нужды и содержание дворцовых резиденций. Бюджеты крупнейших землевладельцев включали также расходные статьи на благотворительные цели. Личные расходы в рассматриваемый период постоянно росли, но сохраняли свою традиционную структуру. Аристократия стремилась к определенному балансу между производительными расходами и затратами на поддержание своего социального статуса. Экономическое процветание накануне 1914 г. позволяло крупнейшим земельным собственникам сохранять привычный повседневный уклад жизни и составлять конкуренцию в демонстрации богатства новым промышленным и финансовым классам российского общества. Как представляется, рост личных расходов крупных землевладельцев, особенно на фоне разрыва социальных связей с деклассированным мелким и отчасти средним дворянством, свидетельствовал помимо всего прочего о тех выгодах и преимуществах, которые принесла аристократии наступившая «индустриальная эра».

Ключевые слова: русская аристократия, крупнейшие землевладельцы Российской империи, структура личных расходов, траты на благотворительность

Для цитирования: Юдин Е.Е. Аристократия и богатство в Российской империи в 1890–1914 гг.: структура личных расходов крупнейших земле-владельцев (по документам РГАДА, РГИА, ГАРФ) // История и архивы. 2019. № 4. С. 12–38. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-12-38

Aristocracy and wealth
in the Russian Empire in 1890–1914s.
The structure of personal expenses
of the biggest landowners
(according to the RGADA, RGIA, GARF documents)

Evgeny E. Yudin

*Moscow State University of Education,
Moscow, Russia, evgeny_yudin@mail.ru*

Abstract. Based on the study of archival materials, the article examines the structure of personal expenses of the biggest landowners of the Russian Empire in 1890–1914s. Significant sums of money that remained in the hands of the Russian aristocracy after spending on the development of the economy in the estates, on the transfer to bank funds and mortgage payments, were mainly directed to personal needs and the maintenance of Palace residences. The budgets of the biggest landowners also included expenditure items for charitable purposes. Personal expenses in the period under review were constantly growing, but retained their traditional structure. The aristocracy sought a balance between productive expenditure and the cost of maintaining its social status. Economic prosperity on the eve of 1914 allowed the biggest landowners to keep the usual daily way of life and compete with the new industrial and financial classes of the Russian society in demonstrating wealth. As it may appear, the increase in personal expenses of biggest landowners, especially against the backdrop of the breakdown in social ties with the fringe gentry and partly with the lumpen nobility, attested, among other things, to the benefits and advantages that the emerging “industrial era” brought to aristocracy.

Keyword: Russian aristocracy, biggest landowners of the Russian Empire, structure of personal expenses, spending on charity

For citation: Yudin, EE. (2019), “Aristocracy and wealth in the Russian Empire in 1890–1914s. The structure of personal expenses of the biggest landowners (according to the RGADA, RGIA, GARF documents)”, *History and Archives*, no. 4, pp. 12-38. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-12-38

Введение

Накануне 1914 г. самые крупные имения в Европейской России по-прежнему в основном находились в руках землевладельческой аристократии. Эти обширные земли, разумеется, уже не были «феодальными» или «крепостными» хозяйствами, но имели действительно средневековое происхождение и принадлежали старинным дворянским семьям. Крупные хозяйственные комплексы аристократии постепенно адаптировались к новым экономическим отношениям «индустриальной» эры. Это позволяло извлекать огромные доходы из сельскохозяйственных и лесных имений, городской недвижимости, банковских и промышленных капиталов. В советской историографии высказывалось утверждение, что крупные помещики Российской империи использовали свои доходы крайне непроизводительно, вели паразитический образ жизни и демонстрировали хозяйственную несостоятельность (в отличие, видимо, от представителей буржуазного класса). Под непроизводительностью расходов в данном случае понималось, что крупные землевладельцы полностью изымали все свои доходы из собственных имений ради безудержных личных трат. Эти представления на самом деле далеки от действительности. Русская аристократия демонстрировала вполне рациональный подход к ведению хозяйства, и большая часть доходов реинвестировалась в развитие имений. Так, согласно смете на 1894 г. хозяйства князей Юсуповых, общий доход по сельскохозяйственным имениям и городской недвижимости должен был составить 1 407 566 руб. Из этой суммы общие расходы по имениям определялись в 783 470 руб. На покупку инвентаря, новые постройки и прочие работы выделялось 144 426 руб. К чистой прибыли относилось 479 670 руб. Таким образом, из общей суммы ежегодного дохода Юсуповы использовали на личные нужды примерно 1/3¹. Известное утверждение А.М. Анфимова, что Юсуповыми было установлено оставлять не более 10 % чистого дохода в имениях в качестве капитальных затрат, в действительности соответствует расчетам исходя из объема общего дохода [Анфимов 1969, с. 308]. В сравнении с чистой прибылью капиталовложения, например, согласно бюджетной смете за 1894 г., на самом деле определялись в 23 %. Согласно отчету Главного управления княжеского хозяйства за 1912 г., из общей величины прибыли в 810 177 руб. почти четвертая часть (252 735 руб.), направлялась на различные хозяйственные нужды, в том числе 59 735 руб. – на административные расходы, 167 611 руб. – на выплату процентов по ссудам и долгам².

¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Ед. хр. 3846. Л. 58.

² РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 940. Л. 5.

При недостатке собственных средств крупные землевладельцы широко прибегали к ипотечному кредитованию. Часть земли продавалась, но полученные средства переводились в банковские и промышленные фонды. При этом получаемая чистая прибыль, которая могла достигать нескольких сот тысяч рублей в год, тратилась исключительно на личные нужды. В то же время изучение вопроса, на какие именно цели направлялись значительные суммы, позволяет дать реальную оценку экономическому положению землевладельческой аристократии и сделать выводы об изменениях, произошедших в 1860–1914 гг. в сознании этого влиятельного социального класса.

Экономическое процветание русской аристократии. Демонстрация роскоши и богатства

Воспринималась ли в обществе в России «индустриальной эры» 1890–1914 гг. землевладельческая аристократия как состоятельный класс? Можно предполагать, что именно в эти годы конкуренцию в этой сфере аристократии составляли новые группы промышленников и финансистов, стремившихся реализовать свои амбиции, утвердиться в качестве новой элитарной силы, чье богатство и влияние основывались на личных качествах. В то же время демократизация общества, рост средних слоев городского населения рождали иное, в целом крайне критичное отношение к богатству и его демонстрации. Но традиция требовала от крупных землевладельцев поддержания своего социального статуса и определенного образа жизни, что влекло за собой немалые расходы. Ф. Перро, анализируя на французском материале изменения в отношении к роскоши и богатству у высших классов в XIX в., отмечал, что буржуазная роскошь была олицетворением самого этого класса, который пытался «подтвердить себя именно через себя», не имея возможности, в отличие от прежней аристократии, «подтвердить ее, то есть саму роскошь, ни через какую-либо сущность (право рождения, положение, статус), ни через высшие силы (Бог, упорядоченный и незыблемый космос)» [Перро 2014, с. 9]. Во Франции этого столетия наступление периода достатка означало одновременно и конец определенного буржуазного аскетизма (стремление к накоплению), и окончание аристократического гедонизма (накопление удовольствия). Тем не менее знать «продолжает очаровывать и ослеплять», что во многом было защитной реакцией против попыток социальной ассимиляции [Перро 2014, с. 90]. Наблюдения французского историка в значительной степени применимы к ситуации в Восточной Европе, где аристократия во второй половине XIX в. столкнулась

с новыми вызовами своему влиянию и благополучию и накануне 1914 г. добилась невероятного экономического процветания. Многочисленная мемуарная литература и такие любопытные источники, как фотографии, являются ярким свидетельством этого. Роскошь аристократии видна во всем: в количестве слуг, коллекциях живописи, библиотеках с томами в позолоченных переплетах, старинной мебели, архитектуре дворцовых резиденций, парках, лошадях, охоте, роскошных экипажах и автомобилях, изысканных балах, праздниках и приемах.

Когда в июле 1894 г. князь Франц Лихтенштейн согласился занять пост посла монархии Габсбургов при российском императорском дворе, он прежде всего обсудил ситуацию со своим братом Иоганном, правящим государем Лихтенштейна. Правящий князь согласился предоставить Францу для его дипломатической миссии в России щедрую финансовую поддержку в размере 50 тыс. гульденов в год. В 1890-х гг. среди дипломатических и аристократических кругов Европы Санкт-Петербург считался, наряду с Лондоном и Парижем, самой дорогой «точкой», требовавшей огромных расходов на ведение разорительной светской жизни. В глазах европейских дипломатов не только русский императорский двор, но и в не меньшей степени высшее петербургское общество поражали своей роскошью и расточительностью. Издержки здесь были в полтора раза выше, чем в Вене или Риме. Пребывание в России требовало от австрийских дипломатов огромных расходов, от чего страдали Кальноки, Волькенштайн, а позже и барон Алоис Лекса фон Эренталь, сменивший Лихтенштейна на посту посла в России, и другие зарубежные дипломаты, не располагавшие достаточными средствами [Вакоуниг 2012, с. 63–64]. О богатстве и роскоши русской придворной аристократии писали и другие представители европейских дипломатических миссий. Морис Бомпар, посол Французской республики в Санкт-Петербурге в 1902–1908 гг., сравнивал летние лагеря в Красном Селе (1904 г.) с комфортабельными квартирами для офицеров, театром, экипажами, с дамами в шелковых платьях, в жемчугах и драгоценностях со знаменитым лагерем маршала Буффлера эпохи французского Великого века³. Британский посол в России Дж. Бьюкенен отмечал, что накануне 1914 г. царская семья жила уединенно, и двор больше не принимал участие в светской жизни столицы, но театр по-прежнему выглядел великолепно, заполняясь массой блестящих мундиров и элегантно одетыми дамами, залитыми драгоценностями⁴.

³ *Bompard M. Mon ambassade en Russie. 1903–1908. Paris, 1937. P. 67–68.*

⁴ *Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. Мемуары. М., 2006. С. 138.*

Как можно предполагать, именно для поддержания подобного образа жизни русская аристократия тратила подавляющую часть своих огромных доходов. Несмотря на частые утверждения представителей русской аристократии, что «екатерининские» времена прошли и в условиях конца XIX – начала XX вв. невозможно поддерживать прежний образ жизни, в первую очередь из-за ограниченности материальных средств, хозяйственные документы юсуповской семьи и других русских аристократических фамилий свидетельствуют о несколько ином положении. Аристократия продолжала тратить большую часть своих средств на светские мероприятия, предметы комфорта и роскоши, содержание дворцовых резиденций и значительный штат обслуживающего персонала. Относительно последнего пункта можно отметить, что это соответствовало общей динамике занятости в данной сфере. Расходы на домашнюю прислугу в России увеличились с 140 млн руб. в 1885 г. (209 млн руб. в ценах 1913 г.) до 268 млн руб. в 1913 г. Число занятых в домашней прислуге в России также увеличилось с 1,26 млн чел. в 1888 г. до 1,55 млн чел. в 1913 г. [Грегори 2003, с. 107–108]. Описывая роскошную жизнь своей семьи до революции, княгиня Софья Долгорукая вспоминала: «...кажется невероятным, что требовалось такое множество людей, чтобы обеспечить физический комфорт одной семье» [Смит 2018, с. 29–30].

Богатство русской аристократии бросалось в глаза. Прежде всего это выражалось в великолепных дворцовых резиденциях, художественных коллекциях, предметах роскоши и средствах передвижения (автомобили, яхты). Особое значение имела организация требующих значительных затрат светских приемов, балов и праздников, а также охоты. Вообще, светская жизнь во времена *belle époque*, в условиях невероятного экономического прогресса и роста благосостояния элиты и средних слоев, оставалась той сферой, где богатство и роскошь аристократии были видны в первую очередь. Юсуповы соперничали своим состоянием с членами императорской фамилии. Граф А.Д. Шереметев, которому принадлежало более 200 тыс. дес. земли, со своей женой, урожденной графиней Марией Гейден, и четырьмя детьми жил на широкую ногу в роскошном петербургском доме. Путешествовал он в сопровождении многочисленной свиты слуг и домочадцев, музыкантов, певчих и даже коров из собственных деревень для обеспечения поставок к столу свежего молока [Смит 2018, с. 37]. Роман князя Александра Владимировича Барятинского (1870–1910) с итальянской певицей Линой Кавальери (1874–1944), блиставшей во время петербургских сезонов конца 1890-х гг., был ярким примером того, как многомиллионное состояние аристократа позволяло выбрасывать деньги на ветер в лучших традициях высшего общества. В 1898 г. известные ювелиры – К.А.Ф. Ган и К.И. Бок – изготовили

«парюр» из изумрудов стоимостью 60 тыс. руб., преподнесенный Барятинским «божественной Лине» на ее бенефисе в театре «Аквариум». Три нитки редкого жемчуга, заказанные князем у К. Фаберже, оценивались в 180 тыс. руб. [Олейникова 2014, с. 84]. Княгиня М.С. Барятинская (урожденная Башмакова), жена А.В. Барятинского, сына генерал-адъютанта князя В.А. Барятинского, вспоминала, насколько ее поразила первая поездка в Марьино, родовое владение Барятинских в Курской губернии: «Весьма однообразным, если не сказать монотонным, был этот русский пейзаж, и мы были буквально ошеломлены, когда в поле зрения появился прекрасный замок, расположенный в обширном парке... Парк был в самом деле восхитительным и содержался с исключительной тщательностью»⁵.

В новых экономических условиях «индустриальной эры» 1890–1914 гг. капиталы и доходы крупнейших землевладельцев значительно возросли, причем не только вследствие благоприятной динамики сельскохозяйственного производства, но и за счет использования новых источников доходов (промышленных и банковских фондов, городской недвижимости). В то же время главная цель в использовании полученных прибылей оставалась традиционной – поддержание высокого социального статуса, участие в придворной и светской жизни. Пожалуй, единственной новой формой материального интереса стало увлечение аристократии технологическими новинками (автомобили) и более высоким уровнем личного комфорта. П. Гатрелл, опираясь, правда, на исследования А.М. Анфимова и И.Д. Ковальченко, высказал соображения, что трудно судить, смогло ли дворянство скорректировать расходы, чтобы жить в пределах своих возможностей. Сведения о структуре расходов до войны 1914 г., по его мнению, говорят, что некоторым дворянам, вероятно, удалось снизить затраты на свое содержание в условиях возрастания задолженности [Gatrell 2005, p. 51]. Сохранившиеся финансовые документы подробно отражают расходную часть личных бюджетов семей крупнейших землевладельцев и, напротив, показывают рост расходных статей. Прежде всего следует обратить внимание на хозяйственную документацию имений Юсуповых, Шереметевых, Орловых-Давыдовых и Строгановых. Первые четыре семьи обладали очень похожими комплексами земельных владений, источниками доходов и объемами капиталов. В случае Строгановых определяющим источником благосостояния являлись уральские промышленные предприятия, а не сельскохозяйственные имения и городская недвижимость, но с точки зрения личных расходов различия были минимальны. Все эти фамилии по

⁵ Барятинская М.С. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. 1870–1918. М., 2006. С. 204.

своему происхождению и общественному положению входили в достаточно ограниченный круг крупнейших землевладельцев Российской империи.

Личные расходы Юсуповых

Расходы князей Юсуповых подразделялись на три большие группы: расходы по личному бюджету, расходы по резиденциям и расходы по счету пенсий и благотворительности. Структура расходов в предвоенный период представлена в следующей таблице.

Таблица 1

Расходы семьи князей Юсуповых в 1910–1914 гг. (руб.)⁶

	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.
По личному бюджету	347 428	440 634	516 312	530 719	653 136
Содержание резиденций	167 302	319 922	266 833	234 061	320 024
<i>Архангельское</i>	<i>74 042</i>	<i>109 932</i>	<i>80 621</i>	<i>70 188</i>	<i>104 780</i>
<i>Кореиз</i>	<i>28 384</i>	<i>97 339</i>	<i>37 163</i>	<i>38 699</i>	<i>68 303</i>
<i>Большой дом в С.-Петербурге</i>	<i>41 142</i>	<i>54 691</i>	<i>67 123</i>	<i>56 230</i>	<i>62 260</i>
<i>Балаклава</i>	<i>259</i>	<i>227</i>		<i>1 353</i>	<i>237</i>
<i>Московский дом</i>	<i>1 969</i>	<i>3 877</i>	<i>25 923</i>	<i>13 191</i>	<i>28 906</i>
<i>Царскосельская дача</i>	<i>21 134</i>	<i>32 198</i>	<i>16 283</i>	<i>10 440</i>	<i>12 335</i>
<i>Красносельская дача</i>	<i>372</i>	<i>687</i>	<i>342</i>	<i>342</i>	<i>394</i>
<i>Коккоз</i>		<i>20 961</i>	<i>39 368</i>	<i>41 141</i>	<i>42 803</i>
<i>Сочи</i>				<i>2 466</i>	
Пенсии и благотворительность	71 949	69 497	65 651	65 233	52 848
Расходы по винной лавке		1 820	1 865	1 552	1 113
Возврат процентных бумаг					54 167
Расходы Феликса Юсупова-младшего	21 832	45 416	40 642	79 342	137 892
Всего расходов	608 517	877 319	891 306	910 916	1 219 184

⁶ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1007. Л. 1–4.

Эти данные показывают, что Юсуповы увеличили свои денежные траты практически по всем расходным статьям. Это касалось прежде всего как собственно личных расходов членов семьи, так и затрат на переустройство дворцовых резиденций. Как следствие, несколько снизились расходы на пенсии и благотворительность.

Сохранившиеся отчеты позволяют более детально представить, каким образом Юсуповы распоряжались своими деньгами. Так, по сведениям, относящимся к 1912 г., личный бюджет семьи составил 516 312 руб. Из них 257 542 руб. переведено наличными «их сиятельствам», уплачено по счетам 239 183 руб., потрачено на выплату жалования служащим, награды и т. п. 19 333 руб., переведено (видимо, дополнительно) кн. Ф.Ф. Юсупову-мл. 12 044 руб., израсходовано на содержание охоты 3 148 руб. и на содержание автомобиля 1429 руб.⁷ Последняя статья расходов – дань не только моде начала XX в., но и необходимая составляющая образа жизни высшей столичной знати. Первые автомобили, появившиеся в Петербурге в 1901–1902 гг., были куплены министром двора графом Фредериксом и великим князем Дмитрием Константиновичем. В семье Набоковых к 1910-м гг. было уже две машины [Муравьева 2004, с. 60]. Как и другие состоятельные аристократы, увлеклись автомобилями и Шереметевы. В марте 1914 г. управляющий Баландинской вотчиной сообщал графу С.Д. Шереметеву об отправке после ремонта в Москву, в Воздвиженский дом, автомобиля «Пинна»⁸. Управляющий же Кусковским имением должен был найти помещение в усадьбе для создания гаража⁹. Князь Георгий Александрович Щербатов упоминал в воспоминаниях о настоящем увлечении своего дяди графа С.А. Строганова автомобилями: «...мой дядя Сергей Строганов приехал пожить с нами, привезя несколько машин и chauffeurs (шоферов) с собой. После того, как машины заняли место лошадей в сердце дяди, он с рулем в руках объездил почти всю Францию и Голландию... и стал автомобилистом (он обычно имел примерно 14–16 машин с механиками и chauffeurs)»¹⁰. В этом новом увлечении столичной аристократии Юсуповы следовали общей моде. Молодой князь Николай Юсупов получал, например, от родителей деньги на оплату счетов по содержанию машины с води-

⁷ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 939. Л. 84.

⁸ Там же. Ф. 1287. Оп. 1. Ед. хр. 5981. Л. 89.

⁹ Там же. Л. 63.

¹⁰ «Моё любимое место было Васильевское...». Фрагмент из воспоминаний князя Георгия Александровича Щербатова «Моя жизнь» // Краеведческие чтения. Порхов-Холомки. Материалы научной конференции 20–21 декабря 2002 г. Псков, 2003. С. 190.

телем во время пребывания в Париже в 1907 г.¹¹ Младший же сын Юсуповых Феликс получил новый автомобиль в подарок на новый 1910 год [Красных 2003, с. 185]. Принадлежали Юсуповым также и два комфортабельных вагона, соответственно для передвижения по России и в Европе. Содержание их требовало значительных расходов. Только за ремонт, например, в марте 1902 г. было выплачено Обществу Русско-Балтийского вагонного завода 8 719 руб.¹²

В целом более половины доходов Юсуповы тратили на личные нужды. Около трети доходов шло на содержание усадеб и городских резиденций, т. е. направлялось на поддержание своего статусного положения. Различные выплаты служащим и благотворительность забирали 15–20 % всех расходов. В первые годы XX в. расходы Юсуповых постоянно растут, достигнув максимума как раз накануне 1914 г. В 1910 г. они составили 608 517 руб., в 1911 г. – 877 319 руб., в 1912 г. – 891 077 руб., в 1913 г. – 910 916 руб., а в 1914 г. – 1 166 012 руб. Правда, последняя сумма объяснялась тем, что Юсуповы вынуждены были прибегнуть к чрезвычайным тратам в связи с бракосочетанием молодого князя Феликса Феликсовича и княжны императорского дома Ирины Александровны¹³.

Личные расходы Шереметевых

Согласно бюджетным материалам, содержание семьи графа С.Д. Шереметева в 1903–1915 гг. варьировалось в пределах сходных денежных сумм:

1903 г. – 100 000 руб.;	1910 г. – 122 500 руб.;
1904 г. – 134 600 руб.;	1911 г. – 142 000 руб.;
1905 г. – 126 400 руб.;	1912 г. – 129 700 руб.;
1906 г. – 132 000 руб.;	1913 г. – 137 000 руб.;
1907 г. – 120 100 руб.;	1914 г. – 144 900 руб.;
1908 г. – 140 800 руб.;	1915 г. – 171 700 руб.
1909 г. – 146 100 руб.;	

Как и в хозяйстве князей Юсуповых, кроме личных трат членов семьи, больших расходов требовало содержание дворцовых резиденций (от 85 400 руб. в 1905 г. до 166 100 руб. в 1912 г.), новые постройки в имениях (от 21 200 руб. в 1904 г. до 439 200 руб. в 1912 г.), покупка земли (81 500 руб. в 1905 г., 25 700 руб. в 1910 г.). При этом надо

¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 26. Л. 5.

¹² РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 404. Л. 14.

¹³ Там же. Д. 1007. Л. 3.

учитывать, что значительные суммы были направлены на реконструкцию шереметевских резиденций еще в 1870–1890-е гг. В 1876 г. графу С.Д. Шереметеву был представлен молодой архитектор Н.В. Султанов (род. 1850), окончивший Петербургский институт гражданских инженеров. С 1878 г. на протяжении почти 20 лет он руководил всеми масштабными строительными работами в московских домах и подмосковных владениях С.Д. Шереметева. Ранее (1876 г.) Султанов занимался реставрацией церкви Святой Живоначальной Троицы в имении графа А.Д. Шереметева Останкино. С 1878 г. он приступил к работам в Кусково. Архитектор в письмах графу подробно сообщал о производимых постройках и затратах. Летом 1880 г. в Кускове, например, была построена пристань, проведена реставрация церкви, из Петербурга доставлены подъемные механизмы для моста. Одновременно работы производились в имениях Шереметевых в Иваново-Вознесенске и Михайловском¹⁴. В Кусково Султановым было построено несколько новых сооружений: танцевальный зал, дачи и оранжереи, новая пристань, два подъемных моста, система орошения сада и фонтан. 15 мая 1886 г. усадьбу посетили император Александр III, императрица Мария Федоровна и наследник [Савельев 2013, с. 386–387]. Весной 1882 г. Султанов сообщал о работах в Странноприимном доме в Москве. Речь шла об общем ремонте здания, установке водопровода, вентиляции, отопления и пр. На эти цели владельцами было ассигновано 120 тыс. руб. Также архитектор сообщал о продолжении работ в Кусково, Михайловском и Фонтанном доме в С.-Петербурге. Они были закончены только в 1890-е гг.¹⁵ Наиболее масштабные работы были произведены под руководством Н.В. Султанова в подмосковном Михайловском, ставшим главной резиденцией Шереметевых. В письме графу архитектор подробно перечислял все, сделанное в усадьбе за 10 лет: «Две оранжереи (тропическая и фруктовая); конюшни на 45 лошадей; конюшни с денниками для верховых лошадей; главная кухня с хлебопекарней, ледником, квартирой повара и пр.; прачечная; большие каретные сараи с шорной и отделением для пожарных инструментов; каменный ледник для молочного хозяйства; дом для садовых рабочих; то же для прислуги, для приезжих, для почты и телеграфа; кузница со слесарной, столярной; здание сельской школы на 40 чел.; конный двор; плотина на реке Пахре и водная мельница на три постава; кирпичный завод; водоснабжение всей усадьбы с водоподъемной машиною...». Также Султанов капитально перестраивает главный усадебный дом в Михайловском, построенный в 1776–1784 гг. При обновлении интерьеров по проекту

¹⁴ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ед. хр. 1660. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 5–6, 57–59.

архитектора вводились элементы традиционной русской обстановки: изразцовые печи, орнаментальные росписи, мебель в «русском» стиле [Савельев 2013, с. 387]. Обращает на себя внимание, что целью перестройки усадьбы было не только вполне традиционное обновление хозяйственной инфраструктуры и внесение новых художественных элементов, но и создание более современной, комфортной среды, включавшей новейшие технические изобретения эпохи. В конце 1880-х – начале 1890-х гг. Султанов производил ремонт храма-усыпальницы в подмосковном селе Шереметевых Чиркине и строил небольшую церковь в их прибалтийской вотчине Альт-Пебальге. В 1882–1884 гг. архитектор руководил ремонтными работами в главном здании Странноприимного дома. Речь шла о строительстве двух флигелей, часовни, системы водоснабжения, вентиляции, отопления, перепланировке обоих этажей здания и новой отделке церкви Св. Троицы. В целом же в 1880–1890-е гг. Шереметевы затратили сотни тысяч рублей на перестройки в своих дворцовых резиденциях, и в дальнейшем суммы на их содержание были важнейшими в списке расходов графской семьи.

Согласно документам бюджета Главной канторы по делам и имениям Шереметевых, расходы этой аристократической семьи в 1900 г. должны были распределяться следующим образом. Личные расходы «их сиятельств» оценивались в 80 800 руб. Содержание семейства должно было составлять 90 288 руб. (воспитание детей, стол, буфет, врачи, прачечная, прислуга в количестве 52 человек, конюшня, проезды). Выплата процентов по обязательствам банкам – 82 985 руб. По счету благотворительности направлялось 29 036 руб. (выплаты пенсий (80 чел.) и стипендий (10 чел.), приюты, богадельни, церкви). Содержание Главной канторы и административные расходы должны были составить 36 860 руб. Счет «литература и искусства» предполагал расходы в 16 285 руб. (работа в архивах, публикации, покупка произведений живописи и скульптуры, библиотека, а также перечисление средств Императорскому обществу любителей древней письменности). Содержание дач и домов оценивалось в 98 272 руб., в том числе расходы на имение Михайловское – 56 657 руб. Единовременные расходы на постройки в имениях должны были составить 29 827 руб.¹⁶ В действительности общие расходы Шереметевых за 1900 г. выразились в сумме 963 220 руб. Личные расходы составили 92 471 руб., содержание семейства – 207 147 руб., благотворительность – 35 564 руб., литература и искусство – 22 517 руб., содержание Главной канторы – 41 703 руб., выплаты процентов по долгам и обязательствам – 84 445 руб., новые

¹⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ед. хр. 5895. Л. 26–45.

постройки в имениях и содержание домов – 233 862 руб., постройка Никольского дома в Москве – 135 229 руб.¹⁷ Финансовые итоги года (1900) вызывали серьезное беспокойство руководителей Главной конторы, о чем они и сообщали владельцам. Граф С.Д. Шереметев получил вместе с отчетом объяснительную записку, в которой говорилось следующее: «...Результат минувшего года выразился в новом приращении долгов на сумму – 526 088 руб. Если приложить к этой сумме полученную доходность минувшего года – 437 132 руб., то увидим, что за 1900 г. израсходовано 963 220 руб. и, кроме того, капитальные суммы – 14 849 руб., а всего 978 070 руб. Расход следовательно более чем вдвое превысил полученную доходность». Далее в записке причины крупного перерасхода денег объяснялись покупкой имения «Гавронцы» (66 468 руб.), свадьбой графини Марии Сергеевны (68 142 руб.), свадьбой графа Петра Сергеевича (18 206 руб.), затратами, не вошедшими в общий бюджет, на постройку Никольского дома в Москве (135 229 руб.), постройкой винокуренного завода в Серебряных Прудах (25 000 руб.), расходами по петербургским домам (64 181 руб.). Выясняется также, что перерасход средств наблюдался и по другим статьям бюджета Шереметевых. Личные расходы оказались выше на 11 471 руб. («увеличение в 1900 г. окладов графа Петра Сергеевича и графа Сергея Сергеевича»), содержание семейства – на 30 510 руб. («непредвиденные расходы» и «покупка разных вещей»), затраты на благотворительность – на 6 528 руб. («единовременные выплаты»), на литературу и искусство – на 6 231 руб., содержание Главной конторы – на 4 843 руб., по процентным бумагам – на 1 460 руб. («увеличение кредита в Государственном Банке, благодаря чему цифра процентов по учету векселей увеличилась более чем вдвое»). Новые постройки в имениях и содержание домов потребовало перерасхода на 105 758 руб.¹⁸

Из приведенных данных хорошо видно, что значительный рост расходов Шереметевых заключался отнюдь не только в непроизводительных тратах на личные нужды, но и в значительных инвестициях в собственное хозяйство. Последние составили примерно половину суммы перерасхода за 1900 г. Так, например, в расход по петербургским домам (64 181 руб.) включались статьи по устройству электрического освещения, полного переустройства помещения для виноторговли, общий ремонт Фонтанного и Литейного домов. В то же время в записке подчеркивалось, что «доходный бюджет по имениям за 1900 г., несмотря на массу капитальных затрат по сооружению новых построек, мелиорации и пр., почти не нарушил

¹⁷ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ед. хр. 5927. Л. 7–15.

¹⁸ Там же. Л. 2–3.

ожиданий»¹⁹. В отчете за предшествующий год (1899) также Главная контора уведомляла владельцев в значительном перерасходе бюджетных средств, «несмотря на все прилагаемые меры». Увеличение выплат по личным счетам (на 31 548 руб.) объяснялось тем, что «молодые графы, помимо выдаваемых им сумм из Главной конторы, требуют денег из касс Московской, Михайловской, Баландинской и проч. контор, где им приходится бывать в течение года». Значительный перерасход средств наблюдался по статьям содержания семейства (59 792 руб.), интересов (40 840 руб.), литературы и искусства (20 076 руб.). Самый большой перерасход (76 984 руб.) был по статье «содержание имений и домов». В отчете отмечалось, что наибольшие незапланированные затраты приходились на Введенское имение из-за постройки кирпичного завода и приспособления усадьбы для жительства графини Марии Сергеевны Гудович. Дополнительных затрат также потребовали Михайловское, Остафьево и Кучук Деревья²⁰.

В подробной ведомости расходов Шереметевых за 1901 г. можно, в частности, видеть, как в действительности распределялись расходы этой большой аристократической семьи (9 человек). Личные расходы семьи составили 98 тыс. руб. (граф Сергей Дмитриевич – 12 тыс. руб., графиня Екатерина Павловна – 12 тыс. руб.; их дети: Дмитрий Сергеевич – 15 тыс. руб., Павел Сергеевич – 9 тыс. руб., Борис Сергеевич – 9 тыс. руб., Петр Сергеевич – 12 тыс. руб., Сергей Сергеевич – 4 тыс. руб.; сестры графа С.Д. Шереметева: Анна Сергеевна Сабурова – 12 тыс. руб., графиня Мария Сергеевна Гудович – 12 тыс. руб.). На содержание семьи графа С.Д. Шереметева было затрачено 87 329 руб. В эту сумму входили затраты на воспитание детей (жалование домашних учителей), стол, на врачей и лекарства, жалование и платё прислуги, конюшню. Выплаты долговых процентов по залогу имений в Государственном дворянском земельном банке и других банках составили 173 552 руб. На благотворительность Шереметевы потратили в этом году 28 550 руб. Жалование служащим Главной конторы составило 20 060 руб. Личные интересы графа С.Д. Шереметева (работа с историческими архивами, разные публикации, покупка произведений живописи и книг) потребовали 16 995 руб. Содержание дач и домов составило 110 955 руб. (в том числе имения Михайловское и Остафьево – соответственно 50 566 руб. и 8 939 руб., Фонтанный дом в Санкт-Петербурге – 21 061 руб.). Расходы по постройкам в городских владениях и имениях составили 106 944 руб. (в том числе в Никольском доме в Москве – 50 000 руб., в Михайловском – 29 972 руб.,

¹⁹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ед. хр. 5927. Л. 4–4 об.

²⁰ Там же. Ед. хр. 5925. Л. 2–3 об.

в Фонтанном доме в С.-Петербурге – 22 183 руб.). Экстренные платежи потребовали 97 287 руб.²¹ Значительную часть доходов в полном смысле этого слова пожирали платежи по долговым обязательствам (от 128 000 руб. в 1903 г. до 406 900 руб. в 1915 г.). На поездки за границу Шереметевы потратили 23 800 руб. в 1910 г., 8 300 руб. в 1911 г., 13 700 руб. в 1912 г., 6 900 руб. в 1913 г.²²

В предвоенные годы Шереметевы продолжали вести прежний образ жизни, и расходы семьи были еще выше, чем в начале века. По бюджетным данным на 1913 г., общие расходы графа С.Д. Шереметева должны были составить 1 169 606 руб., что почти на 200 000 руб. должно было превысить предполагаемые доходы (985 212 руб.). Личные расходы «их сиятельств» определялись в 129 тыс. руб. Содержание семьи графа С.Д. Шереметева требовало 128 292 руб. (стол, освещение, прачечная, покупка вещей и мебели, покупка одежды, прислуга, награды к празднику, лекарства, конюшня, проезды, столовые, годовые взносы в разные общества и пр.). 8 996 руб. должно быть выплачено по долговым обязательствам частным лицам. Значительная сумма в 331 816 руб. выплачивалась в счет процентов по залогу имений банкам, а также 18 750 руб. в качестве процентов по учету векселей. Траты на благотворительность составляли 32 163 руб. Шереметевы оказывали материальную помощь 53 пенсионерам, 2 стипендиатам, 10 училищам и школам, а также церквям и монастырям. Расходы по Главной конторе и организации хозяйства должны были составить 42 772 руб. Статья расходов «литература и искусство» (работа в архивах, публикации, библиотека) оценивалась в 12 060 руб. Содержание городских и сельских дворцовых резиденций Шереметевых требовало 166 618 руб. (Воздвиженский дом в Москве – 10 930 руб., Михайловское – 79 245 руб., Остафьево – 4 347 руб., Фонтанный дом в С.-Петербурге – 50 463 руб., владения на Кавказе Карданах, Кучун-Дере и Красная Поляна – 20 521 руб.). Новые постройки в имениях и покупка недвижимости оценивались в 200 973 руб. (в том числе расходы по Баландинской вотчине – 163 191 руб. и Никольскому дому – 11 491 руб.). Содержание странноприимного дома в Москве составило 8 437 руб. Оставались также неоплаченные счета за 1912 г. на сумму 89 721 руб.²³

Шереметевы поддерживали аристократический образ жизни, и по торжественным случаям их дворцовые резиденции принимали массу гостей. Разумеется, это требовало значительных расходов. Дворцовые резиденции графа С.Д. Шереметева посещали представители крупнейших аристократических фамилий, деятели науки

²¹ РГИА. Ф. 1088. Оп. 4. Ед. хр. 36. Л. 13–29.

²² Там же. Ед. хр. 175. Л. 3.

²³ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ед. хр. 5906. Л. 1–18.

и культуры, а также члены политического кружка, представители высшей российской бюрократии крайне правого толка. Члены этого кружка обычно собирались в Шереметевском дворце в С.-Петербурге (Фонтанный дом). Собрания во дворце проходили, как правило, в холодное время года. Архитектор Дж. Кваренги в конце XVIII в. пристроил под прямым углом к южному крылу Шереметевского дворца так называемый Галерейный флигель, в котором в середине XIX в. был устроен двусветный парадный зал (Белый зал), ставший самым большим во дворце. В нем устраивались пышные приемы, балы, заседания различных обществ и ужины. Имеются свидетельства об организации вечеров в имении графа в Остафьево, под Москвой, где он часто со своей многочисленной семьей жил летом. Вечера в Остафьево, проходившие в Овальном зале и Парадной столовой дворца, посещали преимущественно литераторы и историки – П.И. Бартенев, Л.Н. Майков, Н.П. Барсуков, И.С. Беляев, Б.Д. Греков. Также собрания проходили в доме Шереметева в Москве на Воздвиженке [Стогов 2013, с. 70]. В архивном фонде Шереметева хранятся меню обедов с заметками и автографами С.Д. Шереметева за 1896–1905 гг., а также меню обедов и ужинов за 1877–1915 гг. Так, на обед 14 ноября 1913 г. в Москве, в доме на Воздвиженке, подавали суп из шампиньонов, бульон, филе из куропаток, парфе мандариновое, пирожки. А на ужин, состоявшийся 27 января 1900 г., подавали филе из лосося, соус «Ремуляд», жаркое (цыплята, куропатки, рябчики), салат «Эскароль», буше «Паризьен», чай, гренки, пирожные. Стол у Шереметевых был обставлен изысканными блюдами, дорогими винами, вином из собственного имения Карданах, закусками, на горячее – жаркое, рыба, десерт, кофе [Стогов 2013, с. 71].

Список приглашенных на свадьбу графа Петра Сергеевича 26 апреля 1900 г. насчитывал более 150 человек. На свадьбе графини Марии Сергеевны 23 января 1900 г. присутствовало более 200 человек, из которых почти 120 человек были приглашены и на свадебный обед. Также почти 200 человек были приглашены на свадьбу графини Анны Сергеевны 30 июня 1894 г. Расходы на эту церемонию составили 52 967 руб., в том числе на ювелирные украшения потрачено 6 653 руб. (Фаберже – 3 908 руб.), на платья и меха – 15 363 руб., на обед (120 кувертов) – 1 097 руб.²⁴ Выше было уже указано, что на свадьбу графини Марии Сергеевны Шереметевой было потрачено 68 142 руб.

И в обычные дни Шереметевы принимали многочисленных гостей. 28 мая 1896 г. в Кускове на обеде присутствовало 45 человек. 6 сентября 1916 г. в Михайловском обедали 49 человек²⁵. Шереме-

²⁴ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ед. хр. 5855. Л. 3–30.

²⁵ Там же. Л. 33–37 об.

тевы организовывали в своих резиденциях домашние спектакли. В одном из писем (19.02.1901) графу Сергею Дмитриевичу архитектор Н.В. Султанов делился своими впечатлениями о таком представлении: «Затем позвольте мне принести Вашему Сиятельству мою глубочайшую благодарность за то истинное наслаждение, которое я вынес из Вашего вечера с «комедийным действием». Я видел всех «лицедеев» в первый раз, и они поразили меня своею талантливостью. Мария Сергеевна – эта маленькая Дузе. А Дмитрий Сергеевич и Ирина Илларионовна? – Да ведь это сама прелесть!»²⁶. Кстати, расход по этому спектаклю, который состоялся 8 февраля 1901 г., составил 2 417 руб. В эту сумму входили выплаты режиссеру, затраты на прокат декораций и сцены, устройство электрического освещения, наем прислуги и организация ужина²⁷.

Личные расходы Орловых-Давыдовых

Земельные владения, личное состояние и ежегодные доходы Орловых-Давыдовых были того же порядка, что и у Юсуповых и Шереметевых. Общие расходы графа А.В. Орлова-Давыдова в 1899 г. составили 655 916 руб., что было меньше доходов в этом году, которые выражались суммой в 762 317 руб. Большая часть расходов была издержана на покупку процентных бумаг (410 003 руб.) и выплату налога за хранение в Государственном банке процентных бумаг (8 491 руб.). Остальные расходы представляли следующие статьи: личные расходы «его сиятельства» графа Анатолия Владимировича Орлова-Давыдова – 27 895 руб.; выплаты сыновьям графа – Александру Анатольевичу (51 904 руб.), Алексею Анатольевичу (16 000 руб.), Владимиру Анатольевичу (8 369 руб.); графине Марии Михайловне – 1 500 руб.; содержание стола, прислуги – 21 621 руб.; содержание конюшни и экипажа – 4 776 руб.; содержание Сергиевского дома в Санкт-Петербурге – 14 051 руб.; пенсии и пожертвования – 24 257 руб.; графине В.П. Толстой – 4 000 руб. Таким образом, личные расходы семьи составили 174 377 руб. Кроме того, Орловы-Давыдовы затратили на содержание великолепного Отраднинского имения 20 878 руб., на дачу Мариенберг – 2 482 руб., на замок Шале-де-Розье – 10 000 руб. Расходы по Главной конторе в Санкт-Петербурге и в Москве составили соответственно 15 193 руб. и 1 419 руб. Выдано заимообразно разным лицам 8 118 руб. Общий расход, согласно подсчетам Главной конторы по управлению делами графа А.В. Орлова-Давыдова, не

²⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ед. хр. 1660. Л. 152 об.

²⁷ Там же. Ед. хр. 5915. Л. 11.

считая оборотных средств и затрат на покупку процентных бумаг, составил в 1899 г. 238 340 руб.²⁸

Орловы-Давыдовы могли позволить себе жить роскошно, но при этом их расходы соответствовали возможностям доходных статей их бюджета. Большая часть средств тратилась на личные нужды. Обращает на себя внимание огромная сумма на содержание старшего сына в семье, который жил отдельно и вел светскую жизнь. Значительные суммы поглощало содержание городских и сельских резиденций в России и за границей. Значительные суммы тратились на благотворительные нужды. В отчете Главной конторы по делам и имениям графов Орловых-Давыдовых за 1900 г. указывалось: «...личные расходы Вашего сиятельства, в состав которых входят расходы по содержанию ваших сыновей, а также пожертвования, подарки и покупки разных вещей для дома, превысили таковые за 1899 г. на 110 000 руб.»²⁹ В течение всего рассматриваемого периода Орловы-Давыдовы переводили большую часть чистой прибыли от своих сельскохозяйственных имений в ценные бумаги, став в итоге владельцами крупных банковских капиталов.

Накануне 1914 г. сыновья уже покойного графа А.В. Орлова-Давыдова, разделившие его огромные владения, могли позволить тратить еще большие суммы. В 1910 г. личные расходы графа Александра Анатольевича составили 649 416 руб. Они включали в себя более двух десятков различных статей³⁰. Собственно личные траты графа выражались суммой 151 549 руб., в том числе было «представлено Его сиятельству наличными и аккредитивами» 65 939 руб., переведено графине Марии Михайловне Орловой-Давыдовой 10 510 руб., передано банкирам Мейеру и Диссу для уплаты ювелиру Роберту Коху 25 547 руб. и потрачено на путевые расходы 2 883 руб. Предоставлено отдельной статьей графине Марии Михайловне и уплачено по ее счетам 83 434 руб. Куплено процентных бумаг на 177 725 руб. Остальные расходы представляли собой следующее:

Содержание виллы Шале-де-Розье в Ментоне – 1 084 руб.

Благотворительные расходы графини – 1 149 руб.

Счет стола и содержания – 32 215 руб.

Счет конюшни – 2 831 руб.

Покупка разных вещей (мебель, пианино и т. п.) – 4 985 руб.

Выдача пенсий и пособий – 11 117 руб.

Содержание Сергиевского дома в Санкт-Петербурге – 17 714 руб.

²⁸ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Ед. хр. 2592. Л. 2–4.

²⁹ Там же. Л. 156.

³⁰ Там же. Ед. хр. 2605. Л. 10 об.–40.

Содержание Главной конторы в Санкт-Петербурге – 13 981 руб.
Счет уплаты процентов за хранение ценных бумаг в банке – 721 руб.
Счет страхования процентных бумаг – 318 руб.
Путевые расходы служащих – 1 111 руб.
Внесено в погашение долга в Санкт-Петербургский учетный и ссудный банк – 58 169 руб.
Счет постройки Бахиловской железнодорожной ветки – 58 598 руб.
За устройство балов – 8 934 руб.

Хорошо видно, что и десять лет спустя, в 1910-х гг., Орловы-Давыдовы вели роскошный образ жизни. В структуре расходов не произошло принципиальных изменений. По-прежнему высокий уровень характерен для личных трат и расходов на содержание резиденций. Неожиданно, правда, значительные затраты на строительство железнодорожной ветки в землях Орловых-Давыдовых отнесены к категории личных расходов. «Социальный налог» этой аристократической семьи был незначительным – на благотворительные нужды было выделено всего около 2 % всех личных расходов. Обращает на себя внимание и перевод значительных сумм в «бумажные» капиталы – различные ценные бумаги банков и промышленных компаний.

Личные расходы Строгановых

Самыми крупными землевладельцами Российской империи (более 1 млн дес.), после императорской фамилии, были Строгановы. В 1891 г. общие расходы по владениям графа С.А. Строганова составили огромную сумму в 3 051 471 руб. Однако две трети этих средств направлялось по счету Пермского имения на содержание заводов и промыслов (2 300 000 руб.), а также единовременные затраты на промышленные заведения (75 тыс. руб.). 184 тыс. руб. было затрачено на заготовку и доставку соли. Таким образом, только оставшаяся за вычетом этих статей сумма в 492 тыс. руб. могла относиться к категории личных расходов. Содержание больницы стоило Строгановым 22 тыс. руб., содержание городских владений и прибалтийской мызы – 64,5 тыс. руб. На Порховское имение Псковской губернии было затрачено 48,2 тыс. руб. К личным расходам семьи Строгановых можно отнести также следующие статьи. По счету долгов по выделу из майората капиталов Ольги и Марии Строгановых (сестер графа С.А. Строганова) было выделено 182 775 руб. Личные расходы графа составили 250 тыс. руб. Кроме того, в этом году было затрачено на постройку в Англии яхты 250 539 руб. (40 400 фунтов стерлингов), а также на ее содер-

жание – 50 тыс. руб.³¹ Как и императорские яхты, приобретенная «Заря» была роскошно оформлена внутри. Для нее, в частности, в Англии, на фарфоровом заводе Минтона, граф заказал туалетный и умывальный набор, а также обеденный сервиз. На каждом предмете была изображена эмблема судна, включавшая в себя графскую корону, флаг Императорского яхт-клуба и ленточку с надписью «Заря» [Кузнецов 2002, с. 60]. Значительных расходов требовало и содержание дворца Строгановых в Санкт-Петербурге. Так, в 1900 г. на это было затрачено 29 739 руб.³² В целом же Строгановы тратили на личные нужды немногим более 7 % от общей суммы расходов, которые преимущественно шли на производственные и управленческие нужды.

В следующие годы личные расходы графа С.А. Строганова, включая выплаты членам рода, значительно выросли:

245,1 тыс. руб. (1906);	562,7 тыс. руб. (1911);
244,2 тыс. руб. (1907);	472,5 тыс. руб. (1912);
287,7 тыс. руб. (1908);	449,8 тыс. руб. (1913);
376,6 тыс. руб. (1909);	511,7 тыс. руб. (за десять месяцев 1914 г.) ³³
378,7 тыс. руб. (1910);	

В конце 1914 г. Главное управление составило подробную роспись расходов (руб.) графа С.А. Строганова за период с 1 января 1905 г. по 1 ноября 1914 г.

Данные таблицы достаточно показательны для понимания динамики расходов Строгановых за десятилетие 1905–1914 гг. В этот период задолженность хозяйства была практически ликвидирована, и производство на уральских заводах демонстрировало устойчивый и значительный рост прибыли. Реорганизация производства в 1909–1914 гг. потребовала, что естественно, увеличения штатных выплат сотрудникам и специалистам. В то же время неудивительно, что личные расходы графа увеличились за десятилетие в 2 раза. При этом значительная сумма была выплачена сестре графа Марии Александровне Ягминой в счет семейного раздела майората. Также практически в 2 раза выросли траты на содержание порховских имений. Граф начинает большие перестройки в С.-Петербурге, и за 1909–1914 гг. на эти цели было потрачено более 400 тыс. руб. Обращает на себя внимание незначительность «социального налога», который выплачивали Строгановы. Траты на пенсии и пособия за десятилетие не увеличились и составили около 2,5 % всех расходов.

³¹ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Ед. хр. 403. Л. 13–15.

³² Там же. Ед. хр. 2652. Л. 29.

³³ Там же. Ед. хр. 3101. Л. 7–112.

Таблица 2

Личные расходы графа С.А. Строганова
в 1905–1914 гг. (руб.)

	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	Всего
Личный счет гр. С.А. Стро- ганова	209 546	218 686	210 309	247 613	320 404	319 696	523 161	384 781	356 495	411 719	3 202 410
Порховское имение	45 813	57 347	71 184	67 138	73 295	92 921	105 884	94 003	86 438	71 877	765 900
Графский хутор	16 219	720	3 608	18 189	18 207	10 846	11 850	17 631	10 607	17 544	125 421
Штатные выдачи	22 925	26 425	33 865	40 140	56 175	59 004	39 506	87 715	93 290	99 950	558 995
Пенсии и пособия	23 952	19 995	19 603	18 939	19 919	21 529	21 066	21 284	24 548	20 173	210 178
Содержание Главной кон- торы	33 122	38 901	36 622	35 695	36 365	37 752	38 470	41 024	41 717	43 922	383 170
Разные рас- ходы	11 079	19 218	7 026	10 955	10 148	10 249	11 816	11 482	11 252	13 302	116 577
На раненых	-	-	-	-	-	-	-	-	-	51 562	51 562
На крейсер «Русь»	1 439 126	61 325	21 412	3 949	151 303	-	-	-	-	-	1 677 115

34 РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Ед. хр. 427. Л. 3 об. – 4.

Погаше- ние долга Дворянскому банку	–	–	7 644	1 661	1 729	1 788	1 871	1 947	2 025	2 107	20 772
Погашение долга Азовс- ко-Донскому банку	–	–	–	589	355	932	657	687	734	18 314	22 268
М.А. Ягми- ной уплата в счет капитала на выдел из майората	119 144	27 472	75 197	63 856	63 638	81 223	75 840	24 545	37 667	25 558	594 132
С.Ю. Ягмину заимообразно	–	–	–	–	–	–	–	–	–	19 130	19 130
Новые пос- тройки в С.- Петербурге	–	–	–	–	96 777	56 927	13 163	68 685	110 501	53 956	400 009

Однако в статьи благотворительности не вошла огромная сумма на покупку крейсера «Русь» для русского флота, обошедшаяся графу С.А. Строганову в 1,6 млн руб., а также отчисления на раненых в 1914 г. Всего же за 1905–1914 гг. Строгановы потратили более 8 млн руб. Таким образом, ежегодные расходы на личные нужды, усадьбные резиденции, содержание управленческого аппарата приближались к 1 млн руб. И это при том, что накануне 1914 г. огромное строгановское хозяйство на Урале практически не имело задолженности.

Аристократия и траты на благотворительность

В исследованиях уже отмечалась новая тенденция в распоряжении крупными денежными суммами в среде аристократии. Доходы крупных помещиков, не поглощенные личными расходами, в значительной мере оседали в сейфах не только в виде закладных листов и свидетельств земельных банков, но и как облигации государственных банков, акции банков и торгово-промышленных предприятий, страховых компаний, пароходных обществ, железных дорог и т. п. Многие из них выделяли часть своих капиталов на развитие культуры и благотворительность. В частности, из владельцев дворянских усадеб, чья культурно-благотворительная деятельность была широко известна, крупнейшими держателями ценных бумаг были графы А.Д. Шереметев и С.Д. Шереметев, графы Орловы-Давыдовы и князья Юсуповы [Дворянская 2001, с. 407]. Безусловно, определенная часть богатств перераспределялась по доброй воле владельцев в пользу других слоев населения через организацию учебных, медицинских и благотворительных учреждений, выплату пенсий и пособий. Если не брать крайние случаи, как, например, огромные затраты на благотворительность графов Бобринских («тульских»), приведшие их по сути к разорению, крупные землевладельцы были далеки от альтруизма в вопросах меценатства, благотворительности и социальных расходов. Вот, например, соотношение общих расходов (руб.) семьи князей Юсуповых и их отчислений на благотворительные цели (пенсии, пособия, содержание учебных и медицинских учреждений): 1910 – 608 517 (71 949); 1911 – 877 319 (69 497); 1912 – 891 306 (65 651); 1913 – 910 916 (65 233); 1914 – 1 219 184 (52 848)³⁵. Хорошо видно, что последние находились в пределах 5–10 % от общей суммы потраченных средств. Общие расходы семьи графа С.Д. Шереметева за 1900 г. выразились в сумме 963 220 руб.

³⁵ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1007. Л. 1–4.

Из них на благотворительные цели было потрачено 35 564 руб.³⁶ По бюджетным данным на 1913 г., общие расходы графа С.Д. Шереметева должны были составить 1 169 606 руб. Траты на благотворительность определялись в 32 163 руб. Шереметевы оказывали материальную помощь 53 пенсионерам, 2 стипендиатам, 10 училищам и школам, а также церквям и монастырям. Отдельно подсчитывалось содержание странноприимного дома в Москве (8 437 руб.)³⁷. Княгиня Мария Павловна Долгорукова, которая получила в 1910 г. доход в 237,2 тыс. руб., потратила на благотворительность 17,3 тыс. руб.³⁸ Уже отмечалось, что различные пенсии, пособия и стипендии составляли значительную статью расходов графа И.И. Воронцова-Дашкова и его жены. В 1906 г. отчисления на эти цели достигали более 11 тыс. руб. – примерно 4 % всех ежегодных расходов [Исмаил-Заде 2008, с. 50]. Из общей суммы расходов семьи графов Орловых-Давыдовых в 1899 г. в 655 916 руб. на пенсии и пожертвования было направлено 24 257 руб.³⁹ Общие расходы графа С.А. Строганова в 1913 г. составили 775 274 руб., из которых на пенсии и пособия приходилось 24 548 руб.⁴⁰ Как представляется, «социальный налог», который добровольно платили крупнейшие земельные собственники, редко превышал 5 % от общей суммы их огромных расходов.

Заключение

В структуре личных расходов богатейших аристократических семей около половины всех денежных трат приходилось на содержание городских и сельских дворцовых резиденций. Распространенные представления об упадке дворянской усадьбы в России в начале XX в. в целом не более чем исторический миф. В упадок и запустение приходили отдельные имения в результате смены владельцев и продажи, что вызывало беспокойство части образованных кругов, с ностальгией оплакивавшей исчезающие картины усадебного быта XVIII в. В действительности накануне 1914 г. дворянские усадебные резиденции в России, как и повсеместно в Европе, переживали новую эпоху расцвета. В отличие от старой буржуазии и нуворишей, представители аристократии в начале XX в. не возводили, как правило, новых дворцовых комплексов, но сохраняли в своих руках роскошные резиденции, построенные еще в XVIII – начале XIX вв.

³⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ед. хр. 5927. Л. 7–15.

³⁷ Там же. Ед. хр. 5906. Л. 1–18.

³⁸ ГАРФ. Ф. 919. Оп. 1. Д. 6. Л. 11–14.

³⁹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Ед. хр. 2592. Л. 2–4.

⁴⁰ Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Ед. хр. 427. Л. 3 об.–4.

При этом сельские и городские усадьбы аристократии реконструировались и обзаводились техническими усовершенствованиями. Показателем богатства и роскоши аристократических семей становились не столько великолепные интерьеры и коллекции предметов искусства, сколько дорогостоящие технические элементы комфорта. Особый интерес, который крупнейшие землевладельцы уделяли своим роскошным городским и сельским резиденциям, невозможно объяснить только стремлением к публичной репрезентации богатства, власти и влияния. Во многом это было связано с традиционным образом жизни и устойчивыми культурными интересами. Дворцовые резиденции были необходимы для многочисленных светских приемов, содержания художественных коллекций, организации балов, праздников и традиционной охоты. Изучение структуры личных расходов крупнейших землевладельцев показывает также преувеличенные во многом представления об их чрезмерном увлечении благотворительностью. Аристократия, разумеется, платила «социальный налог», но была в этом вопросе далека от альтруизма. Не стоит также забывать, что личные траты самых богатых семей русской аристократии, которые достигали сотен тысяч рублей в год, все равно были меньше расходов на содержание и развитие сельских имений и выплат коммерческим банкам по долговым обязательствам. В то же время внешние атрибуты богатства, публичная демонстрация роскоши со стороны крупнейших землевладельцев диссонировали с изменившимися общественными представлениями. Экономическое процветание аристократии накануне 1914 г. для многих становилось символом ненавистного старого порядка, крайним проявлением общественного неравенства и социальной несправедливости. Огромные доходы и личные состояния крупнейших землевладельцев в глазах многих были следствием не столько экономических условий, сколько выгодами, даваемыми близостью к императорскому двору, что в определенной степени бросало тень на саму монархию. Для российских буржуазных кругов, как и для интеллигентских слоев, составлявших основу либеральных и радикальных партий, высокий уровень благосостояния аристократии был в такой же степени малообъясним, учитывая традиционные представления о непрактичности и предпринимательской немощи русского дворянства, как и неприемлем с политической точки зрения. В то же время на общеевропейском фоне значительные личные траты русской аристократии и ее стремление к комфорту были вполне обычным явлением. Роскошь и экономическое процветание традиционной землевладельческой элиты являлись органичной частью социальной и культурной жизни старой Европы, безвозвратно исчезнувшей после 1914 г.

Литература

- Анфимов 1969 – *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (кон. XIX – нач. XX в.). М.: Наука, 1969. 395 с.
- Вакоуниг 2012 – *Вакоуниг М.* Аристократ и дипломат. Дипломатическая миссия принца Франца де Паулы фон унд цу Лихтенштейн в Санкт-Петербурге в 1894–1898 гг. М.: МИСиС, 2012. 300 с.
- Грегори 2003 – *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (кон. XIX – нач. XX в.). Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003. 255 с.
- Дворянская 2001 – *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.* Исторические очерки. М.: УРСС, 2001. 782 с.
- Исмаил-Заде 2008 – *Исмаил-Заде Д.И.* И.И. Воронцов-Дашков – администратор, реформатор. СПб.: Нестор-История, 2008. 360 с.
- Красных 2003 – *Красных Е.* Князь Феликс Юсупов: «За все благодарю...»: Биография. М.: РДЛ, 2003. 669 с.
- Кузнецов 2002 – *Кузнецов С.О.* «Я потерял веру в земное счастье». Жизнь графа С.А. Строганова в России (1852–1907) // Краеведческие чтения. Порхов-Холомки. Материалы научной конференции 21–23 сентября 2001 г. Псков. Псков, 2002. С. 46–72.
- Муравьева 2004 – *Муравьева И.А.* Век модерна: Панорама столичной жизни. Т. 1. СПб.: Изд. Пушкинского фонда. 2004. 270 с.
- Олейникова 2014 – *Олейникова В.П.* Барятинские и Италия. Курск: Изд. Регионального финансово-экономического института, 2014. 129 с.
- Перро 2014 – *Перро Ф.* Роскошь. Богатство между пышностью и комфортом в XVIII–XIX вв. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2014. 283 с.
- Савельев 2013 – *Савельев Ю.Р.* Знаменская церковь в усадьбе «Серебряные Пруды». Граф С.Д. Шереметев и архитектор Н.В. Султанов // Край Серебряно-Прудский в документах. М., 2013. С. 386–407.
- Смит 2018 – *Смит Д.* Бывшие люди. Последние дни русской аристократии. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 400 с.
- Стогов 2013 – *Стогов Д.И.* Кружок графа С.Д. Шереметева в политической жизни самодержавной России // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 4 (33). С. 69–74.
- Gatrell 2005 – *Gatrell P.* Russia's First World War. A Social and Economic History. Harlow: Pearson, 2005. 318 p.

References

- Anfimov, A.M. (1969), *Kрупnoye pomeshchich'ye khozyaystvo Yevropeyskoy Rossii* (kon. XIX – nach. XX v.) [Large landowner economy in European Russia (end of the 19th – beginning of the 20th century)], Nauka, Moscow, Russia.
- Dvoryanskaya i kupecheskaya sel'skaya usad'ba v Rossii XVI–XX vv. Istoricheskiye ocherki (2001), [Noble and merchant rural estate in Russia of 16th–20th centuries. Historical essays], URSS, Moscow, Russia.
- Gatrell, P. (2005), *Russia's First World War. A Social and Economic History*. Pearson. Harlow.

- Gregori, P. (2003), *Ekonomicheskiy rost Rossiyskoy imperii (konets XIX – nachalo XX v.). Novyye podschoty i otsenki* [The economic growth of the Russian Empire (late 19th – early 20th century). New calculations and estimates], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Ismail-Zade, D.I. (2008), *I.I. Vorontsov-Dashkov – administrator, reformator* [I.I. Vorontsov-Dashkov – administrator, reformer], Nestor-Istoriya, St. Petersburg, Russia.
- Krasnyh, E. (2003), *Knyaz' Feliks Yusupov: "Za vse blagodaryu..."*: Biografiya [Prince Felix Yusupov: "Thank you for everything ...": Biography], Izd. RDL, Moscow, Russia.
- Kuznecov, S.O. (2002), "“I have lost faith in earthly happiness”. Life of Count S.A. Stroganov in Russia (1852-1907)”, *Kraevedcheskiye chteniya. Porhov-Holomki. Materialy nauchnoy konferencii 21–23 sentyabrya 2001 g., Pskov* [Scientific Conference on Regional Studies. Porhov-Holmiki. Proceedings of Scientific Conference of September 21st – 23d, 2001. Pskov.], Pskov, Russia, pp. 46–72.
- Murav'eva, I.A. (2004), *Vek moderna: Panorama stolichnoy zhizni, Tom 1.* [Century of Art Nouveau: Panorama of metropolitan life, Vol. 1.], Izd. Pushkinskogo fonda, St. Petersburg, Russia.
- Oleynikova, V.P. (2014), *Baryatinskiye i Italiya* [The Baryatinskies and Italy.], Izd. Regional'nogo finansovo-ekonomicheskogo instituta, Kursk, Russia.
- Perrot, F. (2014), *Roskosh'. Bogatstvo mezhdru pyshnost'yu i komfortom v XVIII–XIX vv.* [Luxury. Wealth between the pageantry and comfort in 18th–19th centuries], Izd. Ivana Limbaha, St. Petersburg, Russia.
- Savel'ev, Yu.R. (2013), "Znamenskaya Church in the "Silver Ponds" estate. Count S.D. Sheremetev and architect N.V. Sultanov", *Kray Serebryano-Prudskiy v dokumentah* [The Silver Ponds Region in Documents], Moscow, Russia, pp. 386–407.
- Smit, D. (2018), *Byvshiy lyudi. Posledniye dni russkoy aristokratii* [Former people. Last days of Russian aristocracy], Novoe literaturnoye obozreniye, Moscow, Russia.
- Stogov, D.I. (2013), "Circle of Count S.D. Sheremetev in the political life of autocratic Russia", *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye humanitarnye issledovaniya* [Bulletin of the Orel State University. Series: New Humanitarian Studies], vol. 4 (33), pp. 69–74.
- Vakounig, M. (2012), *Aristokrat i diplomat. Diplomatskaya missiya printsa Franca de Pauly fon und tsu Lihtenshtejn v Sankt-Peterburge v 1894–1898 gg.* [An aristocrat and diplomat. The diplomatic mission of Prince Franz de Paula von und zu Lichtenstein at St. Petersburg in 1894–1898s], Izd. Dom MISiS, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Евгений Е. Юдин, кандидат исторических наук, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, М. Пироговская ул., д. 1; evgeny_yudin@mail.ru

Information about the author

Evgeny E. Yudin, Cand. of Sci. (History), Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; bld. 1, M. Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119991; evgeny_yudin@mail.ru

Судебный процесс за право владения Свято-Николаевским Кафедральным собором в Нью-Йорке в отражении документов ГАРФ (1947–1950 гг.)

Евгений В. Доля

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ioad@yandex.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть одну из страниц истории Русской православной церкви на территории Соединенных Штатов Америки, а именно судебное противостояние между Американским экзархатом Русской православной церкви и автономной Американской митрополией за право владения Никольским кафедральным собором в г. Нью-Йорк, которое продолжалось более 10 лет (конец 1940-х – начало 1960-х гг.). Автор попытался рассмотреть и проанализировать в этом процессе позицию религиозных деятелей, советских властей и официальных властей США и гражданского общества, судей различных инстанций и адвокатов, советских, американских и мировых средств массовой информации, представляющих в суде стороны, и понять, почему Нью-Йоркский кафедральный собор и судебный процесс долгие годы оставались в центре внимания мировой общественности. Автор акцентировал особое внимание на материалах процесса, ранее не опубликованных, прежде всего из Фонда Р-6991 (Фонд Совета по делам религий) Государственного архива Российской Федерации, а также Фонда 129 (Фонд Реферантуры по США) Архива внешней политики Российской Федерации. Автор также обратил внимание на толкование американским правосудием тех или иных законов, определяющих взаимоотношения религиозных организаций и гражданских властей США.

Ключевые слова: Экзархат Русской православной церкви в США, Никольский кафедральный собор в Нью-Йорке, судебный процесс за право владения Никольским собором

Для цитирования: Доля Е.В. Судебный процесс за право владения Свято-Николаевским Кафедральным собором в Нью-Йорке в отражении документов ГАРФ (1947–1950 гг.) // История и архивы. 2019. № 4. С. 39–59. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-39-59

Legal dispute over the ownership
of St. Nicholas Cathedral in New York City
as stated in the GARF documents
(1947–1950)

Evgeniy V. Dolya

*Russian state University for the Humanities,
Moscow, Russia, ioad@yandex.ru*

Abstract. The article attempts to consider one of the pages of the history of the Russian Orthodox Church in the United States of America, namely the judicial confrontation between the American Exarchate of the Russian Orthodox Church and the autonomous American Metropolis for the right to own the St. Nicholas Cathedral in New York, that went on for more than 10 years (late 1940s – early 1960s). The author tried to consider and analyze the positions taken in that process by the religious figures, Soviet authorities and official authorities of the United States and civil society, judges of various instances and lawyers, Soviet, American and world media representing the parties in court, as well as to understand why New York Cathedral and the trial for many years remained the focus of global attention. The author places particular emphasis on the court files that have not previously been published and, first of all, on the materials from the Fund of the Council for Religious Affairs (F – P6991) of the State Archives of the Russian Federation, as well as on the materials from the US Reference Fund (F 129) of the Archives of Foreign Policy of the Russian Federation. Moreover, the author paid attention to the American interpretation of the laws defining relations between the religious organizations and civil authorities in the United States.

Keywords: Exarchate of the Russian Orthodox Church in the USA, St. Nicholas Cathedral in New York, the judicial process for the right to own the St. Nicholas Cathedral

For citation: Dolya, E.V. (2019), “Legal dispute over the ownership of St. Nicholas Cathedral in New York City as stated in the GARF documents (1947–1950)”, *History and Archives*, no. 4, pp. 39-59. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-39-59

Введение

История Американского экзархата Московской Патриархии – достаточно емкая по событиям и проблемам история Русской Православной Церкви за рубежом. Отдельная проблема этой истории – многолетний судебный процесс о праве владения Свято-Никольским православным собором в Нью-Йорке.

К сожалению, история эта не получила достаточно полного отражения в научно-исследовательской литературе. Существует всего

несколько работ, в которых излагается история судебного процесса вокруг Собора, но – либо в общих чертах (см. работы А. Казем-Бека [Казем-Бек 1957] и М. Покровского [Pokrovsky 1968]), либо как «фон» для изучения иных проблем (см. работу Н.В. Куркова [Курков 2003, с. 241–246]). Известный исследователь истории Русской зарубежной церкви А.А. Кострюков отвел этой теме в своей монографии всего один абзац [Кострюков 2015, с. 205].

Почему стоит обратить серьезное внимание на судебный процесс о вопросе принадлежности Свято-Николаевского собора? Почему этот судебный процесс долгие годы оставался в центре внимания Экзархата Московской патриархии, МИД СССР, Совета по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров СССР (а затем – Совета по делам РПЦ при Совмине СССР), государственных деятелей Советского Союза? Почему тратились огромные средства – на оплату адвоката, подготовку судебных документов, переводы архивных материалов, командировки представителей советской стороны в США, ремонт собора – даже тогда, когда не было понятно, к какой из сторон он отойдет? Потому что собор был символом Русского Православия в США, а принадлежность собора являла собой принадлежность к российской истории.

Цель статьи – изложить ход судебного процесса. Задачи – проанализировать позиции противостоящих друг другу в суде сторон, доводы защиты, обоснование решений судов различных инстанций и реакцию мировой общественности.

Свято-Николаевский православный собор Нью-Йорка в начале XX в. – первой половине 1940-х гг.

В 1899 г. из средств, предоставленных Св. Синодом, Североамериканской епархией в Нью-Йорке был приобретен участок земли стоимостью 72 тыс. руб. под строительство Свято-Николаевского собора. В 1900 г. Государственный совет Российской империи принимает решение о государственном ассигновании в 120 тыс. руб. на сооружение собора¹. Еще было собрано частных пожертвований свыше 60 тыс. руб. Николай II передал на строительство собора 5 тыс. руб. из личных средств² [Курков 2003, с. 242].

В начале XX в. собор был резиденцией правящего архиерея Американской епархии³. До революции Североамериканская епархия получала из России на содержание до 100 тыс. долларов ежегодно.

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 29. Л. 11.

² Там же. Д. 278. Л. 115.

³ Там же. Д. 279. Л. 61.

После 1917 г. финансовые поступления полностью прекратились [Филипп 1918, с. 3–10], возникла реальная угроза продажи Кафедрального собора с аукциона. Этого не произошло – бывший посол Временного правительства в США Б.А. Бахметев передал в распоряжение епархии из своего фонда 200 тыс. долларов на погашение долгов [Курков 2003, с. 244].

До 1925 г. собор принадлежал главе независимого Митрополичьего округа в США митрополиту Платону (Рождественскому), решением суда ему было запрещено занимать собор. Его занял «архиерей» (из «обновленцев») Иоанн Кедровский⁴. В 1945 г. уже его сын Иоанн Кедровский (Кедров), после своего возвращения «в лоно» Московской патриархии, на правах собственника передал собор под начало Американского Экзархата РПЦ. Немногим позже⁵ митрополит Феофил (Пашковский), сменивший митрополита Платона в 1934 г. в качестве главы Митрополии резко взял курс на изоляцию от Московской патриархии и предъявил свои права на владение Свято-Николаевским собором.

Началось многолетнее судебное разбирательство по вопросу принадлежности собора [Pokrovsky 1968, p. 83].

Начало и ход процесса в судах штата Нью-Йорк

18 апреля 1947 г. архиепископ Американского экзархата Адам (Филипповский) в подготовленной им «Докладной записке по делу процесса митрополита Феофила об отнятии Кафедрального Собора в г. Нью-Йорке» писал, что «неожиданно утром в среду 15 апреля мне по телефону было передано свящ[енником] Иваном Кедровским, что в этот же день в 10 часов утра начнется разбор дела в Верховном Суде об отнятии соборного имущества от Патриарха». Иск предъявил митрополит Феофил. Он ссылаясь на то, что только он – единственная законная церковная власть Русской Православной Церкви в Америке. Адвокат Феофила Аркуш ясно и определенно заявил, что на основании этого просит «суд вынести *принципиальное* решение по сути дела, т. е. определение суда, которое и станет прецедентом для установления его исключительных прав на *все приходы*, называющиеся *русскими* приходами Русской Православной Церкви в Америке»⁶ (курсив мой. – Е. Д.).

Согласно одному из источников, на суде присутствовали иерей Кедровский и архиепископ Адам (Филипповский) (представители

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 741. Л. 78.

⁵ Начало 1947 г.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 278. Л. 85.

нынешних владельцев собора); прот. Коханик и архиепископ Леонтий (Туркевич) (представляющие митрополичий совет Североамериканской митрополии). Адвокат патриаршей церкви обратился к суду с просьбой отложить дело на месяц, т. к. в Нью-Йорк должен прибыть новый посол патриарха, митрополит Ленинградский Григорий (Чуков). Судья согласился отложить дело на 10 дней, до 28 апреля, но со своей стороны заявил, что его не интересуют вопросы канонического характера, а он рассматривает дело только с точки зрения имущественных прав⁷. Позиция суда очень важна, т. к. изначально он предполагал рассматривать исключительно вопрос о собственности. Но в данном случае объективное решение вопроса могло быть осуществлено только при учете особенностей канонического характера проблемы.

Митрополит Григорий (Чуков) дал показания в качестве эксперта 15 октября 1947 г. Правильнее сказать, экзарший адвокат Адлер зачитал текст его письменных показаний о том, что и после кончины Патриарха Тихона (Белавина) не прекращалась деятельность Патриаршей Церкви, и при этом никогда не подтверждалась п. Тихоном автономность Американской церкви; действия м. Платона и его последователей считались и считаются незаконными, но судебного разбирательства над м. Феофилом не было. Особо подчеркивалось в показаниях, что собор в Нью-Йорке построен на поступавшие из России финансы и всегда оставался кафедральным собором правящего архиерея, а потому его необходимо передать митрополиту Вениамину [Просветов 2016, с. 856]. Своими ответами м. Григорий четко обозначил позицию Московской Патриархии по всем тем пунктам, которые оставались спорными для суда.

В своем докладе, адресованном Патриарху 15 июня 1948 г., арх. Адам добавлял к вышесказанному: «Ведь никому не тайна, что не будь моего решительного выступления, ныне кафедральный собор на 97 улице не был бы в руках Патриаршей Церкви! <...> Митрополит Феофил действовал все время скрытно, <...> никто даже не имел малейшего представления о том, что Судом назначено было разбирательство». С владыкой Адамом по телефону связался Иоанн Кедровский, «получивший только что весть о том от адвоката. – Нужно было действовать сейчас же, сию минуту, а то иначе, за неявкой нашей стороны на разбирательство, Суд вынес бы решение в пользу феофиловцев <...>. И на меня выпала задача тут же приостановить суд, что я и сделал. <...> После аргументов, мною приведенных о том, что следовало бы подождать приезда в Америку Представителя Патриаршего, митрополита Григория, Суд и прекра-

⁷ Там же. Л. 89.

тил разбирательство тут же, и затем откладывал несколько раз, пока наконец Владыко Митрополит Григорий прибыл и на суде явился свидетелем в интересах Патриархии. <...> И соборяне наши – миряне, и, главное, противники наши – феофиловцы, остались при единомудном мнении, что “суд выиграл Адам!”⁸.

На что предполагала сделать ставку Московская Патриархия?

В телеграмме Патриарху м. Вениамин и адвокат М.И. Печковский отмечали, что суд отказался предоставлять очередную официальную отсрочку, но отложил свои заседания ровно на семь дней, до 26 мая, когда на процесс должен был прибыть эксперт в канонических вопросах – митрополит Григорий. Он должен был подтвердить следующие положения: в 1923 г. Патриархом Тихоном единолично (письмом), чем были нарушены правила назначения руководителей заграничных миссий, м. Феофил был назначен викарным г. Чикаго. То есть назначение оспариваемое.

Избрание Феофила правящим епископом (Кливлендский собор 1934 г.) и решение отделиться от «матери-церкви» повлекло за собой запрещение (в 1935 г.), наложенное митрополитом Сергием (Страгородским), на тот момент бывшим заместителем Патриаршего Местоблюстителя. То есть м. Феофил и его сторонники не могли быть владельцами собора в Нью-Йорке.

Собор, проходивший в Кливленде в 1946 г., признал патриарха, но при условии одобрения автономии. Однако Собор этот проходил без участия представителей приходов Патриаршей церкви, что свидетельствует о нарушении патриаршего указа от февраля 1945 г.

Власть и права правящего епископа Феофила базируются исключительно на решениях Кливлендского Собора, но они не были утверждены патриархом. То есть даже при автономии м. Феофил канонически не является правящим епископом.

Патриарх, уже после окончания деятельности Кливлендского Собора 1946 г., предложил в знак примирения и воссоединения согласиться на молитвенное общение с м. Вениамином. Однако м. Феофил уклонился от ответа на это предложение. Таким образом, м. Феофил и его сторонники остаются вне РПЦ.

Патриарший заместитель совместно со Священным синодом выступил инициатором назначения м. Вениамина правящим епископом церкви в США. То есть только м. Вениамин имел право пользоваться Кафедральным собором.

Московский Собор 1945 г. избрал патриарха (при участии духовенства и мирян всей Русской церкви), который подтвердил полномочия м. Вениамина.

⁸ ГАРФ. Ф. Р- 6991. Оп. 1. Д. 437. Л. 125–126.

Кроме того, требовалось подтвердить, что собор в Нью-Йорке выстроен на средства, собранные в России, по решению Святейшего синода⁹.

Позиция патриарха Алексия (Симанского) изложена в его письме Г.Г. Карпову от 21 мая 1947 г.: п. Алексей отмечает, что м. Вениамин настойчиво просит прислать в Нью-Йорк на судебный процесс авторитетных представителей РПЦ (в первую очередь – митрополита Григория). Но патриарх считает, что не так просто и быстро оформить визовые документы, К тому же желательно, чтобы процесс прошел без м. Григория, так как в случае неудачи все ошибки и просчеты спишут на него. И вообще, считает патриарх Алексей, надо решать вопрос объединения, и тогда сама по себе прекратится судебная тяжба вокруг собора, который нуждается в серьезном ремонте¹⁰. То есть для патриарха главное – решить вопрос объединения Американской митрополии и Московской патриархии, а собор – «теперь развалина», вопрос будущего времени.

4 июня 1947 г. М.И. Печковский отписал протопресвитеру Николаю Колчицкому (управляющему делами Московской патриархии), что он и владыка Вениамин согласились с предложением судьи о переносе рассмотрения дела на 16 июня, если митрополит Григорий с необходимыми документами прибудет в США. В противном случае судья заслушает дело 6 июня. Тогда опасность потери Кафедрального собора для Московской патриархии достаточно велика, т. к. невозможно будет предъявить необходимые документальные свидетельства. Таким образом, рассмотрение дела первоначально было определено на 16 апреля, затем последовательно откладывалось до 28 апреля, 19, 26, 28 мая и до 3 июня. Судья, предоставивший одну за другой отсрочки, показал, что считает допрос такого авторитетного свидетеля и эксперта, как м. Григорий, очень важным¹¹. Затем начало судебного разбирательства перенесли на октябрь 1947 г.

Шло явное затягивание процесса, и это было важно для Московской патриархии с точки зрения подготовки к нему.

Но только в июле 1947 г. один из руководителей Совета по делам РПЦ, С.К. Белышев, послал уполномоченному Совету А.И. Кушнareву телеграмму, в которой просил оказать помощь в подборке документальных материалов, подтверждающих, что строительство собора осуществлялось в том числе и на средства Синода¹². 12 июля 1947 г. начальник ЦГИА Ленинграда В.В. Бедин подготовил ответ,

⁹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 278. Л. 91–92.

¹⁰ Там же. Л. 93.

¹¹ Там же. Д. 139. Л. 43–44.

¹² Там же. Д. 278. Л. 114.

согласно которому документы хозяйственного управления Синода содержат сведения о строительстве храмов и причтовых помещений в Нью-Йорке и Чикаго (1897–1900 гг.), изыскании финансов для строительства в Нью-Йорке собора и переводе 43 988 руб. (векселем) на имя русского генерального консула, предназначенных на покупку земли под строительство здания, о постройке в Нью-Йорке православного собора (1900–1904 гг.), об общих расходах (136 675 дол.) и источниках финансовых поступлений (в том числе и из Государственного казначейства 120 тысяч руб.). В.В. Бедин также сообщал о наличии документов по целевому выделению средств на ремонт собора и о хранящейся в архиве переписке по выделению Синодом значительных денежных сумм на текущий ремонт Свято-Николаевского кафедрального собора¹³.

Суд состоялся 9 октября 1947 г. и продлился три дня. В виде отчета сохранилась стенограмма судебных заседаний, направленная в Московскую патриархию сопровождавшим в поездке м. Григория (Чукова) Л.Н. Парийским [Просветов 2016, с. 827–857].

27 ноября 1947 г. м. Григорий сообщал патриарху Алексею о том, что решение суда по вопросу возвращения Свято-Николаевского собора экзарху еще неизвестно. Однако если решение будет принято в пользу Московской патриархии, то в первую очередь необходимо назначить кафедрального протоиерея, а состав причта ограничить только настоятелем и протодиакonom. Помещения соборного дома должны быть отданы под жилье архиерея, кафедрального протоиерея, а также для нужд канцелярии экзарха и конторы собора, для редакции и для архива. Все остальные лица, не имеющие служебного отношения ни к собору, ни к экзархату, обязаны освободить помещения¹⁴.

21 февраля 1948 г. новый глава Американского экзархата, архиепископ Макарий (Ильинский), послал телеграмму патриарху Алексею: «Благодарю Бога: Суд возвратил нам собор. Счастлив сообщить Вам об этом»¹⁵. 31 марта 1948 г. сотрудник МИД СССР Ф.Т. Орехов пишет Г.Г. Карпову: «Направляю Вам для сведения копию письма Генконсула СССР в Нью-Йорке тов. Ломакина на имя Заместителя Министра Иностранных Дел СССР тов. Вышинского А.Я. от 16 марта 1948 г. по поводу отклонения судом претензий митрополита Феофила на Николаевский собор»¹⁶. В этом письме Я.М. Ломакин осветил ряд вопросов, связанных с судебным процессом: «Член нью-йоркского штатного Верховного Суда Ботеин

¹³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 278. Л. 115.

¹⁴ Там же. Д. 279. Л. 14.

¹⁵ Там же. Д. 437. Л. 54.

¹⁶ Там же. Л. 86.

[в других документах – Ботеин. – *Е.Д.*] отклонил претензию митрополита Феофила, оставив Свято-Николаевский собор в ведении Московской Патриаршей Церкви. В судебном решении указывается, что собор был построен в 1903 г., главным образом, на средства, присланные из России, причем храм всегда был в ведении епископа, которого назначал Синод, что в 1924 г. на Детройтском Соборе образовалась Сев. Американская Православная церковь, которая в 1925 г. пыталась судебным порядком изъять собор из ведения епископа И. Кедровского, однако суд и тогда оставил Собор в ведении Кедровского, как представителя Московской Патриаршей Церкви. Судья Ботеин указал, что православная церковь в Сев. Америке, возглавляемая митрополитом Феофилом, не может претендовать на имущество, которое существовало задолго до Собора 1924 г., и всегда было в ведении патриарха московского; церковь, возглавляемая митрополитом Феофилом, может владеть только имуществом, инкорпорированным ею после 1924 г. Вышеуказанный судебный процесс был начат митрополитом Феофилом против священника Иоанна Кедрова [Кедровского], младшего сына живоцерковного митрополита Иоанна Кедровского, получившего собор от митрополита Платона (Рождественского) согласно постановлению суда в 1925 г. Но поскольку священник И. Кедров [Кедровский] в октябре 1945 г. перешел в юрисдикцию патриаршей церкви и передал собор митрополиту Вениамину <...> то фактически процесс был направлен против патриаршей церкви. Слушание дела откладывалось неоднократно, продолжалось 4 дня, и было закончено 15 октября 1946 г. Следует отметить, что в разрез обычной судебной практике, оспариваемое имущество было передано истцу до окончательного решения суда <...>. Таким образом, американский гражданский суд признал Северо-Американскую митрополию частью Русской Православной Церкви, отколовшейся от нее и незаконно претендующей на ее имущество, приобретенное до отделения этой части от русской церкви... Свято-Николаевский собор принадлежит Русской Православной Церкви и может быть во владении лишь ее законного представителя, назначенного Московским Патриархом и Священным Синодом. Таким законным представителем, т.н. правящим архиепископом, судья Ботеин отказался признать митрополита Платона, выбранного на Детройтском Соборе в 1924 г., и митрополита Феофила, выбранного на Кливлендском Соборе в 1934 г. В своем постановлении судья отметил, что группа, старавшаяся отделиться от Русской Православной Церкви и сделать м. Платона архиепископом автономной церкви, не имела абсолютно никакого права назначать правящего архиепископа»¹⁷.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р- 6991. Оп. 1. Д. 437. Л. 87–88

Таким образом, американский суд отклонил претензии м. Феофила, признав, что собор строился на деньги, присланные из России, и м. Феофил не имеет прав на имущество, существовавшее до Детройтского собора 1924 г., но имеет права на имущество, инкорпорированное с 1925 г., признав, что американская митрополия – часть РПЦ, и Свято-Николаевский собор находится во владении Московской патриархии.

В начале марта 1948 г. м. Григорий выражал Ф. Адлеру «глубокую и сердечную благодарность» за сообщенное ему решение суда: «Вы так прекрасно и основательно вели дело защиты в суде, что логически не могло бы быть вынесено иного решения...»¹⁸.

«Феофиловцы» подали 8 марта 1948 г. жалобу в 1-й департамент Апелляционного суда (Нью-Йорк), где дело слушалось коллегией, состоящей из пяти судей. Новым фактором в споре о Свято-Николаевском кафедральном соборе явилась дополнительная статья к закону штата Нью-Йорк о религиозных корпорациях («Статья 5-С») [Казем-Бек 1957, с. 56].

«Статья 5-С» начиналась с параграфа 105, посвященного «определению» того, что подразумевалось под «Русской Церковью в Америке». Имелись в виду «храмы, кафедральные соборы, часовни, объединения, общества, приходы, комитеты и иные религиозные организации», которые были в прошлом известны: 1) приблизительно с 1793 по 1870 г. – как «Русская Американская Миссия Русской Православной Церкви»; 2) с 1870 по 1904 г. – как «Аляскинская и Алеутская епархии Русской Православной Церкви»; 3) с 1904 по 1924 г. – как «Северо-Американская и Алеутская (или Алеутская) епархии Русской Православной Церкви»; 4) с 1924 г. – как «Русская Православная Греко-Кафолическая Церковь в Северной Америке». В «Статье 5-С» уточнялось, что «Русская Православная Церковь в Америке» – это Церковь, находившаяся в юрисдикции святейшего Синода до 1917 г., а затем – Московского Патриархата. Однако в 1940-е – 1950-е гг. она представляет собой в административном отношении автономный митрополичий округ, появившийся в результате постановлений собора в Детройте (в штате Мичиган) 2–4 апреля 1924 г. Параграф 107 «Статьи 5-С» гласил, что любой православный храм в том или ином штате, неважно, был ли он инкорпорирован как до, так и после образования этого митрополичьего автономного округа, был ли он переинкорпорирован в силу этой или любой другой статьи закона о религиозных корпорациях либо в силу другого частного или общего законодательного акта, обязан признавать юрисдикцию митрополита (первосвященителя или иерарха), совет епископов или совет митрополитов и другие

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р- 6991. Оп. 1. Д. 139. Л. 133.

структуры управления Русской Церкви в Америке, т. е. существовать в силу устава, выработанного Нью-Йоркским (феофиловским) собором 5–8 октября 1937 г., «и оставаться под их юрисдикцией» [Казем-Бек 1957, с. 57]. «Статья 5-С» была очень важна для м. Феофила в его споре с Московской патриархией, поскольку по сути дела «перечеркивала» решение суда как «неконституционное» в вопросе о принадлежности Свято-Николаевского собора.

24 апреля 1948 г. Г.Г. Карпов пишет Ф.Т. Орехову, что Совет по делам РПЦ просит выяснить, действительно ли решение судьи Верховного суда штата Нью-Йорк окончательное и не может ли быть оно отменено какими-либо высшими правительственными инстанциями. Во избежание непроизводительных расходов желательно также получить мнение посольства о своевременности и действительной необходимости ремонта собора¹⁹, на который предполагалось выделить 30 тысяч долларов. 3 мая 1948 г. Ф.Т. Орехов отвечал, что, по сообщению советского генерального консульства, решение верховного суда штата Нью-Йорк по делу Свято-Николаевского собора Московской патриархии было обжаловано феофиловцами и теперь будет рассматриваться апелляционным судом в январе-феврале 1949 г., т. к. патриарший адвокат затягивает это дело. Адвокат предполагает, что решение апелляционного суда будет принято в пользу патриархии. От выделения средств на ремонт собора, по мнению сотрудников генерального консульства, целесообразно воздержаться, поскольку патриарший актив собора считает возможным собрать необходимые для ремонта средства на месте²⁰. То есть предполагалось, что апелляционный суд поддержит решение первой судебной инстанции, но выделять средства на ремонт не спешили, решив сперва произвести кадровую перестановку.

С.К. Бельшев 5 января 1950 г. писал заместителю заведующего Отделом США МИД СССР Г.Ф. Саксину, что Московская патриархия считает необходимым уволить прот. Иосифа Дзвончика с должности настоятеля Свято-Николаевского кафедрального собора. Совет просит выяснить через посольство, не повлечет ли это решение потерю собора Экзархатом, т. к. Патриархии неизвестно, на кого имущество собора оформлено юридически: на экзархат или персонально на Дзвончика. Желательно также выяснить, есть ли необходимость пересмотра решения члена Верховного суда штата Нью-Йорк Ботейн от 1948 г. о передаче собора Московской патриархии и как долго адвокат экзарха в состоянии затягивать рассмотрение в суде кассации м. Феофила²¹. Действовали в кадровом

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р- 6991. Оп. 1. Д. 437. Л. 101.

²⁰ Там же. Л. 102.

²¹ Там же. Д. 720. Л. 4.

вопросе достаточно осторожно, не желая нарушать американское законодательство. 2 февраля 1950 г. советник Посольства СССР в США В.И. Базыкин сообщал: «17 января 1950 г. апелляционный суд большинством в три голоса против двух подтвердил решение первой судебной инстанции о возвращении собора представителю русской православной церкви в США архиепископу Макарию»²². Но решение апелляционного суда не было единогласным, а значит, оно могло быть обжаловано в верховном суде штата Нью-Йорк²³.

Заключение большинства членов суда в пользу Русской православной церкви, т. е. в пользу экзарха митрополита Вениамина²⁴, было составлено апелляционным судьей Каллаханом (судьи Кон и Шинтаг присоединили свои подписи). Особое мнение было подано несогласным с заключением меньшинством (судьи Ван Ворис и Дор) [Казем-Бек 1957, с. 58].

Остановимся на позициях судей. Дж. Каллахан считал, что каждый из уже прошедших судебных процессов, как и настоящий, произошел из-за раскола, «который разделил общину и ее служащих, пресвитерию и синод, и привел к обращениям в суд о праве владения приобретенной собственностью. Эти процессы включают в себя проблему собственности, приобретенной любыми способами и используемой религиозной общиной, которая является частью религиозной конфессии, с которой она – община – непосредственно связана религиозными убеждениями и церковным управлением»²⁵.

Приговор, вынесенный по делу [*«Кедровский против Рождественского»*. – Е.Д.] (1924 г.), явно вынесен по шаблону. Просто указано, что право владения собором, построенном в 1903 г. для епархии в основном на деньги РПЦ, должно быть предоставлено архиепископу, назначенному этой церковью в уставном порядке, а не архиепископу, который получил властные полномочия от Детройтского Собора 1924 г., и, как считал суд, «провозгласил отделение от Русской Церкви» и дал согласие на назначение архиепископом независимой церкви Рождественского²⁶. В течение всего этого периода существовал раскол между теми, кто признавал духовное лидерство Московского Патриарха, но отстаивал и поддерживал автономию во всех других вопросах, и теми, кто настаивал как на духовном,

²² ГАРФ. Ф. Р- 6991. Оп. 1. Д. 720. Л. 18.

²³ Там же. Л. 18.

²⁴ Хотя экзархом уже был арх. Макарий (Ильинский), в документах апелляционного суда еще значился м. Вениамин (Федченков).

²⁵ Supreme Court, New York County. Saint Nicholas Cathedral of the Russian Orthodox Church in North America, (plaintiff), vs. John Kedroff, et al., (defendants). Decision. New York: Pandick Press. Ink., 1953. P. 3.

²⁶ Ibid. P. 4.

так и на административном лидерстве патриарха и Священного синода. Глава первой группы – митрополит Феофил, второй группы – митрополит Вениамин. В этом деле ясно вырисовывается один вопрос: является ли митрополит Феофил признанным главой церкви (по мнению истца) или главой является митрополит Вениамин (по мнению ответчика)?

В 1945 г. была принята новая «Статья 5-С» в Закон о Религиозных корпорациях, касающаяся русских православных церквей. Эта статья устанавливает юридическое признание исторического факта, что с 1924 г. часть русских православных церквей, формально подчинявшихся администрации и духовному контролю со стороны Священного синода, объявили административную автономию и создали независимую русскую церковь в Америке. Соответственно, статья дает определение понятиям «русская церковь в Америке» и «русская православная церковь», предусматривает присоединение к ним любых русских православных церквей, управление ее имуществом и переподчинение уже существующих церковных объединений. «Статья 5-С» предусматривала безусловную передачу имущества всех русских православных церквей под единое управление. Однако закон ограничен определением в параграфе 105, который воспринимает русскую православную церковь как созданную с целью стать субъектом юрисдикции в Америке²⁷.

В целом «Статья 5-С» обеспечивает основу для предоставления полномочий управления всеми церквями и их собственностью в соответствии с правилами и законами русской Церкви в Америке, которые приемлемы только для русских православных церквей или могут быть созданы впоследствии, или приняли решение о слиянии с другой церковью и должны быть перерегистрированы. Так как Свято-Николаевский собор не попадает ни в одну из этих категорий, отсюда следует, что он не является объектом управления русской церкви в Америке. После смерти Рождественского на американском Собрании архиепископом был избран Феофил. Ответчик м. Вениамин (Федченков) стал преемником Кедровского после его смерти в 1934 г. Его назначение подтвердил Патриарх Алексий. Эти два иерарха являются правящими архиепископами, вовлеченными в этот процесс, который начался за день до принятия в Нью-Йорке в 1945 г. «Статьи 5-С», касающейся предмета тяжбы.

«Мы считаем, что необходимо обсуждать только принципиальный вопрос»: кто – истец – архиепископ, избранный американским Собранием или ответчик, назначенный центральной церковной властью, имеет право на использование собора. Главным, если не единственным, возражением истца является утверждение

²⁷ Supreme Court, New York County... P. 7, 8.

о ложном истолковании статута 1945 г. Истец, ссылаясь на “Статью 5-С”, утверждает, что американская церковь имеет право на автономию, что дает ей право на владение Свято-Николаевским собором. Истец утверждает, что законы штата Нью-Йорк давали церкви право на автономию»²⁸.

«Мы считаем, что “Статья 5-С” не может разрешить данный спор. Она всего лишь ограничивается возможностью получения административной независимости». «Статью 5-С» не стоит истолковывать таким образом, что законодательная власть принимает исключительно чью-либо сторону в споре за автономию, в споре за право избирать архиепископа (последнее остается каноническим правом церкви). Подобное толкование свидетельствовало бы о намерении законодательной власти вмешиваться во внутрицерковные дела, что не является компетенцией законодательной власти. Кроме того, первая поправка к Конституции США гласит, что религиозные объединения и правительство могут плодотворно трудиться для достижения своих целей, если будут свободны друг от друга»²⁹.

Параграф 107, содержащий информацию, что всякая православная церковь должна признать юрисдикцию «русской церкви в Америке», должен читаться в свете определения понятия «русская церковь в Америке» данного параграфа 105. Иными словами, всякая церковь, присоединившаяся к «американской церкви», должна подчиняться правилам и решениям руководящих органов этой церкви. Но это не значит, что русские православные церкви, принадлежащие Московской патриархии, должны подчиняться Американской церкви³⁰.

Право истцов (т.е. митрополита Феофила) на владение имуществом Русской православной церкви, в соответствии с разделом 3 параграфа 107, должно быть ограничено. Этот параграф не дает Русской православной церкви в Америке право на владение Свято-Николаевским собором или какой-либо другой собственностью Матери-Церкви. Но государство не должно вмешиваться в обычаи какой-либо духовной структуры в отношении его имущества.

Дж. Каллахан не нашел в «Статье 5-С» никаких предпосылок для передачи Свято-Николаевского собора во владение Русской православной церкви в Америке без согласия нынешнего владельца (т. е. Московского патриархата). Но «Статья 5-С» предоставляет одинаковый статус и Московской патриархии, и Русской церкви в Америке. Это означает, что законодатель дает им равные права

²⁸ Supreme Court, New York County... P. 16.

²⁹ Ibid. P. 17, 18.

³⁰ Ibid. P. 19.

и на присоединение приходов, и на ведение собственных дел, и на распоряжение имуществом.

Истец (митрополит Феофил) считает, что РПЦ не является истинной церковью, а только лишь орудием в руках большевистского правительства, и, следовательно, Американская церковь остается единственной истинной Русской православной церковью и имеет право владеть собором. По мнению истца, нынешняя РПЦ – это некий фантом, лишенный всякой возможности воздействия на своих последователей, а также на собственность в Америке, т. к. она действует под контролем Советского государства. В то же время и истец, и ответчик были согласны, что в настоящее время Православная церковь в России восстановлена. Истец предоставил доказательства того, что после окончания Второй мировой войны Православной церкви в России были предоставлены большие права. Собор 1945 г. признан истинным и восстановившим Московскую патриархию, т.е. восстановление традиционной церкви есть свершившийся факт. Истец не ставит вопрос, является ли восстановленная церковь новой или просто государственной структурой. Американская церковь относится к патриарху Алексию как к святому человеку, как к главе церкви, а к Священному синоду – как к правящим иерархам. Американская церковь неоднократно обращалась с просьбой о воссоединении с Матерью-Церковью, вплоть до начала данного судебного процесса такие переговоры велись. Тот факт, что от Матери-Церкви большевистской властью была потребована клятва в верности советскому режиму, и она согласилась не осуждать коммунизм с церковного амвона, не считалось препятствием для воссоединения. Дж. Каллахан считал, что единственной причиной раскола было желание американской церкви избирать собственного епископа, а Мать-Церковь отказывала в этом праве или требовала права вето. Истец, безусловно, имеет право решать, верить ему или не верить в существование Истинной Церкви и в духовные достоинства ее иерархов. Хотя у судьи и сложилось мнение, что истец имеет не совсем отвечающее действительности представление о положении Церкви в Советской России в настоящее время³¹. Ответчик имеет, по меньшей мере, номинальное законное право на данную собственность. И до тех пор, пока он обладает этим правом, он сохраняет возможность защищаться от любых притязаний американской церкви по отношению к собору.

Судья Каллахан пришел к заключению, что ответчик имеет преимущественное право.

Выразивший особое мнение судья Ван Вурис начал свое выступление с заявления, что у него нет расхождения с большинством в

³¹ Supreme Court, New York County... P. 21–23.

вопросе осуждения диктата Советского правительства по отношению к религии. По его мнению, группа митрополита Филарета не стремилась к расколу и собиралась и дальше вести службы «по древним канонам», но без административного контроля Московского патриархата, который действует «по указке советского правительства». В судебном решении, в котором истцу было отказано во владении Свято-Николаевским собором, ясно определено, что м. Феофил и все присоединившиеся к нему церкви Русской православной церкви в Америке потеряли право на использование собственности, потому что они отказываются выполнять распоряжения центральной церковной власти³². Абсолютно неверно считать Свято-Николаевский собор и еще около 50-ти приходов Русской православной церкви в Америке «раскольничьими» только лишь потому, что они хотят быть защищенными от людей, захвативших власть в России. Ван Вурис подчеркивал, что рассмотрение этих фактов не переводит суд в каноническую область. Любые назначения высшей церковной власти в России потеряли каноническое значение, т. к. власть лишила их права на свое, свободное мнение. Кроме того, гражданским судам необходимо дать точное определение понятию «церковный судебный процесс»³³. Ван Вурис подытожил: «Прибегая к всевозможным мерам воздействия на Церковь, Советский Союз предпринимает попытки использовать все религиозные группы для отстаивания собственных государственных и политических интересов. Так называемая “Русская Церковь”, как повторяют постоянно ответчики, на самом деле и, к сожалению – это церковь, чьи прелаты полностью подчинены большевистской партии, под чьим контролем находятся миллионы людей в России и ее странах сателлитах»³⁴.

Судьи, как нам представляется, отошли от существа вопроса, делая акцент в обосновании своих позиций не на вопросах собственности, а на чисто политических аспектах. Причем это касалось и тех судей, кто поддержал истца, и тех, кто поддержал ответчика. Процесс внес раскол и в эмиграцию, которая разделилась в вопросе о Свято-Николаевском соборе. Позицию Американского экзархата РПЦ поддержал, например, общественный деятель А. Казем-Бек. Согласно его мнению, заключение суда указывало, что преемственность в РПЦ не прерывалась, от допетровского Патриаршества через Святейший синод и соборы 1917 и 1945 гг. высшая церковная власть осталась преемственной и ныне находится в руках патриарха Алексия, что Американский митрополи-

³² Supreme Court, New York County... P. 26.

³³ Ibid. P. 29.

³⁴ Ibid. P. 39, 40.

чий округ не оспаривает этих фактов и даже сам посылал своих делегатов на Собор 1945 г. в Москву, а на собственном Соборе 1946 г. признал духовную власть Московского патриарха [Казем-Бек 1957, с. 58] (Казем-Бек не упомянул, что делегация до Москвы так и не добралась и из-за чиновничьих препон вместо участия в Соборе провела время в Сибири).

27 марта 1950 г. помощник заведующего отделом США МИД Л. Карцев доводил до Г.Г. Карпова информацию, что советское посольство в Вашингтоне сообщало: по сведениям, полученным от архиепископа Адама, Свято-Николаевский собор юридически оформлен на экзарха Московского патриарха в США. Эти сведения якобы подтверждаются решением апелляционного суда³⁵.

Но представители американского митрополичьего округа не считали себя проигравшими. В конце апреля 1950 г. адвокат м. Феофила Аркуш подал в Высший апелляционный суд штата Нью-Йорк список ошибочных заключений суда. Он подал и петицию о разрешении обжаловать на этом основании вынесенное решение перед Верховным судом США. 11 апреля старший судья Высшего апелляционного суда Д.Т. Лафрен признал достаточными основания для кассационной жалобы и подписал ордер, разрешавший передачу дела на рассмотрение Верховного суда. Высшему апелляционному суду был передан материал всех предшествовавших судебных процессов о Свято-Николаевском соборе. Обе стороны представили также и дополнительную документацию, обосновывающую их точки зрения [Казем-Бек 1957, с. 60–61].

Если в первой инстанции дело слушалось одним судьей, во второй – пятью судьями, то в третьей инстанции судебная коллегия состояла уже из семи судей. На этот раз дело впервые слушалось вне города Нью-Йорка, где находится сам кафедральный собор, а в столице штата, городе Олбани. Решение было вынесено 30 ноября 1950 г. Мнения судей разделились: четверо – Конвей, Фроссель, Люис и Дай – высказались против РПЦ в пользу митрополичьего округа. Трое – Десмонд, Лафрен и Фульд – высказались за права РПЦ и ее экзарха [Казем-Бек 1957, с. 59]. Высказавшийся в поддержку позиции американской митрополии судья Конвей считал, что невозможно обсуждать РПЦ с 1917 г. без упоминания политических особенностей развития страны и политических условий существования религиозных организаций. От этих особенностей зависела деятельность и существование РПЦ. Судья Конвей очень подробно изложил политическую «подоплеку» споров вокруг собора, акцентировав внимание на самых важных моментах³⁶. Судья

³⁵ ГАРФ, Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 720. Л. 68.

³⁶ Supreme Court, New York County... P. 78–80, 82.

Конвей объяснил и свое пристальное внимание к политической стороне дела. Законодательство штата Нью-Йорк предусматривало тщательное изучение проблемы перед принятием решения. Законодатель знает, что РПЦ была полностью подавлена после революции 1917 г., но позже советское правительство восстановило Патриархат. Законодателю известно мнение современников, посетивших советскую Россию и имевших возможность оценить истинное место Патриархии в советской системе. Законодатель уверен, что Североамериканская церковь, находясь с 1924 г. во временной административной автономии, сохранила всю полноту духовной евхаристической связи с Патриархией. Но со временем появилась серьезная опасность, что владения и собственность, долгое время использовавшиеся верующими, будут изъяты представителями Московской патриархии. На основании всех этих фактов и событий Законодательство делает вывод, что Московская патриархия более не может функционировать как истинная религиозная организация, т.к. она стала инструментом в руках советского правительства³⁷. Судья Конвей также отметил, что предыдущий суд при вынесении решения не воспользовался своим дискреционным правом и не определил, кто из ответчиков более достоин управлять вверенной ему собственностью. Решение было вынесено в пользу арх. Вениамина, что судья Конвей считал ошибочным. Он обосновал свою позицию следующим образом. Определяющим пунктом в данном деле является вопрос о том, существует ли сейчас в Советском Союзе истинная церковная верховная власть, способная быть главой свободной независимой Церкви. Судья Конвей «знает», что церковь в России номинально существует, но этого недостаточно. Если Патриарший Престол был возрожден советским правительством исключительно как средство для влияния на мнение людей, если Патриархия не является истинной церковной организацией, а только поддерживает и пропагандирует советскую власть, то становится понятным, почему именно Американская митрополия, а не ставленники Москвы, должна владеть Свято-Николаевским собором³⁸. С судьей Конвеем солидаризировался судья Фроссель, отстаивающий позицию невмешательства в международные дела церкви, но порицающий все намерения атеистического государства вмешаться в решение вопросов собственности, которая находится в «нашей юрисдикции»³⁹.

Судья Десмонд, высказавшийся в поддержку передачи собора Американскому экзархату Московской патриархии, считал, что

³⁷ Supreme Court, New York County... P. 100,101.

³⁸ Ibid. P. 86.

³⁹ Ibid. P. 103.

для полной ясности вопроса следует, во-первых, изложить неоспоримые положения: РПЦ – это централизованная организация, по законам и положениям которой Патриарх Московский, как ее глава, имеет право назначать архиепископов; Русский православный собор в г. Нью-Йорке – это кафедральный собор архиепископата, соответственно, ответчик архиепископ Вениамин как законно назначенный архиепископ имеет право на владение и использование собора, т. к. собор является его кафедральной церковью; Истец-апеллянт имеет право на владение кафедральной собственностью, но по закону штата Нью-Йорк это имущество должно быть использовано для религиозных целей РПЦ и никаких других; Истец действует под контролем и во имя интересов раскольнической группы РПЦ и части приходов, сформированных в 1924 г. в Детройте и отказавшихся признавать власть и главенство Московского патриарха; Назначение архиепископа Вениамина, как официальное деяние высшей власти РПЦ, было решением конфессионального вопроса внутреннего церковного управления и обязательно должно быть учтено гражданским судом штата; Правительство США никогда не переставало признавать РПЦ и ее Патриарха⁴⁰.

По возможности закон [«Статью 5-С». – *Е.Д.*] можно трактовать в пользу снятия сомнений в его конституционности и предотвратить возможное его использование с целью ограничения свободы богослужений и проч. Иными словами, толкование любого правила должно быть не только конституционным, но и не вызывать каких-либо сомнений вообще⁴¹. В итоге: право арх. Вениамина на владение собором не является предметом контроля гражданских властей или решения гражданских судов, ибо ни один гражданский суд не вправе вынести решение в пользу независимой или неконформистской группы, враждебно настроенной к власти и деятельности Матери-Церкви⁴².

Таким образом, уже третий по счету суд принял решение в пользу Американской митрополии, несмотря на убедительность доводов судей, оставшихся в меньшинстве. Однако адвокат Адлер имел возможность обжаловать решение этой инстанции и добиться рассмотрения всего дела Верховным судом США в Вашингтоне.

⁴⁰ Supreme Court, New York County... 108.

⁴¹ Ibid. P. 112.

⁴² Ibid. P. 105–107.

Благодарности

Автор выражает признательность за помощь в выполнении исследования, а также высказывание конструктивных критических замечаний при написании статьи доктору исторических наук, профессору Т.И. Хорхординой (РГГУ) и доктору исторических наук, профессору, митрополиту Клименту (Капалину).

Acknowledgements

The author is especially grateful to Dr. of Sci. (History), Professor T.I. Khorkhordina (RSUH) and Dr. of Sci. (History), Professor Metropolitan Kliment (Kapalin) for their help in carrying out the study, as well as expressing constructive criticism when writing the article

Литература

- Казем-Бек 1957 – *Казем-Бек А.* К десятилетию одного судебного процесса // Журнал Московской патриархии. 1957. № 7. С. 56–65.
- Кострюков 2015 – *Кострюков А.А.* Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. М.: Издательство ПСТГУ, 2015. 488 с.
- Курков 2003 – *Курков Н.В.* Об одном памятнике русской архитектуры в Америке // Американский ежегодник, 2001. М.: Наука, 2003. С. 241–246.
- Просветов 2016 – Вениамин (Федченков), митр. Служение в Америке (в документах 1933–1947 годов) / Сост. Р.Ю. Просветов. М.: Отчий дом, 2016. 920 с.
- Филипп 1918 – *Филипп (Ставицкий)*, епископ Аляскинский. Погибающая миссия. М.: Русская правда, 1918. 10 с.
- Pokrovsky, M. 1968 – St. Nicholas Cathedral of New York: History and Legacy / M. Pokrovsky (ed.). New-York: St. Nicholas Cathedral study group, 1968. 103 p.

References

- Kazem-Beck, A. (1957), "Towards a decade of one judicial process", *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*, vol. 7, pp. 56–65.
- Kostriyukov, A.A. (2015), *Russkaya zarubezhnaya zerkov v 1939–1964 gg. Administrativnoe ustroystvo i otnosheniya s zerkov'yu v otechestve* [Russian Church abroad in 1939–1964. Administrative structure and relationship with the Church in the Fatherland], Izdatelstvo PSTGU, Moscow, Russia.
- Kurkov, N.B. (2003), "About one monument of Russian architecture in America", *Amerikanskii Ezhegodnik 2001*, Nauka, Moscow, pp. 241–246.
- Prosvetov, R.Yu. (ed.) (2016), *Benjamin (Fedchenkov) mitr. Sluzhenie v Amerike (v dokumentakh 1943–1947 godov)* [Benjamin (Fedchenkov) Metrop. Service in America (in documents of 1933–1947s)], Otchii dom, Moscow, Russia.

Philipp (Stavitsky), Bishop of Alaska (1918), *Pogibayuschaya missiya* [Dying mission], Russkaya pravda, Moscow, Russia.

Pokrovsky, M. (ed.) (1968), *St. Nicholas Cathedral of New York: History and Legacy*, St. Nicholas Cathedral study group, New-York, USA.

Информация об авторе

Евгений В. Доля, соискатель Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ioad@yandex.ru

Information about the author

Evgeniy V. Dolya, fellow applicant for PhD Degree in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; ioad@yandex.ru

Жизнь и творческое наследие историка Русской Церкви И.К. Смолича

Андрей В. Попов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, insatiable@fryzino.net*

Анна Ю. Квактун

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, akva1966@mail.ru*

Аннотация. Целью исследования является реконструкция творческой биографии Игоря Смолича, оценка значения его трудов для отечественной исторической науки. Актуальность темы статьи определяется историографической проблематикой, а также самой фигурой Игоря Смолича, в биографии которого нашли отражение трудные и неоднозначные страницы истории России начала XX века. Русский и немецкий историк И.К. Смолич создал фундаментальный труд по синодальному периоду истории Русской Церкви, который был издан в России спустя многие годы после его опубликования в Германии и получил высокую оценку. До настоящего времени в отечественной и зарубежной историографии не проводилось всестороннего изучения работ и взглядов И.К. Смолича. Исторический метод, а также традиционные методы источниковедения, используемые в работе, позволили определить круг источников, оценить их значение для исследования. Ключевую роль в работе играет системный метод, в основе которого лежит понимание объекта исследования – творческого наследия Игоря Смолича – как сложной системы, состоящей из множества самостоятельных элементов, связанных друг с другом разнообразными типами связей и взаимно влияющих друг на друга.

Ключевые слова: Игорь К. Смолич, история Русской Церкви, синодальный период, интеллектуальная биография И.К. Смолича, творческое наследие И.К. Смолича

Для цитирования: Попов А.В., Квактун А.Ю. Жизнь и творческое наследие историка Русской Церкви И.К. Смолича // История и архивы. 2019. № 4. С. 60–79. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-60-79

I.K. Smolitch as a scholar in the history of the Russian Church. His life and heritage

Andrei V. Popov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, insatiable@fryzino.net*

Anna Yu. Kvaktun

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, akva1966@mail.ru*

Abstract. The aim of the research is the reconstruction of the creative biography of Igor Smolitch, as well as the assessment of the significance of his heritage to the Russian historical science. The very figure of Igor Smolitch whose biography appeared a mirror-image of complex and ambiguous events in the history of Russia in the beginning of the 20th century is as relevant to the topic of the article as its historiographical issues. I.K. Smolitch, a Russian and a German scholar, wrote a fundamental work devoted to the Synod period in the history of the Russian Church which was published in Russia many years after its publication in Germany and was highly appreciated. To date, no comprehensive study of the works and views of I.K. Smolitch has been carried out in Russian and foreign historiography. The historical method as well as the traditional methods of source study used in the present work allowed to define the scope of the sources and to evaluate their importance for the analysis. The most significant for the research was the systematic approach the essence of which was the understanding of Igor Smolitch's creative heritage as a complicated system composed of an array of separate elements that are diversely interconnected and mutually dependent.

Keywords: Igor K. Smolitch, history of the Russian Church, Synod period, Igor K. Smolitch's intellectual biography, Igor Smolitch's heritage

For citation: Popov, AV. and Kvaktun, AYu. (2019), "I.K. Smolitch as a scholar in the history of the Russian Church. His life and heritage", *History and Archives*, no. 4, pp. 60-79. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-60-79

Введение

Исследование жизни и творчества немецкого и русского ученого Игоря Корнильевича Смолича (1898–1970) в настоящее время является одной из актуальных задач, стоящих перед отечественными и зарубежными специалистами. Он был исследователем, чьи

труды оказали большое влияние на развитие исторической науки в Германии и России. Темы, поднятые в его работах, относятся к ключевым проблемам российской истории, в особенности проблемы взаимоотношений Церкви, общества и государства.

Актуальность темы статьи определяется необходимостью изучения и осмысления творческого наследия выдающихся ученых, а также самой фигурой Игоря Смолича, отразившей в своей биографии трудные и неоднозначные страницы истории России. Среди них – революция, участие в Гражданской войне, тяжелая жизнь беженца в Константинополе, учеба в Германии, активная деятельность в Русском студенческом христианском движении, трагические события Второй мировой войны, выживание в послевоенной Германии. И все это – на фоне каждодневной и скрупулезной научной работы, свидетельством и результатом чего стало признание сначала в Германии и Европе, а затем, уже после смерти, в России.

Традиция изучения творческого наследия И.К. Смолича еще только зарождается. До сих пор ни в отечественной, ни в зарубежной историографии не проводилось всестороннего изучения работ и взглядов И.К. Смолича. Во многом это и определило новизну исследования. И.К. Смолич являлся не только представителем науки русского зарубежья, к тому же занимающимся историей Церкви, он был еще и бывшим белогвардейцем. Поэтому сведений об ученом оказалось явно недостаточно как в советских, так и в постсоветских публикациях. Не следует забывать, что до конца 1990-х гг. работы И.К. Смолича в СССР и России не издавались.

При подготовке статьи полезными оказались предисловия к переизданиям книг И.К. Смолича в России «История Русской Церкви» [Смолич 1997a] и «Русское монашество» [Смолич 1997b], в которых содержались краткие биографические сведения об историке. Несколько строк биографии И.К. Смолича посвятил в своей статье директор Синодальной библиотеки протоиерей Борис Даниленко [Даниленко 1999, с. 224–231].

Но это, без преувеличения, буквально несколько предложений. Краткие сведения об И.К. Смоличе содержатся в биографическом словаре «Российское зарубежье во Франции» [Российское зарубежье с. 145–146]. Коллектив авторов «Православной энциклопедии» посвятил несколько слов трудам Игоря Смолича в статье «Обзор литературы по истории Русской Церкви», а именно: «Над созданием систематического исследования по истории Русской Церкви от начала ее существования трудился И.К. Смолич, видевший свою главную задачу в анализе взаимоотношений Церкви и государства. В связи с отсутствием удовлетворительного сочинения по истории синодального периода ученый решил начать свое

исследование именно с этого периода. Этот труд стал последним сочинением автора»¹.

Нами были использованы работы, отражающие культурную и религиозную жизнь Русского зарубежья, в первую очередь, историю Русского студенческого христианского движения (РСХД), активным членом которого был И.К. Смолич. Большое значение для изучения истории РСХД имеют работы протоиерея В.В. Зеньковского², почетного председателя РСХД. Отец Василий Зеньковский ввел в научный оборот значительный фактический материал, связанный с деятельностью Русского студенческого христианского движения. В воспоминаниях отца Василия Зеньковского нам удалось обнаружить сведения о деятельности движения в Берлине и участии в нем Игоря Смолича³. Очерки русского писателя-эмигранта А.Т. Аверченко (1880–1925) помогли глубже понять и почувствовать атмосферу жизни русских беженцев в Константинополе⁴.

Полезной оказалась и автобиография брата И.К. Смолича – Юрия Корнильевича Смолича (1900–1976), писателя, героя Социалистического труда, председателя правления Союза писателей Украины, депутата Верховного Совета Украинской ССР 8–9-го созывов. В автобиографии Юрий Смолич описывает быт и уклад семьи, рассказывает о родителях и родственниках, подробно описывает жизнь семьи в Умани, Жмеринке и других городах Украины. Сведения о детстве братьев содержатся и в других книгах Юрия Смолича: «Наши тайны», «Детство», «Восемнадцатилетние», «Я выбираю литературу. Книга мемуаров», «Разговор с читателем и писателем» и др. В своих мемуарных книгах Юрий Смолич упоминает о брате, но называет его Олегом, с непременным комментарием: «Я не был с ним особенно близок».

По данным украинских историков, в годы Гражданской войны Юрий Смолич служил в войсках Симона Петлюры (1879–1926) сначала артиллеристом, потом писарем в штабе атамана В.А. Синклера (1879–1946). Примечательно, что с 1959–1961 г. Юрий Смо-

¹ Обзор литературы по истории Русской Церкви / Статья подготовлена коллективом авторов «Православной энциклопедии» // Исторический вестник. 2001. № 1 (12). С. 450.

² *Зеньковский В., протоиерей*. Русское студенческое христианское движение: История, деятельность, задачи // Вестник РСХД. 1949. № 7–8. С. 3–19; № 9–10. С. 21–33.

³ *Зеньковский В., протоиерей*. Из моей жизни: Воспоминания / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина. М.: Дом русского зарубежья имени А. Солженицына: Книжница, 2014. 464 с.

⁴ *Аверченко А.Т.* Записки простодушного. М.: Книга и бизнес, 1992. 365 с.

лич жил с братом в одном городе – Берлине. Только Игорь Смолич жил в Западном Берлине, а Юрий Смолич – в Восточном Берлине. В этот период Ю.К. Смолич жил и работал в Берлине в Комитете по возвращению в СССР, а с 1961 г. до своей смерти являлся председателем Общества культурных связей с украинцами за границей «Украина». По всей видимости, братья после более чем сорокалетней разлуки не смогли встретиться. Во всяком случае никаких свидетельств о такой встрече не сохранилось.

Основными источниками в реконструкции творческой биографии И.К. Смолича, его творческого наследия и вклада в историческую науку стали его публикации. Привлекались также неопубликованные источники. К сожалению, документы, касающиеся доктора И.К. Смолича, сохранились в архиве Свободного университета в Берлине в небольшом объеме. Тем не менее нам с помощью сотрудников архива удалось получить отдельные документы, среди которых характеристика И.К. Смолича, написанная его другом Максом Юлиусом Фридрихом Фасмером (1886–1962), немецким лингвистом, лексикографом, славистом и балканистом российского происхождения. В архиве берлинского православного кладбища Тегель, где похоронена чета Смоличей, удалось ознакомиться с паспортом захоронения.

В архиве Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына в Москве, в личном фонде директора издательства ИМКА-ПРЕСС Лаури Дональда, отложились несколько писем И.К. Смолича к различным адресатам.

Таким образом, с учетом недостаточной разработанности темы было использовано достаточное количество источников, которые можно разделить на следующие основные группы: историографические источники, т. е. собственно труды И.К. Смолича, а также неопубликованные источники.

Цель статьи состоит в реконструкции творческой биографии Игоря Смолича, а также в оценке значения его трудов для отечественной исторической науки.

Задачами работы являются:

1. Выявление архивных и опубликованных источников о биографии И.К. Смолича.
2. Реконструкция творческой биографии И.К. Смолича.
3. Оценка значения трудов И.К. Смолича для отечественной исторической науки.

В 1920 г. вместе с войсками генерала П.Н. Врангеля Игорь Корнильевич Смолич покинул Россию. Его судьба во многом схожа с судьбами других деятелей науки и культуры российского происхождения, которым довелось жить и работать в этот период в эмигрантской среде. В биографии ученого немало белых пятен.

Игорь Корнильевич Смолич родился 27 января 1898 г. в Софиевке (сейчас территория г. Умань Черкасской области) в семье преподавателей. Он был вторым ребенком в семье. У него была старшая сестра Наталья (1894–1942) и младший брат Юрий (1900–1976).

Отец будущего историка, Корнелий Иванович Смолич, был незаурядной личностью. Он окончил Московский университет, дружил с Антоном Павловичем Чеховым, вместе с которым в годы учебы снимал квартиру в Москве. К.И. Смолич свободно владел тремя языками (немецким, английским и французским), очень любил музыку, великолепно играл на фортепиано. Корнелий Иванович был преподавателем математики и физики в сельскохозяйственной школе и гимназии, страстно увлекался астрономией, был членом Французской ассоциации астрономов, а также корреспондентом и автором французского астрономического журнала «Астрономический бюллетень». Свои сбережения он потратил на то, чтобы выписать из Франции дорогой телескоп, которым впоследствии пользовались маленький Игорь, его сестра Наталья и брат Юрий. К числу его увлечений относилось и цветоводство. Он много читал, выписывал толстые журналы, в том числе зарубежные. Любовь к чтению, астрономии, к цветоводству он смог передать и своим детям. Корнелий Иванович Смолич скончался от инфаркта в 1915 г. в Жмеринке.

Мать историка, Елена Адамовна Смолич, окончила Киевский институт благородных девиц и имела звание «учительницы народных школ». В Киевский институт ее приняли как дочь героя обороны Севастополя 1854–1855 гг. Статус «внуков героя обороны Севастополя» в третьем колене предоставлял Игорю Смоличу, его брату и сестре право бесплатного обучения в любом (даже привилегированном) низшем, среднем и высшем учебном заведении. Вероятно, воспользовавшись именно этим правом, Игорь Смолич стал студентом Киевского университета.

После смерти мужа мать Игоря Смолича активно занималась общественной деятельностью. Она работала в комиссиях помощи беженцам, раненым и семьям фронтовиков в дни Первой мировой войны, в комитетах «действия» и «содействия» – в дни Февральской революции 1917 г., в органах снабжения населения продовольствием – в 1921–1922 гг. Она также принимала участие в деятельности различных культурно-просветительных организаций. Семья Смоличей часто переезжала. Среди мест жительства семьи – города Умань, Стародуб, Белая Церковь, Глухов, Каменец-Подольский, Жмеринка. Игорь Смолич учился в гимназиях четырех последних из перечисленных городов.

Будущему историку было шестнадцать лет, когда началась Первая мировая война. В этот период семья жила в непосредственной близости к Юго-западному фронту. С первых дней войны вместе

с младшим братом он бегал на железнодорожную станцию кормить солдат и помогать раненым. Позднее это вылилось в работу санитаром в госпитале и участие в деятельности дружины помощи семьям солдат при уборке урожая.

В 1916 г. И.К. Смолич окончил гимназию и поступил в Киевский политехнический институт. В институте он учился недолго и вскоре стал студентом историко-филологического факультета Киевского университета. В 1918 г. с началом военных действий на Украине университет был закрыт. Революция и Гражданская война прервали учебу Игоря Смолича и навсегда изменили его жизнь⁵.

Опираясь на воспоминания Юрия Смолича, сделать какие-то однозначные выводы о том, какое религиозное воспитание получил Игорь Смолич, затруднительно. По своим политическим взглядам Смоличи-родители были либералами. Во время еврейских погромов в доме находили убежище еврейские женщины и дети.

В годы Гражданской войны Игорь Корнелиевич вступил в Белое движение, сражался в армии А.И. Деникина, а затем – в армии П.Н. Врангеля. В составе армии П.Н. Врангеля он, как в свое время его дед – герой обороны Севастополя, защищал последний оплот Белой армии в России – Крым. С остатками армии П.Н. Врангеля в 1920 г. Игорь Смолич навсегда покинул родину.

В турецкой столице Игорь Смолич сполна испил чашу страданий, выпавших на долю оказавшихся там русских офицеров, казаков и солдат. Голодал, перебивался заработками ночного сторожа и помощника повара. Его связь с родными на долгие годы прервалась. Однако в 1923 г. Смолич сумел получить стипендию, позволившую ему продолжить образование в Берлине – городе, который на протяжении многих десятилетий являлся крупнейшим исследовательским и образовательным центром в области изучения истории России и стран Восточной Европы. Германия станет его второй родиной, где он найдет свое призвание историка и проведет все оставшиеся годы своей жизни.

В феврале 1923 г. Смолич поступил на отделение экономики в Русский научный институт в Берлине. Это учебное заведение создали русские ученые-эмигранты, среди которых были философы и обществоведы высочайшего уровня: Н.О. Лосский, С.Л. Франк, Ф.А. Степун, Б.П. Вышеславцев, В.В. Зеньковский, Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин и др. Инициатором создания института стал философ и религиозный мыслитель Н.А. Бердяев. Средства на создание

⁵ Доктор богословия Игорь Корнелиевич Смолич (27.01.1898–2.11.1970) [Электронный ресурс] / Православная энциклопедия «Азбука веры». М.: Православная энциклопедия «Азбука веры», 2005. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Igor_Smolich/ (дата обращения: 6 апреля 2019).

и деятельность института были предоставлены Ассоциацией христианской молодежи, которая поддерживала Н.А. Бердяева.

Сначала И.К. Смолич стал слушателем отделения экономики, несмотря на то, что в институте были открыты еще два отделения – права и духовной культуры. Такой выбор может говорить о том, что на момент поступления в институт Смолич еще не имел явной склонности к изучению истории Русской церкви. Вероятно, он получил импульс в этом направлении через общение с некоторыми наставниками, а также со студентами, учившимися Русском научном институте. Лекции читали блестящие ученые: Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин, А.А. Кизеветтер, В.А. Мякотин, В.В. Стратонов и другие.

Во время учебы в институте И.К. Смолич познакомился со многими членами РСХД, впоследствии стал его активным участником и одним из лидеров в Берлине. По всей видимости, он зарекомендовал себя как очень ответственный и, безусловно, честный человек, так как уже через два года, в 1925 г., он стал казначеем Германского отделения РСХД. Именно в эти годы он увлекается историей Русской Церкви. Большое влияние на становление И.К. Смолича оказали Н.А. Бердяев и особенно историк русской философии, педагог и богослов В.В. Зеньковский. Именно эти наставники ввели Игоря Смолича в круг движения русской христианской молодежи. В.В. Зеньковский, вспоминая деятельность РСХД в Берлине, писал: «Выделялись еще С.С. Шидловский, Вера А. Угримова, С. Генриховна Слиозберг, В.В. Федоровский, Игорь Смолич...»⁶. Идеалы русского студенческого христианского движения Игорь Смолич пронес через всю жизнь.

В 1925 г. Русский научный институт в Берлине закрылся из-за финансовых трудностей. Несмотря на непродолжительное обучение в Русском институте, Игорь Смолич смог окончить полный курс по истории и литературе и успел защитить дипломную работу «К истории колонизации области Волги в XVI и XVII вв.».

В 1925 г. Смолич поступает в Университет Фридриха Вильгельма, где специализируется на изучении истории России и Русской Православной Церкви. В Университете ученый нашел наставника, покровителя и друга в лице выдающегося ученого-слависта М. Фасмера. Эта дружба определила всю его дальнейшую жизнь и научную деятельность. Спустя годы, в 1953 г., М. Фасмер писал: «Настоящим хочу подтвердить, что я близко знаю г-на доктора Игоря Смолича со времени его учебы в Берлине и могу его горячо

⁶ *Зеньковский В., протоиерей. Из моей жизни: Воспоминания / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Книжница, 2014. С. 70.*

рекомендовать в качестве выдающегося знатока русской духовной истории, особенно русской церковной истории и древнерусской истории монашества. Г-н Смолич уже давно известен своими публикациями не только у нас, но и за рубежом, и им подготовленная церковная история России восполняет большой пробел в нашей специальной литературе...»⁷.

С начала 1930-х гг. И.К. Смолич начал публиковаться в религиозно-философских журналах «Путь» и «Вестник РСХД», что принесло ему первую известность в научных кругах. В 1934 г. он защитил диссертацию, посвященную жизни и идеологии И.В. Киреевского, тесно связанного со старцами Оптиной Пустыни, ставропигиального мужского монастыря Русской Православной Церкви. За этот труд ему было присвоено звание доктора философии. В 1936 г. опубликована первая крупная научная работа Игоря Смолича «Жизнь и учение старцев», посвященная русскому старчеству. В ней ученый исследовал аскетический опыт старцев Оптиной Пустыни, их влияние на различные слои русского общества⁸.

О том, как историк пережил Вторую мировую войну, можно судить только косвенно. Например, по его переписке с несколькими адресатами в Париже. Несколько писем хранятся в архиве Дома русского зарубежья в Москве⁹. Из содержания писем можно сделать вывод о том, что он не воевал в составе немецкой армии. Скорее всего, он не мог воевать по состоянию здоровья, которое, вероятно, было сильно подорвано еще в Константинополе. В письмах И.К. Смолич сообщал, что его мучает грыжа, которую он получил во время войны: он был вынужден перетаскивать тяжелые мешки с мерзлым картофелем, спасая себя и жену от голода.

О личной жизни Игоря Смолича известно, что он состоял в браке с Эльзой Германовной Смолич-Шульц (1898–1979). Супруги похоронены рядом на русском кладбище Тегель в Берлине. В архиве кладбища, который ведется организатором проекта «Погост-Тегель» Александром Клондером, к сожалению, нет никакой информации, кроме дат жизни четы Смоличей.

Осенью 1951 г. Игорь Смолич стал сотрудником Восточноевропейского Института, открывшегося при Свободном университете в Западном Берлине. Это стало возможным благодаря финансовой поддержке Федерального Министерства внутренних дел и американского фонда Рокфеллера. Отделение истории в этом институте возглавил Филипп Вернер (1908–1996), который, как и Игорь

⁷ Архив Свободного университета Берлина. Freie Universitat Berlin (FU Berlin). Отзыв о докторе Смоличе.

⁸ *Smolitsch I.K. Leben und Lehre der Starzen*. Vienne, 1936. 226 s.

⁹ Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 92.

Смолич, был учеником М. Фасмера. Основные научные интересы Филиппа Вернера находились в сфере исследования политической и церковной древнерусской истории. Неслучайно, что для работы в новом институте Филипп Вернер привлек И.К. Смолича, который быстро завоевал лидирующие позиции среди исследователей Института и оставался профессором института с 1953 г. до самой смерти.

И.К. Смолич воспринял традиции и методологию Берлинской школы исторической русистики первой половины XX в. Это во многом определило основные виды и направления его профессиональной деятельности как историка Русской Православной Церкви и эксперта по истории России. Среди принципов Берлинской школы можно выделить следующие: базирование исследований на источниках; ориентированность, главным образом, на дореволюционную историю России; работы в рамках «социального» направления; развитие немецко-российских научных контактов и академических связей с другими зарубежными центрами и специалистами.

Репутация И.К. Смолича как эксперта в области истории России была безупречна. Он также пользовался авторитетом среди коллег благодаря своим человеческим качествам, что подтверждается словами профессора Филиппа Вернера: «Его спокойная, благородная природа исследователя, его профессиональные и осторожные суждения и его человеческое тепло все эти годы оказывали наилучшее влияние на сотрудников кафедры, несмотря на то, что он не брал на себя никаких официальных функций...»¹⁰.

По воспоминаниям знавших Игоря Смолича людей, он работал медленно и терпеливо, долгие годы собирая и систематизируя доступный ему материал. Его близкий друг и переводчик его сочинений митрополит Иоанн (Вендланд) вспоминал, что в бытность епископом Берлинским, заходя к ученому, «всегда заставлял И. Смолича сидящим за своим письменным столом и усердно работающим» [Смолич 1992, с. 98].

Целью научных исследований Игоря Смолича было создание фундаментального труда по истории Русской Церкви. Сам историк писал о том, что, исходя из насущных церковных потребностей, он решил начать свою работу не с начальной истории Церкви, а с более позднего периода церковной истории – с XVIII–XIX вв., то есть с периода, начатого глубокими преобразованиями Петра Великого. Однако именно этот труд по истории Русской Церкви Синодального периода стал вершиной научной деятельности историка.

¹⁰ Архив Свободного университета в г. Берлине. Freie Universitat Berlin (FU Berlin). Характеристика на доктора Смолича проф. Ф. Вернера в полицию г. Берлина.

В 1970 г. И.К. Смолич, ощутивший упадок сил, с большим трудом завершил второй том своего труда по истории Русской Православной Церкви синодального периода. Работа над церковной историей России от Крещения до 1700 г. так и осталась на подготовительной стадии. За свою научную деятельность ученый получил степень доктора философии, а в 1964 г. Свято-Сергиевский Богословский институт в Париже присвоил ему звание доктора богословия *honoris causa*. Д.В. Поспеловский (1935–2014), канадский историк, публицист, экономист и советолог украинского происхождения, характеризует И.К. Смолича: «Он был глубоко верующим православным христианином и либералом с точки зрения современных московских ортодоксов...»¹¹. Жизнь Игоря Смолича прервалась в 1972 г.: он не успел осуществить все свои замыслы. К сожалению, его наследие так и остается малоизученным в России.

Творческое наследие историка Игоря Корнильевича Смолича

Свою первую научную работу И.К. Смолич закончил в марте 1927 г. и опубликовал спустя два года, в 1929 г., в журнале «Путь». Первая публикация Игоря Смолича посвящена старцу Нилу Сорскому¹². При подготовке статьи И.К. Смолич использовал главным образом «Предание и Устав» Нила Сорского, опубликованный в 1912 г. в Санкт-Петербурге в 179 томе «Памятников древней письменности»¹³, и работу «Преподобный Нил Сорский», опубликованную А. Архангельским¹⁴. В России статья И.К. Смолича была переиздана в 1998 г. журналом «Альфа и Омега».

¹¹ Две монографии по русской церковной истории синодального периода [Текст] / Д. Поспеловский // Вестник Русского христианского движения. 2002. № 1 (183). С. 356–363. Рец. на кн.: Смолич Игорь Корнильевич. История Русской Церкви, 1700–1917. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. Ч. 1. 800 с., Ч. 2. 798 с. М.: Крутицкое Патриаршее подворье: Общество любителей церковной истории, 1999. 567 с.

¹² *Смолич И.К.* Великий старец Нил Сорский: (К истории русского старчества) // Путь. 1929. № 19. С. 57–69.

¹³ *Сорский Нил.* Предание и Устав / Вступ. ст. М.С. Боровковой-Майковой. СПб.: ОЛДП, 1912. 92 с.

¹⁴ *Архангельский А.С.* Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. Их литературные труды и идеи в Древней Руси: Ч. 1. Преподобный Нил Сорский: историко-литературный очерк А.С. Архангельского. СПб.: Тип. И. Воицкого, 1882. 283 с.

В фигуре Преподобного Нила Сорского (1433–1508) И.К. Смолича особенно привлекает его религиозная натура, которая не смогла примириться с обрядовым формализмом. Настроения и воззрения Нила Сорского не были новыми и оригинальными в Православной церкви, но для всей Руси, куда он принес идеи «исихастов» из Византии, он оставался одиноким и первым со своими созерцательными настроениями – «умной молитвой» и «умным деланием». Он развил и обосновал идею скитского жития, явился основателем русского старчества. От всей его личности веет необычайной духовной свободой. Это – не «книжник-начетчик», а мыслитель-психолог, мыслитель-теоретик, для которого единственной ценностью является нравственное самоусовершенствование через созерцание Истины. Мирская жизнь его не влечет, наоборот, она – преграда на пути покаяния и спасения. Для Нила Сорского интересна прежде всего внутренняя духовная жизнь человека, его падение, его страсти и борьба с ними.

Оценивая первую публикацию И.К. Смолича, можно отметить, что, несмотря на отсутствие новых источников, статья привлекает внимание, в первую очередь, своей искренностью, любовью к своему герою. Современники отметили удачный дебют молодого церковного писателя.

Целый цикл статей И.К. Смолича был опубликован в «Вестнике РСХД». Для этого издания он писал почти до самой кончины: последние статьи вышли в конце 1960-х гг. Первая из цикла статей была посвящена церковной унии 1596 г. В этой публикации И.К. Смолич не скрывает своего отрицательного отношения к унии, обращает внимание на «предательство» иерархов: «Православный народ оказался выше и мужественнее в исповедании веры, чем его иерархия. Он крепко стал на страже православия, вдохновляемый оставшимся верным православием духовенством...»¹⁵.

В 1934 г. Игорь Смолич защитил в Университете Фридриха Вильгельма диссертацию, посвященную жизни и идеологии Ивана Васильевича Киреевского, который был тесно связан со старцами Оптиной Пустыни¹⁶. И.В. Киреевский предстает в труде И.К. Смолича проповедником православной культуры. И.К. Смолич смог показать, как в середине XIX в. старчество влияло на мировоззрение и приобщение интеллигенции к Церкви.

¹⁵ *Смолич И.К.* Церковная уния 1596 года // Вестник русского студенческого христианского движения. 1930. № 5. С. 10–18.

¹⁶ *Smolitsch I.K.* Ivan Vasil'evic Kireevskij: Leben und Weltanschauung. 1806–1856: Ein Beitrag zur Geschichte des russischen Slavophilentums // *Jahrbucher fur Kultur und Geschichte der Slaven*. 1933. NF. 9. S. 390–427, 463–492.

Неожиданным, на первый взгляд, кажется обращение И.К. Смолича к наследию Блаженного Августина. Статью о нем Смолич опубликовал в 1933 г. в «Вестнике РСХД»¹⁷. На наш взгляд, Смолич, как и Блаженный Августин, переживший падение империи и оказавшийся в положении гонимого беженца, искал точку опоры, искал свою идею и веру. Августин проделал трудный путь аскетического подвига христианина, намечая вехи христианского мировоззрения и нравственных основ общественной жизни. Результатом явились его труды, изложенные в «Исповеди» и «Граде Божиим», где мы находим первую попытку осмыслить христианскую историю с философской точки зрения, когда вся история человечества рассматривается как борьба между царством Бога и дьявола. В этой борьбе для Августина Церковь является силой, с помощью которой возможна победа над дьяволом, а следовательно, возможно и спасение человеческих душ в царстве Божиим.

Послевоенное творчество И.К. Смолича связано с Восточноевропейским институтом при Свободном университете в Западном Берлине, где он начал работать в 1953 г. по приглашению профессора Филиппа Вернера.

В стенах этого института он проработал всю оставшуюся жизнь и написал свои главные труды. Ранее, в 1952 г., он переиздает, дополнив и переработав, свою раннюю работу «Жизнь и учение старцев»¹⁸. Книга «Жизнь и учение старцев» написана в форме исторического эссе. Данная работа И.К. Смолича посвящена изучению старчества как проявлению внутренней стороны жизни монашествующих. Исследование делится на пять глав, в которых он прослеживает становление, развитие и расцвет старчества. И.К. Смолич начинает книгу с рассмотрения самого явления старчества в Восточной церкви. Начиная со второй главы историк рассматривает отдельные персоналии. И.К. Смолич дает оценку явлению старчества с точки зрения принципов, на которых оно базируется, и приходит к выводу о том, что старчество как явление основывается на принципах послушания и молитвы. Для И.К. Смолича монастырь как институт церкви возник из идеи спасти себя, из желания любить Бога и людей. Аскетизм и высокоморальное отношение к подвижничеству, к тому, что называется на Руси святостью, – вот ключевые характеристики, которые, по мнению И.К. Смолича, были свойственны русскому монашеству

¹⁷ *Смолич И.К.* Блаженный Августин // Вестник русского студенческого христианского движения. 1933. № 11/12. С. 13–15.

¹⁸ *Smolitsch I.K.* Leben und Lehre der Starzen. Die spirituellen Meister der russisch-orthodoxen Kirche, Nachwort v. E.Jungclaussen, Herder Spektrum 5475, Freiburg i.Br., Basel u. Wien, 2004. Frühere Auflagen: Wien 1936; Köln u. Olten 1952; Freiburg i.Br., Basel u. Wien 1988.

и феномену старчества. История Русской Церкви без этой традиции была бы далеко не полной. Для И.К. Смолича старцы и их добродетель, стремление к служению высшему, а не светскому властителю, – все эти характеристики русского монашества дали почву для философского осмысления бытия человека в русской литературе и культуре в целом. Смолич отмечал ряд проблем, с которыми он столкнулся при исследовании истории русского монашества и монастырской жизни: чем больше он погружался в изучаемый материал, тем яснее становилось для него следующее: во-первых, этот источник не так свеж и богат, как о нем думают; во-вторых, его плохое историческое содержание не может быть использовано без специального предварительного изучения в полном объеме.

Начав активную творческую работу в Восточноевропейском институте при Свободном университете, И.К. Смолич смог завершить и опубликовать фундаментальный труд «Русское монашество. 988–1917»¹⁹.

Долгая работа Смолича над большим массивом исторических документов, привела ученого к необходимости выделить монастырскую жизнь на Руси в самостоятельную тему исследования, проследить ее развитие в тесной связи с историей России и с историей Церкви.

Переломным моментом в истории иночества на Руси автор полагает спор между преподобным Иосифом Волоцким и партией «иосифлян», с одной стороны, и преподобным Нилом Сорским и его последователями, «заволжскими старцами», – с другой. Победа на Соборе 1503 г. иосифлянской концепции монашеского устройства, подразумевающей наличие у монастырей обширных владений, активную хозяйственную деятельность, неразрывную связь с миром, по мнению автора, на три столетия определила «сильное обмирщение» монашества, оказавшего особенно негативное воздействие на монастырский быт.

Следует заметить, что столь категоричная оценка влияния преподобного Иосифа Волоцкого на монашество и монастырскую жизнь во многом определяется представлениями автора о целях и задачах монашеской жизни: его ориентация исключительно на аскетические идеалы приводит к сознательному уничтожению социально-просветительской деятельности монастырей. И здесь автор Смолич часто противоречит себе, ибо, являясь объективным исследователем, он посвящает многие страницы своей работы христианизации языческих территорий. На монастыри легла основная тяжесть миссионерской деятельности. При отсутствии богатых

¹⁹ *Smolitsch I.K. Russisches Mönchtum: Entstehung, Entwicklung und Wesen, 988–1917. Würzburg, 1953. 560 S.*

земельных владений монастыри были бы не в состоянии исполнять свое предназначение по просвещению языческих народов, сохранению православной культуры Руси и т. д.

В 1997 г. издательством Спасо-Преображенского Валаамского ставропигиального монастыря (с ноября 1996 г. – Церковно-научный центр Русской Православной Церкви) были переизданы труды И.К. Смолича, посвященные разным сторонам единого церковно-исторического явления – русской монастырской жизни: «Жизнь и учение старцев» и «Русское монашество. 988–1917». К сожалению, исследования дошли до нас только на немецком языке. Труд «Русское монашество» переведен протоиереем Владиславом Цыпиним по изданию: *Russisches Mönchtum: Entstehung, Entwicklung und Wesen. 988–1917. Würzburg, 1953*. Цитаты из русских источников выверены переводчиком и редакцией. Работа «Жизнь и учение старцев» опубликована в переводе митрополита Ярославского Иоанна (Вендланда), который в годы своего архиерейского служения в Берлине дружил с И.К. Смоличем.

Следует также помнить, что обе работы создавались во время Второй мировой войны и сразу после нее, когда, по признанию самого автора, многие предварительные записи и библиографические выписки были им утрачены и факты зачастую приходилось восстанавливать по памяти, о феноменальности которой ходили легенды.

К послевоенному периоду творчества И.К. Смолича относится и его монографическая работа «История Русской Церкви. 1700–1917 гг.» – это фундаментальный труд и итог многолетней научной деятельности ученого. Книга вышла в 1964 г. в Лейдене. К сожалению, вышел только первый том (734 с.), охватывающий время с 1700 по 1869 гг. В начале книги приведен обширный список источников и литературы (42 страницы мелкого шрифта). На основании тщательного изучения большого объема материалов автор излагает историю Русской Церкви подробно и объективно. Труд разделен на пять больших глав. Главы 1-я и 2-я повествуют об отношениях Церкви и государства, о введении Петром Великим «государственной церковности», то есть об учреждении Святейшего Синода, Духовном Регламенте и власти обер-прокурора; глава 3-я – о епархиальном управлении; глава 4-я – о приходском духовенстве; глава 5-я – о Духовной школе. В 1997 г. русскоязычный читатель получил возможность ознакомиться с этим выдающимся трудом русского историка.

Написание истории Русской Церкви от ее основания до XX века включительно было той целью, к которой И.К. Смолич терпеливо шел всю свою жизнь. Его многочисленные публикации в журналах «Вестник РСХД» и «Путь», во многих других периодических изданиях, специализировавшихся на церковной истории, а также его работы «Жизнь и учение старцев» и «Русское монашество. 988–

1917» были теми «кирпичиками», из которых надлежало составить в дальнейшем монументальное здание. Однако, к большому сожалению, сбыться этому замыслу было не суждено.

Понимая всю грандиозность своего замысла, И.К. Смолич, проявляя свойственную ему скромность, писал: «Наверняка не все исследователи разделят предлагаемую автором оценку тех или иных событий и лиц. Надо, однако, надеяться, что именно дискуссия по спорным пунктам послужит разъяснению все еще нерешенных вопросов и поможет пролить новый свет на прошлое Русской церкви» [Smolitsch 1964].

Надежды автора не оказались бесплодными, так как, по мнению многих специалистов, систематичность исследования и его временные рамки во многих случаях позволяют использовать труд И.К. Смолича в качестве отправной точки для дальнейших исследований.

Живя и работая в эмиграции, историк не имел доступа к архивным материалам по истории Церкви в Советском Союзе, поэтому основу для его работы составляли только опубликованные источники. Список доступных ученому опубликованных источников также не был полным: описываемый им период истории достигает 1917 г., тогда как начиная с 1914 г. поступление изданий в немецкие библиотеки явно было затруднено по известным историческим обстоятельствам.

Для И.К. Смолича центральным вопросом являются отношения между государством и Церковью. Эта установка историка подтверждается тем, что составленная им периодизация истории Русской Церкви делится на периоды именно в связи с тем, каковы были эти отношения: были ли они равноправными или нет. Смолич считал, что анализ опыта церковно-государственного взаимодействия в истории Русской Церкви является очень важным и может представлять интерес не только для России, но и для всех стран с христианским вероисповеданием.

Отмечая полноту и серьезность проведенной историком исследовательской работы, специалисты обращают внимание, что отношениям Русской Церкви с другими православными церквями И.К. Смолич не уделяет такого же внимания, какое уделено им отношениям с католической и протестантской церковью. Возможно, это объясняется тем, что И.К. Смолич просто не успел добавить соответствующие разделы в свою книгу. Об интересе ученого к этой теме свидетельствует наличие двух его статей: «К истории отношений между русской церковью и православным востоком: русская церковная миссия в Иерусалиме (1847–1914)»²⁰, вышедшей

²⁰ *Smolitsch I.K. Zur Geschichte der Beziehungen zwischen der Russischen Kirche und dem Orthodoxen Osten: Die russische kirchliche Mission in Jerusalem (1847–1914) // Ostrichliche Studien. 1956. 5. S. 33–51, 89–136.*

в 1956 г., и «К истории отношений между Русской Церковью и православным востоком: Церковь и правительство в петровской Руси в их отношении к Константинопольскому патриарху (1700–1914)», напечатанной в 1958 г.²¹

Как православный христианин, Игорь Смолич не одобрял грубого вмешательства государства в жизнь Церкви. Именно православную традицию Игорь Смолич считал ядром ментальности русского народа.

Заключение

Подводя итоги научной деятельности выдающегося представителя русской церковной историографии конца XIX – середины XX вв. И.К. Смолича, следует сказать, что семья передала сыну прекрасные духовные качества. Игорь Смолич отличался большой силой воли и завидным упорством. Первые уроки профессионального мастерства историка Игорь Смолич брал у своих немецких наставников. В первую очередь, у Макса Фасмера, дружбу с которым он пронес через всю свою жизнь. Это проявлялось и в его педантичности, в его внимании к фактам и деталям, в отношении к источникам и методам их анализа. В то же время как человек, как личность И.К. Смолич сформировался в России. Во всех его работах сквозь маску немецкого ученого – педанта проглядывает любовь к России, к ее природе и людям. Несомненное влияние на мировоззрение И.К. Смолича оказал также опыт работы в РСХД, знакомство и учеба у видных российских философов.

Вклад историка в развитие церковной исторической науки оказался значительным. Особенно это относится к Синодальному периоду российской истории. В личности историка, его исторической концепции четко прослеживаются два начала: «традиционалистский» и «инновационный». Поиски и новации Игоря Смолича были связаны с необходимостью укрепления и дальнейшего улучшения положения церковных дел, благополучия Церкви. События революции, которые привели к разрушению старой политической системы, изменению статуса Церкви в обществе, положению церковного и академического образования, объективно сделали Смолича не только носителем, но и хранителем православного мировоззрения в условиях исторической науки русского зарубежья. В то же время нельзя забывать, что, будучи русским и православным по духу, Игорь Смолич все-таки был представителем немецкой исторической школы.

²¹ *Smolitsch I.K. Zur Geschichter der Beziehungen zwischen der Russischen Kirche und dem Orthodoxen Osten Kirche und Regierung Impetrinischen Rusland in ihremVerhaltnis zum Patriarchen von Konstantinopel (1700–1914) // Ostkirchliche Studien. 1958. № 7. S. 1–47.*

Главной отличительной «инновационной» особенностью исторической концепции И.К. Смолича является признание ее динамики и движения из прошлого – в будущее. Достоинство книг И.К. Смолича – многоаспектность анализа Синодального периода Церкви, связи церковной истории с социальной и культурной жизнью России того времени.

Особые отношения сложились у Игоря Смолича еще с довоенного времени с католическими учеными Германии. Многие его публикации по истории Русской Церкви увидели свет в издательствах, принадлежащих ордену августинцев. Основатели Восточного церковного института в Вюрцбурге поддерживали научные и дружественные отношения с И.К. Смоличем вплоть до самой его кончины. В настоящее время личная библиотека ученого хранится в библиотеке этого Института.

Ряд работ историка стали знаковыми событиями в развитии истории Русской Православной Церкви. Темы, поднятые в его трудах, относятся к ключевым проблемам российской истории, в особенности проблемы взаимоотношений Церкви, общества и государства.

Заканчивая краткий историографический очерк жизни русского ученого Игоря Смолича, уместно привести слова о нем его немецкого коллеги Роберта Штуппериха (Robert Stupperich): «Игорь Смолич был основательным ученым, он был благочестивым, мягким и скромным человеком. Смолич был исследователем очень высокого уровня, он целиком принадлежал науке, жил для науки и умел приносить жертву ради науки. Он заслужил почетное место в ряду самых значительных русских историков» [Stupperich 1971, p. 17].

Благодарности

Авторы хотели бы поблагодарить друзей и коллег, оказавших большую помощь в подготовке данной работы. Хочется выразить признательность доктору философии, профессору Готфриду Кратцу, оказавшему неоцененную помощь в библиографическом поиске в библиотеках Германии. Особая благодарность немецкому коллеге, директору Института изучения Византии, профессору Райнеру Стихелю, поделившемуся своими воспоминаниями и оказавшему помощь в поиске публикаций о И.К. Смоличе. Также выражаем свою признательность начальнику отдела Восточной Европы Национальной библиотеки Германии доктору Олафу Хаманну. Сердечно благодарим сотрудницу архива Свободного университета Берлина доктора Микаэлу Рюкерт, по нашей просьбе скопировавшую и предоставившую ценные документы об И.К. Смоличе. Нельзя забыть и помощь сотрудников архива Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына, оказавших любезность в допуске к необработанным документам доктора богословия, секретаря YMCA по студенческой работе, руководителя издательства YMCA-Press Лаури Дональда. Благодаря их помощи удалось обнаружить

переписку доктора Лаури Дональда с Игорем Смоличем. Отдельное спасибо Наталье Тильманс, историку искусств, окончившей исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета и проживающей в Германии. Ее энтузиазм и бескорыстная помощь в переводах запросов в немецкие архивы и перевод информации и документов, полученных из них, является актом сердечного участия в поисках, связанных с жизнью и работой И.К. Смолича в Германии.

Данная статья является результатом сотрудничества, в том числе и международного, а также постоянного общения, обмена опытом и мнениями между специалистами, работающими в разных областях гуманитарных знаний.

Acknowledgments

The authors would like to thank the friends and colleagues who greatly assisted in the preparation of this work. We would like to express our gratitude to the Dr. of philosophy, Professor Gottfried Kratz, who provided invaluable assistance in the bibliographic search in German libraries. Special thanks to the German colleague, Director of the Institute for the Study of Byzantium, Professor Reiner Stihel, who shared his memories and helped to find publications about I.K. Smolic. We also express our gratitude to Dr. Olaf Hamann, Head of the Department of Eastern Europe at the National Library of Germany. We sincerely thank Dr. Michaela Rückert, an employee of the archive of the Free University of Berlin, who, at our request, copied and provided valuable documents about I.K. Smolic. We must not forget the help of the archives employees of the A.I. Solzhenitsyn House of Russian Abroad who showed us a courtesy with admission to the unprocessed documents of Doctor of Theology, YMCA Secretary for Student Affairs, YMCA-Press Publishing Head Lauri Donald. Thanks to their help, Dr. Lauri Donald's correspondence with Igor Smolich was luckily found. Special thanks to Natalia Tillmans, an art historian who graduated the history department of St. Petersburg State University and lives in Germany. Her enthusiasm and generous help in translating requests into German archives as well as the translation of the information and documents obtained from them is an act of the kind participation in searches related to the life and work of I.K. Smolich in Germany.

The article is the result of cooperation, including the international one, as well as constant communication, the exchange of experience and opinions between specialists working in various fields of humanitarian knowledge.

Литература

- Даниленко 1999 – Даниленко Борис, протоиерей. Русские богословы и церковные историки в европейской эмиграции XX века // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4–5. С. 224–231.
- Российское зарубежье 2010 – Российское зарубежье во Франции 1919–2000. Библиографический словарь. В 3 т. Т. 3. С.–Я. М.: Наука; Дом Марины Цветаевой, 2010. С. 145–46.

- Смолич 1992 – *Смолич И.К.* Жизнь и учение старцев // Богословские труды. 1992. Сб. 31 С. 97–174.
- Смолич 1997а – *Смолич И.К.* История Русской Церкви: 1700–1917: В 2 частях. М.: Валаамский монастырь, 1997: Ч. 1. 800 с.; Ч. 2. 798 с.
- Смолич 1997б – *Смолич И.К.* Русское монашество. Возникновение. Развитие. Сущность. (988–1917). Жизнь и учение старцев. М.: Валаамский монастырь, 1997. 607 с.
- Smolitsch 1964 – *Smolitsch I.* Geschichte der russischen Kirche, 1700–1917. Vol. I. Leiden: E. J. Brill, 1964.
- Stupperich 1971 – *Stupperich R.* Kircheim Osten, Bd. 14. Göttingen, 1971. S. 17 f.

References

- Danilenko, B. protopriest. (1999), “Russian theologians and history scholars in Russian emigration of 20th century”, *Tserkovno-istoricheskii vestnik*, vol. 4-5, pp. 224–231.
- Rossiiskoe zarubezh'e vo Frantsii 1919–2000. Biograficheskii slovar'. V 3 t. T. 3. S–Ya.* [Russian Abroad in France 1919–2000. Biographical Dictionary. In 3 t. T. 3.] (2010). Nauka; Dom Mariny Tsvetaevoi, Moscow, Russia, pp. 145–146.
- Smolitsch, I. (1964), *Geschichte der russischen Kirche, 1700–1917. Vol. I.* E. J. Brill, Leiden.
- Smolitsch, I.K. (1992), “Lives and teaching of elderly monks”, *Bogoslovskie Trudy*, vol. 31, pp. 97–174.
- Smolitsch, I.K. (1997a), *Istoriya Russkoi Tserkvi: 1700–1917: V 2 chastyakh* [The history of the Russian Church: 1700–1917. In 2 vols], Valaamskii monastyr', Moscow, Russia.
- Smolitsch, I.K. (1997b), *Russkoe monashestvo. Vozniknovenie. Razvitie. Sushchnost'. (988–1917). Zhizn' i uchenie startsev* [Russian monastic life. Origin. Development. Essence. (988–1917); Lives and teaching of elderly monks], Valaamskii monastyr', Moscow, Russia.
- Stupperich, R. (1971), *Kircheim Osten, Bd. 14.* Göttingen, Germany.

Информация об авторах

Андрей В. Попов, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; insatiable@fryzino.net

Анна Ю. Квактун, Российский государственный гуманитарный университет Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; akva1966@mail.ru

Information about the authors

Andrey V. Popov, Cand. Of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; insatiable@fryzino.net

Anna Yu. Kvaktun, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; akva1966@mail.ru

Всеобщая история

УДК 340.153(460)

DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-80-87

Libri Feudorum

и традиция ученого феодального права
Кастилии и Леоне XIII–XIV вв.:
о рукописи MSS/392 (С-8)
из Национальной библиотеки Испании (Мадрид)

Олег В. Ауров

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия,;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, olegaurov1@yandex.ru*

Аннотация. «Книги феофов» (“*Libri (Consuetudines) Feudorum*”) – компиляция ломбардского феодального права, сформировавшаяся в процессе рецепции *ius commune* в XII – середине XIII вв. и включенная в состав пятой части средневековой версии Свода Юстиниана. В статье рассматривается история памятника в королевстве Кастилия и Леон в начальный период рецепции *ius commune* (римского юстинианова и реформированного канонического права) на испанской земле (XIII–XIV вв.). На основании изучения рукописных источников из испанских собраний делается вывод о том, что внешнее оформление, содержание рукописи MSS/392 из собрания Национальной библиотеки в Мадриде связано с деятельностью придворных легистов, участвовавших в реформе кастильского права, включая составление и редактирование «Семи Партид» Альфонсо X Мудрого. Об этом свидетельствуют и структура кодекса, тетради которого были составлены разными переписчиками и сшиты вместе лишь впоследствии, и характер маргиналий, и ряд др. признаков. В собрании Национальной библиотеки Испании (Мадрид) рукопись MSS/392 в содержательном плане, в плане оформления и происхождения связана с рядом других рукописей (MSS/825, MSS/577, MSS/13325, MSS/2139, MSS/9015 и другие), появление которых также было обусловлено деятельностью легистов. Для всех этих рукописей характерен как состав (LF представлена отдельно от Свода Юстиниана), так и особый тип маргиналий, обусловленный работой ученых-юристов с этим текстами.

Ключевые слова: *Libri Feudorum*, *ius commune*, Кастилия и Леон, легисты

Для цитирования: Ауров О.В. *Libri Feudorum* и традиция ученого феодального права Кастилии и Леоне XIII–XIV вв.: о рукописи MSS/392 (C-8) из Национальной библиотеки Испании (Мадрид) // История и архивы. 2019. № 4. С. 80–87. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-80-87

Libri Feudorum and the tradition
of the Scholarly Feudal Law in Castile and Leon
in 13th–14th centuries.
The case of Manuscript MSS/392 (C-8)
from the National Library of Spain (Madrid)

Oleg V. Aurov

*Russian Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, olegaurov1@yandex.ru*

Abstract. *Libri (Consuetudines) Feudorum* (Books (Customs) of Fees) is a compilation of Lombard feudal customs, which was formed in the process of *ius commune* reception from the 12th to the middle of the 13th centuries. The text was incorporated into the fifth “volume” of the medieval *Corpus Iuris Civilis* (Code of Justinian). The article is devoted to the LF history in the Kingdom of Castile and Leon in the initial period of *ius commune* (Roman Justinian and Reformed Canon Law) reception in the Iberian Peninsula (from the 13th to the 14th century). Based on a study of manuscript sources from Spanish collections, it is concluded that the external design and content of the manuscript MSS / 392 from the collection of the National Library in Madrid is related to the activities of royal legists involved in the reform of Castilian law, including the compilation and editing of “Seven Partid” (*Siete Partidas*) by Alfonso X Wise. That is evidenced by the structure of the codex, which consists of quires compiled by different scribes, from the character of the marginal inscriptions and some other criteria. In the National Library of Spain (Madrid) the manuscript MSS/392 is connected with some other manuscripts (MSS/825, MSS/577, MSS/13325, MSS/2139, MSS/9015 and some others) the appearance of which were also due to the activities of the legists.

Keywords: *Libri Feudorum*, *ius commune*, Castile and Leon, legists

For citation: Aurov, O. (2019), “*Libri Feudorum* and the tradition of the Scholarly Feudal Law in Castile and Leon in 13th–14th centuries. The case of Manuscript MSS/392 (C-8) from the National Library of Spain (Madrid)”, *History and Archives*, vol. 4, pp. 80-87. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-80-87

«Книги (Обычаи) феодров» (“Libri (Consuetudines) Feudorum”) (далее – LF) – свод ученого феодального права¹, законодательство о феодах и правах на них, кодифицированное юристами ломбардских правовых школ (Болонья, Павия, Мантуя, Милан). Известно три основные редакции памятника: (1) “Obertina” (“Compilatio antiqua”) (сер. XII в.) (ранняя версия); (2) “Ardizzoniana” (ок. 1240 г.), дополненная болонским юристом Джакомо из Ардидзоне (жил в конце XII – первой половине XIII вв.); (3) “Accursiana” (Vulgata) (ок. 1250), составленная болонским юристом Аккурсием (ок. 1182 – ок. 1263), автором официального комментария («Ординарной глоссы») ко всему Своду Юстиниана (часть, относящаяся к LF, написана юристом Джакомо Коломби [Callasso 1954, p. 554–555]).

История возникновения, эволюции и практического использования LF стала неотъемлемой частью процесса рецепции *ius commune*, ученого права, основанного на преподавании, изучении и комментировании средневековой версии Свода Юстиниана, а также реформированного канонического права [Марей 2012]. В каждом из регионов Западной и Центральной Европы процесс рецепции *ius commune* отличался значительной спецификой [Мартинес Мартинес 2005, с. 143–162]; в пиренейском королевстве Кастилия и Леон начальная стадия этого процесса связана с созданием Семи Партии других правовых памятников по инициативе и под руководством короля Альфонсо X Мудрого (1252–1284) [Марей 2008, с. 14–23].

Важный свидетель этого процесса – рукопись LF, хранящаяся в Национальной библиотеке Испании (шифр – MSS/392, ранее – C-8). Она была известна К. Леманну [Lehmann 1971, S. 301], однако в современной инвентарной описи название «Книга феодров» не фигурирует². На главные особенности этой версии LF обратил внимание уже К. Леманн. Текст памятника представлен в редакции Джакомо из Ардидзоне, снабжен глоссой, не охватывающей лишь завершающую часть текста (в нумерации К. Леманна – LF. II.40 и далее), и достаточно полон: он включает обе книги поздней редакции – первую (27 титулов, в той или иной мере совпадающую с версией текста, опубликованной немецким исследователем) и вторую, завершающая часть которой довольно сильно отличается от всех

¹ Consuetudines feudorum. Textus compilationis antique et recensionis Vulgate // Consuetudines feudorum / K. Lehmann (ed.). Aalen: Scientia Verlag, 1971. S. 158–298 (без Ординарной глоссы); Consuetudines feudorum // Montorzi M. Diritto feudale nel Basso Medioevo. Materiali di lavoro e strumenti critici per l'esegesi della glossa ordinaria ai Libri feudorum. Torino, 1991. P. 121–204 (с «Ординарной глоссой» и глоссой Бальда).

² Inventario general de manuscritos de la Biblioteca Nacional, 1953. Vol. 1: 1-500. Madrid: Ministerio de Educación Nacional, 1953. P. 257–258.

версий, представленных К. Леманном, в том, что касается порядка расположения титулов, однако совпадает с ними в главном. Параллелей в других известных версиях не имеет лишь завершающая часть текста, о которой – чуть ниже.

Рукопись лишена маргиналий, что затрудняет точную идентификацию круга ее читателей: пометы на полях (fols. 13v, 14r, 14v, 15v) сделаны той же рукой, которой выполнен основной текст, и не имеют самостоятельной ценности. Еще более осложняет задачу исследователя тот факт, что кодекс MSS/392, частью которой она является, имеет выраженный гетерогенный состав и включает тексты, переписанные разными писцами в разное время (в пределах XIV в.), а возможно, и в разных местах. Помимо LF (fols. 1r–17r), MSS/392 включает трактат “Casus decretorum” (fol. 18r–87v) итальянского канониста Бартоломео да Брешиа (ум. 1258), его же «Пятничные и воскресные лекции» (*Quaestiones dominicales vel veneriales*) (fol. 87v–108v), «Книгу казусов из Декреталий» (*Libercasuum Decretalium*) португальского канониста Жоана де Деуша (ок. 1190–1267) (fol. 109r–146r), «Комментарий к титулу “О правилах права”» (*Apparatus supertitulu “Deregulisiuris”*) итальянского канониста Дино де Россониса из Мугелло (ок. 1253 – между 1298 и 1303) (fol. 147–170r) и, наконец, анонимный текст “Casus codicis” (fol. 171r–197r), представляющий собой перечень инципитов к конституциям начальной части Кодекса Юстиниана, входившего в пятую часть средневековой версии *Corpus Iuris Civilis*.

Кого мог интересовать такой перечень текстов? Кто являлся заказчиком рукописи? Прямого ответа на этот вопрос нет: мы практически ничего не знаем о том, как кодекс MSS/392 попал в Мадрид³. Теоретически можно предположить два варианта: либо кодекс привез с собой студент-испанец, обучавшийся в Болонье, либо его заказал для своих целей ученый-юрист (легист), сталкивавшийся в своей деятельности с проблематикой вещного права (с которым связывали содержание LF).

В пользу первого варианта свидетельствует то, что в данном случае LF завершается привилегией Фридриха Барбароссы, пожалованной в 1158 г. студентам и профессорам Болонского университета⁴. В Кастилии и Леоне хорошо знали этот документ: его отдельные положения последней нашли прямое отражение в Семи Партидах Альфонсо X, в 31-м титуле второй книги, специально посвященном проблемам регламентации университетской жизни

³ *Inventario general de manuscritos de la Biblioteca Nacional*. Vol. 1. P. 258.

⁴ *Monumenta Germaniae Historica*, T. 2. Hannoverae: Impensis Bibliopoli Hahniani, 1837. P. 111.

(Part. II. 31. 7–8). Известно и влияние LF на отраженные в Партидах нормы феодального права [Riaza 1933, p. 5–18].

И все же MSS/392 не является университетской рукописью: в нем отсутствуют характерные для таких манускриптов маргиналии – студенческие записи профессорских *lectiones*, комментированных чтений правовых текстов, относящихся к традиции *ius commune* [Bellomo 2001, pp. 213–231]. Остается лишь один вариант: поиск в испанских собраниях аналогов исследуемого текста. Для того чтобы сделать это, следует учесть место LF в ряду памятников ученого права. Уже в начале формирования «Книги феонов» был поставлен вопрос о ее включении в состав Свода Юстиниана в его средневековой версии. Первым идею включить LF в состав в *Authenticum* (латинской версии юстиниановых Новелл) в качестве его десятой части (*collatio*) выдвинул учитель уже упоминавшегося Джакомо из Ардидзоне, глоссатор Уголино де и Пресбитери († ок. 1233)⁵, и вскоре это было сделано. После этого на LF были автоматически распространены стандартные принципы комментирования памятников юстинианова права. В числе родоначальников этой работы можно назвать Одофреда (-о) Болонского († 1265), автора “Summa ... in usibus feudorum”. Почти одновременно с ним еще один ученик Уголино и сам выдающийся юрист, марсельский правовед Жан Бланшо (Johannes Blanchus) († ок. 1269) выступил со своей “Summa super usibus feudorum”.

Однако наибольший вклад в дело изучения LF в XIII в. внес, пожалуй, сицилийский юрисконсульт Андреа из Изернии (ок. 1230–1316), «король феодального права», автор знаменитого в свое время трактата «Комментарий о феодальных обычаях» (“Commentaria super usibus feudorum”). Вслед за тем к комментированию памятника обратился неаполитанский юрист, придворный судья и советник Карла II Анжуйского (1285–1309) Джакомо из Бельвизо (1270–1335) (“Commentarii super consuetudinibus usus feudorum”). Однако наивысшего расцвета традиция комментирования и изучения LF достигла во второй половине XIV столетия в правовом творчестве знаменитого перуджийца (а позднее – болонского профессора) Бальдодеи Убальди (1327–1400), среди прочего отметившегося своими «Чтениями о феодальных обычаях» в области ученого феодального права [Handbuch 1973, SS. 186–188, 210–212].

Несколько рукописей сочинений перечисленных авторов, датируемые тем же периодом, что и исследуемый кодекс MSS/392 и, так же, как и последний, происходящие из Библиотеки королевского дворца, мне удалось выявить в той же Национальной библиотеке в Мадриде. Первый в их ряду – манускрипт MSS/557, украшен-

⁵ Calasso F. Op. cit. P. 555.

ный роскошными красно-голубыми инициалами; теми же цветами оформлены заглавные буквы в начале параграфов, тогда как заголовки сочинений, включенных в рукопись, выделены красным. Кодекс содержит трактаты Андреа из Изернии (*"In usus feudorum commentaria"*) (fols. 1r – 116r) и Джакомо из Ардидзоне (*"Summa super usibus feudorum"*) (fols. 117r – 144v); оставшаяся часть рукописи (145r – 181v) – неполный текст трактата Одофреда Болонского *"Lectura in tribus libris Codicis"*⁶. Показательно, что феодальному праву (т. е. LF) посвящены два из трех вошедших в кодекс сочинения, занимающие более ¾ объема сохранившейся части рукописи.

Читательские пометы присутствуют во всех трех текстах рукописи MSS/557, но более всего – в сочинении Адреа из Изернии, которое, судя по почерку маргиналий, прочли не менее четырех человек. Помимо помет в форме руки (т. н. *"manus"*), представленных практически на каждой странице, наиболее часто встречаются маргиналии, сделанные готическим минускулом XIV в. и курсивом XV в. Последние начинаются с первой страницы кодекса (fol. 1r) и продолжаются почти до конца трактата: пометы первого типа – до fol. 113r, второго типа – fol. 115v; кроме того, дважды (fols. 17r, 106r) в рукописи встречаются сделанные пером рисунки (соответственно, голова рыбы и лошадь, везущая телегу), что также в определенной степени может свидетельствовать об активной работе с текстом.

Вторая рукопись того же ряда – MSS/825. Ее оформление еще более пышно: красно-голубые инициалы (причем инициал в начале текста украшен миниатюрой), заголовки – красные, а начало параграфов – в красно-голубой гамме⁷. Как и в предыдущем случае, рукопись сохранилась не полностью: ее завершающая часть отсутствует. Кодекс в его нынешнем виде содержит четыре сочинения, в том числе два трактата о феодальном праве, принадлежащие Джакомо из Бельвизо (*Lectura super usibus feudorum*) (fols. 1r – 30r) и Жану Бланшо (*Brevis summa super usibus feudorum*) (fols. 30v – 69v), изобилующие читательскими пометами (fols. 1r, 2r, 2v, 3v etc.), свидетельствами активного использования. Далее следует текст уже упоминавшегося Андреа из Изернии (трактат по каноническому праву *"Brevi setutilissummasuper quarto libro Decretalium"*) (fols. 70r – 99v). Завершает рукопись анонимный комментарий к десятой книге Кодекса Юстиниана, посвященной статусу фиска и связанным с ним правовым вопросам (fols. 100r – 112v) (окончание текста отсутствует). Как и в предыдущем случае, состояние кодекса

⁶ *Inventario general de manuscritos de la Biblioteca Nacional*. Vol. 2: 501–896. Madrid: Ministerio de Educación Nacional, 1956. P. 79–80.

⁷ *Inventario general de manuscritos de la Biblioteca Nacional*. Vol. 2. P. 424.

отражает активную работу над текстом; при этом сочинения, не посвященные феодальному праву, судя по количеству и характеру помет, интересовали читателей MSS/825 явно меньше.

Может показаться странным отсутствие в мадридском собрании ранних рукописей знаменитых «Чтений о феодальных обычаях» Бальдо дельи Убальди (1327–1400): в Национальной библиотеке нет рукописей этого сочинения, датируемых периодом ранее XV в.⁸ Но в том же собрании присутствуют целых четыре прижизненных манускрипта других сочинений Бальда – «Чтений по первой части *Digestum Vetus*» (MSS/2137), «Комментариев к Констанцскому мирному договору» (MSS/12236), собрания его отдельных в кодексе MSS/13325 и малых сочинений в рукописях MSS/2139 и MSS/9015⁹.

Таким образом, в мадридском собрании кодекс MSS/392 (C-8) оказывается отнюдь не изолированным. Наряду с другими перечисленными рукописями, он являлся частью круга профессионального чтения кастильских легистов; связь манускриптов с Библиотекой королевского дворца позволяет связать их с непосредственным окружением монархов-законодателей исследуемого периода – Альфонсо X Мудрого, Санчо IV Храброго (1284–1295), Альфонсо XI Справедливого (1312–1350) и др. Пометы в перечисленных рукописях – то немногое, что может пролить свет на процесс профессиональной деятельности придворных легистов.

Однако решение этой проблемы является предметом отдельного исследования.

Литература

- Марей 2008 – *Марей А.В.* Язык права средневековой Испании: От Законов XII Таблиц до Семи Партид. М.: URSS, 2008.
- Марей 2012 – *Марей А.В.* К осмыслению феномена рецепции римского права: формирование *ius commune* в Западной Европе в XII–XIV вв. // Государство и право. 2012. № 5. С. 96–102.
- Мартинес Мартинес 2005 – *Мартинес Мартинес Ф.* Когда Европа была единой. Общее право, стиль итальянский, стиль французский и кастильское приложение // *IUS ANTIQUUM*. Древнее право. 2005. № 2 (16). С. 143–162.
- Bellomo 2001 – *Bellomo M.* Universidad en la época del Derecho Común. Roma: II Cigno Edizioni, 2001. 320 p.

⁸ Наиболее ранняя рукопись бальдовой “*Lectura super usibus feudorum*” в мадридском собрании – MSS/2263, – датируется XV в. См.: *Inventario general de manuscritos de la Biblioteca Nacional*. Vol. 6. pp. 176–177.

⁹ *Ibid.* pp. 41–50, etc.

- Calasso 1954 – Calasso F. *Medioevo del Diritto. I. Lefonti. T. 1.* Milano: Giuffrè, 1954. 663 p.
- Handbuch 1973 – Handbuch der Quellen und Literatur der neueren Europäischen Privatrechtsgeschichte / H. Coing (hrsg.). Bd. 1: Mittelalter (1000–1500). München: C.H.Beck Verlag, 1973. 911 S.
- Riaza 1933 – Riaza Martínez-Osorio R. Las Partidas y los “Libri Feudorum” // *Anuario de Historia del Derecho Español*. 1933. T. 10. pp. 5–18.

References

- Bellomo, M. (2001), *Universidad en la época del Derecho Común*, II Cigno Edizioni, Roma, Italia.
- Calasso, F. (1954), *Medioevo del Diritto. I. Lefonti. T.1*, Giuffrè, Milano, Italia.
- Coing, H. (hrsg.) (1973), *Handbuch der Quellen und Literatur der neueren Europäischen Privatrechtsgeschichte. Bd. 1: Mittelalter (1000–1500)*, C.H.Beck Verlag, München, Deutschland.
- Marey, A. (2008), *Yazyk prava srednevekovoj Ispanii: Ot Zakonov XII Tablits do Semi Partid* [Language of Law in Medieval Spain: From the Leges XII Tabulorum to the Siete Partidas], URSS, Moscow, Russia.
- Marey, A. (2012), “On comprehending the phenomenon of reception of Roman law. The formation of ius commune in Western Europe in the 12th-14th centuries”, *Gosudarstvo i pravo*, vol. 5, pp. 96–102.
- Martínez Martínez, F. (2005), “When Europe was Common. *Ius commune*: the Italian Style, the French Style and the Castilian Appendix”, *IUS ANTIQUUM. Drevnee pravo* [IUS ANTIQUUM. Ancient Law], vol. 2, issue 16, pp. 143–162.
- Riaza Martínez-Osorio, R. (1933), “Las Partidas y los Libri Feudorum”, *Anuario de Historia del Derecho Español*, t. 10, pp. 5–18.

Информация об авторе

Олег В. Ауоров, кандидат исторических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 82, стр. 9;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; olegaurov1@yandex.ru

Information about the author

Oleg V. Aurov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82-9, Vernadsky Avenue, Moscow, Russia, 119571;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; olegaurov1@yandex.ru

Деятели Хаскалы о еврейском женском образовании в Пруссии во второй половине XVIII в.

Мария С. Третьякова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, marsmithee@mail.ru*

Наталья В. Ростиславлева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, ranw@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка показать вклад деятелей еврейского Просвещения – Хаскалы – в развитие концепции еврейского женского образования в Пруссии во второй половине XVIII в.

В настоящей статье рассматривается просветительская деятельность наиболее ярких представителей Хаскалы – Моисея Мендельсона, Давида Фридлиндера, Нафтали Вессели и Маркуса Герца. Анализируется главный проект еврейских просветителей – реформа традиционного еврейского образования.

Органичной частью образовательной стратегии приверженцев Хаскалы было реформирование еврейского женского образования. На основе ряда источников личного происхождения, а также материалов публицистического характера автор предпринимает попытку реконструировать взгляды еврейских просветителей на всеобщее женское образование. Автором выявляются методы реализации задач, поставленных реформаторами по вопросу еврейского женского образования в условиях всеобщей секуляризации прусского социума и интенсификации еврейско-христианских коммуникаций.

Автором настоящей статьи также рассматривается контекст зарождения движения Хаскалы в Пруссии. Анализируются такие вопросы, как общественно-правовой статус прусских евреев во второй половине XVIII в., зарождение филосемитского дискурса в среде прусских интеллектуалов.

Рассматриваются конкретные примеры реализации идеи светского воспитания еврейских женщин, а также последствия их приобщения к публичной сфере.

Ключевые слова: Хаскала, Просвещение, женское образование, прусские евреи, Пруссия

Для цитирования: Третьякова М.С., Ростиславлева Н.В. Деятели Хаскалы о еврейском женском образовании в Пруссии во второй половине XVIII в. // История и архивы. 2019. № 4. С. 88–96. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-88-96

Haskalah adherents' views on the Jewish female education in Prussia in the second half of the 18th century

Maria S. Tretyakova

*Russian State University for the humanities,
Moscow, Russia, marsmithee@mail.ru*

Natalia V. Rostislavleva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ranv@mail.ru*

Abstract. In the present article, an attempt was made to demonstrate a contribution of Jewish Enlightenment (Haskalah) activists to the development of the concept of Jewish female education in Prussia in the second half of the 18th century.

The author of the paper considers the educational activity of the Haskalah brightest representatives – Moses Mendelsohn, David Friedländer, Naphtali Herz Wessely and Marcus Herz. The author focuses on the main project by Jewish enlighteners – the reform of traditional Jewish education.

Modernization of Jewish women's education was an integral part of Haskalah educational strategy. Based on a set of personal and publicistic sources, the author makes an attempt to reconstruct Jewish enlighteners' views on the issue of Jewish women's education under the conditions of general secularization of the Prussian society and the intensive growth of Jewish-Christian communications in the second half of the 18th century.

She also investigates the origins of Haskalah movement in Prussia. The paper analyzes such issues as the social and legal status of Prussian Jews in the indicated span of time, the emergence of philosemitic discourse among Prussian intellectuals.

The work deals with particular instances of the implementation of the concept of Haskalah secular female education and with some consequences of female involvement in public sphere.

Keywords: Haskalah, Enlightenment, female education, Prussian Jews, Prussia

For citation: Tretyakova, M.S., Rostislavleva, N.N. (2019), "Haskalah adherents' views on the Jewish female education in Prussia in the second half of the 18th century". *History and Archives*, no. 4, pp. 88-96. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-88-96

Вторая половина XVIII в. стала эпохой расцвета культурной жизни Пруссии – молодого государства во главе с просвещенным монархом Фридрихом II. Принципы веротерпимости, рациональности, присущие европейскому Просвещению, постепенно приживались на прусской почве [Mayer 2012, p. 511]. Дух Просвещения затронул умы еврейских интеллектуалов Пруссии, устремившихся приобщить своих единоверцев к новым ценностям [Behm 2002, s. 12].

Центром притяжения для еврейских реформаторов стал Берлин. Здесь жил и работал Моисей Мендельсон – сын переписчика книг из Дессау, снискавший почет и уважение среди ученой немецкой публики. Широким признанием пользовался его труд «Федон, или о бессмертии души», где философ выступил горячим защитником религии [Altmann 1998, р. 158], в то время как И. Кант отводил философии ведущую роль в своей теории познания [Ростиславлева 2010, с. 352–353].

Бедственное положение прусских евреев вызывало чрезвычайное беспокойство Мендельсона и его единомышленников. Задавленные многочисленными поборами и запретами, евреи не имели гражданских прав¹. Незавидное положение единоверцев Мендельсон приписывал стремлению христиан принизить евреев, поскольку те оставались верны религии праотцов². Для борьбы с иудаизмом христиане из века в век прибегали к испытанному оружию – кровавым наветам, обвинениям в осквернении христианских святынь, отравлении колодцев и связях с нечистой силой³.

С появлением в Пруссии интеллектуалов, сочувствовавших гонимому меньшинству, в среде берлинских евреев зародилась надежда на улучшения. Преисполненные гуманности и веры в здравый смысл, звучали диалоги героев пьесы «Натан Мудрый» Эфраима Лессинга [Bruer 1991, s. 58]. Натан – еврейский купец, житель Иерусалима времен Крестовых походов, представлен читателю как мудрый, бескорыстный человек⁴. Христиане же, по мнению Лессинга, мало отличаются от египтян, подавлявших свободную волю евреев⁵.

Трактат прусского чиновника Вильгельма Христиана фон Дома «О гражданском усовершенствовании евреев» (1781 г.) обозначил собой начало аргументированной филосемитской полемики в Германии. Близкий друг Мендельсона, Дом был убежден в том,

¹ *Friedländer D.* Abriss von dem politischen Zustande der sämtlichen Jüdischen Kolonien in den Preussischen Staaten, mit Ausschluss des Schlesiens, Westpreussen und Ostfriesland // David Friedländer. *Ausgewählte Werke* / U. Lohmann (hrsg.). Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2013. S. 83.

² *Mendelsohn M.* Vorrede zu Menasseh Ben Israel // Moses Mendelsohn. *Schriften über Religion und Aufklärung* / M. Thom (hrsg.). Berlin: Union Verlag, 1989. S. 328.

³ *Ibid.* S. 328.

⁴ *Lessing G.Э.* Натан Мудрый // Г.Э. Лессинг. *Избранное*. М.: Худож. лит., 1980.

⁵ *Lessing G. E.* Die Erziehung der Menschengeschecht // Lessings Werke / J. Petersen (ed.). Berlin; Leipzig; Wien; Stuttgart: Deutsches Verlagshaus Bohn & Co, 1780. Bd. 6. S. 65.

что интересы государства и общества, а не предрассудки должны диктовать условия наделения евреев гражданскими правами⁶. Обособленность и невежество евреев, приписываемые им христианами, объяснялись многовековыми преследованиями и всевозможными запретами⁷. Превратить евреев в «полезных» граждан могло только их «всеобщее просвещение»⁸. Необходимо было наделить евреев правом заниматься ремеслами и земледелием⁹, обучаться в немецких школах¹⁰.

«Эдикт о толерантности» Иосифа II, обнародованный в 1782 г., также пробудил оптимизм в еврейской среде. Во имя общественного блага и стремления сделать из еврейской молодежи «полезных» членов общества австрийский монарх позволил своим еврейским подданным воспользоваться всеми законными правами и свободами христиан¹¹. Моисей Мендельсон, не скупясь на восторженные эпитеты для просвещенного монарха, высказал надежду на скорые улучшения¹². Давид Фридлендер в ответ на гневное письмо пражского раввина Елиазара Флекеля выразил свою поддержку действиям мудрого монарха, помогавшего евреям стать благочестивыми людьми и «полезными» гражданами¹³. Поэт и переводчик Нафтали Герц Вессели в трактате «Слова мира и правды» 1782 г. благодарил Иосифа II за освобождение от многочисленных ограничений и нарек эпоху его правления концом мучений народа Израилева¹⁴.

В 1770–1780-е гг. еврейские интеллектуалы Берлина во главе с Моисеем Мендельсоном развернули просветительскую деятель-

⁶ *Dohm C.* Über die bürgerliche Verbesserung der Juden. Berlin, Stettin: Friedrich Nicolai Verlag, 1781. S. 14–15.

⁷ *Dohm C.* Op. cit. S. 6-9.

⁸ Ibid. S. 28.

⁹ Ibid. S. 119.

¹⁰ Ibid. S. 129.

¹¹ Joseph II. Toleranzedikt. Wien, 1782 // Bayerische Staatsbibliothek. URL: https://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10495061_00001.html (дата обращения: 3 марта 2019).

¹² *Mendelsohn M.* Vorrede zu Menasseh Ben Israel. S. 326.

¹³ *Friedländer D.* Schreiben an meiner Mit-Brüder in Deutschland, eine in hebräischer Sprache gedruckte moralische Rede betreffend // Chevrat Chinuch Nearim. Die Jüdische Freischule in Berlin 1778–1825 / I. Lohmann und U. Lohmann (hrsg.). Münster; New York: Waxmann, 2001. Bd. 1. S. 279.

¹⁴ *Wessely N.* Worte des Friedens und der Wahrheit // N.H. Wessely. Worte des Friedens und der Wahrheit. Münster; New York: Waxmann, 2014. Bd. 8. S. 123.

ность. Главным чаянием деятелей Хаскалы – еврейского Просвещения – была реформа еврейского образования. Просветителями отмечался катастрофически низкий уровень образованности евреев¹⁵. Объектом критики стала система еврейского образования, включавшая в себя только религиозный компонент. В хедере – начальной школе – еврейские юноши изучали Тору. Способные ученики продолжали изучение Талмуда в ешиве – высшем религиозном учебном заведении. Следуя педагогической доктрине филантропистов, Фридлендер декларировал, что в век Просвещения и прогресса образование должно стать всеобщим достоянием. Именно оно выполняет функцию формирования нового человека – разумного, высоконравственного, преданного обществу и государству¹⁶.

Изучение евреями светских наук являлось одним из базовых требований деятелей Хаскалы. Нафтали Вессели предложил разделить преподаваемые дисциплины на две категории – светские и религиозные¹⁷. В первую группу определялись уроки нравственности, история, география, арифметика, медицина и т. д.¹⁸. Сакральное знание включало в себя Тору¹⁹. Мирским наукам, которым еврейские педагоги уделяли скудное внимание, Вессели отводил видную роль в воспитании «полезного» человека, имеющего светлый ум и благородное сердце²⁰.

В связи с этим немаловажная роль отводилась и женскому образованию. Давид Фридлендер констатировал архаичность некоторых положений Талмуда в отношении женщин²¹. Это касалось беспрекословного воспроизведения многочисленных ритуалов и церемоний, потерявших свое значение в XVIII в.²² Домашнее образование еврейских девушек включало в себя все необходимое для

¹⁵ См.: *Wessely N.* Op. cit. S. 119; Euchel I. Plan zur Einrichtung eines Jüdischen Erziehungs-Instituts in Kiel // Chevrat Chinuch Nearim. Die Jüdische Freischule in Berlin 1778–1825 / I. Lohmann und U. Lohmann (hrsg.). Münster; New York: Waxmann, 2001. Bd. 1. S. 240.

¹⁶ *Friedländer D.* Über den besten Gebrauch der heiligen Schrift // Chevrat Chinuch Nearim. “Lerne Vernunft!”, Jüdische Erziehungsprogramme zwischen Tradition und Modernisierung. Quellentexte aus der Zeit der Haskala, 1760–1811 / U. Lohmann (hrsg.). Münster; New York: Waxmann, 2005. Bd. 6. S. 61–62.

¹⁷ *Wessely N.* Op. cit. S. 114–115.

¹⁸ Ibid. S. 114–115.

¹⁹ Ibid. S. 114.

²⁰ Ibid. S. 116.

²¹ *Friedländer D.* Op. cit. S. 66.

²² Ibid. S. 73.

успешного выполнения обязанностей супруги, матери и домохозяйки. Еврейская женщина должна была уметь считать, читать и участвовать в некоторых религиозных обрядах [Behm 2002, s. 135]. Однако, по мнению Фридлендера, в век Просвещения женщина обладает практически всеми правами и обязанностями наравне с мужчиной²³. Прежде всего это касалось воспитания детей – будущих «полезных» граждан. Поэтому, заключает мыслитель, еврейские женщины должны были иметь ясный ум и благородное сердце²⁴. Для этого представлялось целесообразным преподавать девочкам основы религии и нравственности.

Важность просвещения еврейских женщин как части процесса культурной интеграции евреев понимал и Моисей Мендельсон. Просветитель занимался образованием своей невесты Фромет Гугенхейм, представительницы еврейской банкирской династии из Гамбурга. «Немецкий Сократ» заботился о том, чтобы его будущая супруга соответствовала его высокому статусу [Feiner 2009, s. 65]. Как духовный наставник Фромет, Мендельсон стремился сформировать у невесты художественный вкус и способность к суждению. Особенно его интересовали мельчайшие подробности ее успехов в изучении французского, на котором в то время говорил весь Берлин²⁵.

Важнейшей чертой супруги философа должно было стать умение принимать у себя общество и самой быть желанной гостьей²⁶. Не оценив стремление Фромет предаваться одиночеству, Мендельсон убеждал ее как можно чаще показываться на людях²⁷.

Неприятие Мендельсона вызывала женская «ученость» [Feiner 2009, s. 65]. Просветитель увещевал будущую супругу не переусердствовать в своем учении²⁸. Умеренная жажда знаний, по его мнению, украшает женщину, в то время как «ученость» выставляет ее на посмешище²⁹.

²³ *Friedländer D.* Op. cit. S. 73.

²⁴ *Ibid.* S. 73.

²⁵ *Mendelsohn M.* Brief an Fromet Gugenheim // Moses Mendelsohn. Briefwechsel. Stuttgart; Bad-Cannstatt: Friedrich Fromman; Verlag Günther Holzboog, 1994. No. 118. S. 29.

²⁶ *Mendelsohn M.* Brief an Fromet Gugenheim // Moses Mendelsohn. Briefwechsel. Stuttgart; Bad-Cannstatt: Friedrich Fromman; Verlag Günther Holzboog, 1994. No. 125. S. 40.

²⁷ *Ibid.* S. 40.

²⁸ *Mendelsohn M.* Brief an Fromet Gugenheim // Moses Mendelsohn. Briefwechsel. Stuttgart; Bad-Cannstatt: Friedrich Fromman; Verlag Günther Holzboog, 1994. No. 157. S. 81–82.

²⁹ *Ibid.* S. 82.

Подобное воспитание получили и дочери Мендельсона. В одном из писем мужу, находившемуся в отъезде, Фромет описывала совместный с дочерьми поход в кафе, где присутствовали Карл Лессинг, брат знаменитого литератора, и Якоб Энгель, воспитатель будущего императора Фридриха Вильгельма III³⁰. Собравшиеся пили кофе, общались с актерами немецкой и французской труппы. После этого жена Мендельсона с дочерьми отправились в театр на французскую комедию. К радости матери, 12-летняя Доротея практически без труда усвоила содержание спектакля. Фромет также пообещала мужу, что для общего развития детей будет чаще совершать подобные выходы в свет³¹.

Маркус Герц, ученик Канта и деятель Хаскалы, также принимал живое участие в образовании своей жены, юной Генриетты. Вместе чета Герц регулярно навещала читательский кружок Доротеи Мендельсон. Здесь, в компании других сестер хозяйки вечера, Моисея Мендельсона, Давида Фридлендера, а также интеллектуалов из числа христиан собравшиеся зачитывали литературные произведения³². На правах супруги уважаемого врача и философа Генриетта Герц также присутствовала на собраниях «Общества среды», членами которого были известные литераторы, теологи и чиновники Берлина³³.

Уже в качестве хозяйки литературного салона Генриетта Герц принимала цвет интеллектуального Берлина³⁴. Гостями дома четы Герц были друзья Маркуса Герца – писатели Якоб Энгель, Филипп Моритц, теолог Вильгельм Теллер, а также поклонники его супруги – юные братья Гумбольдт, Фридрих Шлейермахер, дипломат Густав Бринкман и др. Не разделяя увлечения молодой жены сентиментальной литературой, рационалист Герц тем не менее не препятствовал встречам Генриетты с завсегдатаями ее кружка³⁵. Стоит отметить, что в 1817 г. под влиянием Фридриха Шлейермахера Генриетта Герц перешла в протестантизм.

Не менее известной персоной в Берлине была и Доротея Мендельсон. После смерти отца 35-летняя Доротея решилась на развод с банкиром Симоном Фейтом ради отношений с романтиком

³⁰ *Mendelsohn F.* Brief an Moses Mendelsohn // Moses Mendelsohn. Briefwechsel. Stuttgart; Bad-Cannstatt: Friedrich Fromman; Verlag Günther Holzboog, 1994. No. 194. S. 324.

³¹ *Ibid.* S. 324.

³² *Herz H.* Ihr Leben und Ihre Erinnerungen. Berlin: Verlag von Wilhelm Herz, 1858. S. 104.

³³ *Ibid.* S. 107.

³⁴ *Ibid.* S. 98.

³⁵ *Ibid.* S. 98–99.

Фридрихом Шлегелем, с которым она познакомилась в салоне Генриетты Герц. Эта связь стоила дочери Мендельсона разрыва с еврейской общиной и вынужденного переезда в Йену. Для заключения брака со Шлегелем Доротея крестилась. Материальные затруднения вынудили ее заняться литературной деятельностью³⁶. Талант Доротеи Шлегель был оценен Фридрихом Шлейермахером, отмечавшем художественные достоинства романа «Флорентин», написанного ею в 1803 г.³⁷ [Schleiermacher 1861, s. 244–246].

Таким образом, усилия еврейских просветителей Берлина во второй половине XVIII в. были нацелены на культурную интеграцию евреев в прусский социум. Еврейские женщины должны были разделить с мужчинами ряд гражданских обязанностей. Это касалось добросовестного воспитания детей и исполнения роли супруги «просвещенного» человека. Стремление дополнить эти ипостаси качествами женщины эпохи Просвещения – умеренной эрудицией, общительностью, светскими манерами – было новым компонентом в концепции женского образования приверженцев Хаскалы.

Литература

- Ростиславлева 2010 – *Ростиславлева Н. В.* Германские либералы первой половины XIX века. М.: РГГУ, 2010.
- Altmann 1998 – *Altmann A.* Moses Mendelsohn. A biographical study. London, Portland, Oregon: Littman Library of Jewish Civilization, 1998.
- Behm 2002 – *Behm B.* Moses Mendelsohn und die Transformation der Jüdischen Erziehung in Berlin. Eine bildungsgeschichtliche Analyse zur jüdischen Aufklärung im 18. Jahrhundert. Münster; New York; München; Berlin: Waxmann, 2002.
- Bruer 1991 – *Bruer A.* Geschichte der Juden in Preussen (1750–1820). Frankfurt am Main; New York: Campus Verlag, 1991.
- Feiner 2009 – *Feiner S.* Moses Mendelsohn. Ein jüdischer Denker in der Zeit der Aufklärung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2009.
- Mayer 2012 – *Mayer C.* Female education and the cultural transfer of pedagogical knowledge in the eighteenth century // *Paedagogica Historica. International Journal of the History of education.* Routledge, 2012. Vol. 48. no. 4. P. 511–526.

³⁶ *Schegel D.* Brief an Friedrich Schleiermacher // *Aus Schleiermacher's Leben. In Briefen / W. Dilthey (hrsg.).* Berlin: Verlag von Georg Reimer, 1861. S. 155–156.

³⁷ *Schleiermacher F.* Brief an Dorothea Schlegel // *Aus Schleiermacher's Leben. In Briefen / W. Dilthey (hrsg.).* Berlin: Verlag von Georg Reimer, 1861. S. 244–246.

References

- Altmann, A. (1998), *Moses Mendelsohn. A biographical Study*, Littman Library of Jewish Civilization, London, Portland, Oregon, UK.
- Behm, B. (2002), *Moses Mendelsohn und die Transformation der Jüdischen Erziehung in Berlin: Eine bildungsgeschichtliche Analyse zur jüdischen Aufklärung im 18. Jahrhundert*, Waxmann, Münster, New York, München, Berlin, USA, Germany.
- Bruer, A. (1991), *Geschichte der Juden in Preussen (1750–1820)*, Campus Verlag, Frankfurt am Main, New York, Germany, USA.
- Feiner, S. (2009), *Moses Mendelsohn. Ein jüdischer Denker in der Zeit der Aufklärung*, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany.
- Mayer, C. (2012), “Female education and the cultural transfer of pedagogical knowledge in the eighteenth century”, *Paedagogica Historica. International Journal of the History of education*. Routledge, London, vol. 48, no. 4, pp. 511–526.
- Rostislavleva, N. (2010), “*Germanskije liberaly vtoroj poloviny XIX veka*” [German liberals in the second half of the 18th century], RGGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Мария С. Третьякова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; marsmithee@mail.ru

Наталия В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; ranw@mail.ru

Information about the author

Maria S. Tretyakova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; marsmithee@mail.ru

Natalia V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; ranw@mail.ru

История культуры в документальном наследии

УДК 930.85(44)

DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-97-111

Антианглийские пропагандистские сочинения и книжная культура во Франции в первой половине XV в.

Виктория А. Бароне

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, victoria_barone@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу такого исторического источника, как антианглийские пропагандистские трактаты, созданные во Франции в первой половине XV в. Их появление было вызвано политической и событийной конъюнктурой этого периода – возобновившейся Столетней войной, гражданской войной арманьяков и бургиньонов, «оккупацией» Нормандии англичанами, расколом королевства на несколько независимых частей, договором в Труа об объединении Англии и Франции в «двухединую монархию». Авторы трактатов – в основном госслужащие: секретари и нотариусы французских королей, члены Парламентов (в Париже и Пуатье), Счетной Палаты в Бурже, других институтов власти. Будучи проводниками «официальной», в силу занимаемого положения, идеологии, они полностью разделяли те идеи и убеждения, которые высказывали в своих произведениях – обстоятельство, которое строго нами учитывалось при анализе такого явления, как «пропаганда». Аудитория полемистов была представлена всеми слоями общества, трактаты имели широкое распространение. Подтверждением этому, не считая прямого указания на публику, которой они были адресованы, является язык этих произведений, их стиль и форма, наличие стереотипных образов. Трактаты рассматриваются как инструмент пропаганды в контексте развития книжной культуры во Франции этого времени.

Ключевые слова: антианглийская пропаганда, Столетняя война, книжная культура, Франция, Средние века

Для цитирования: Бароне В.А. Антианглийские пропагандистские сочинения и книжная культура во Франции в первой половине XV в. // История и архивы. 2019. № 4. С. 97–111. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-97-111

Anti-English propaganda writings and book culture in France in the first half of the 15th century

Victoria A. Barone

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, victoria_barone@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the analysis of such historical source as the anti-English propaganda treatises created in France in the first half of the 15th century. Their emergence was caused by the political and event environment of that period – the resumed Hundred Years War, the civil war of Armagnacs and Bourguignon, the “occupation” of Normandy by the English, the split of the kingdom into several independent parts, the treaty of Troyes on the unification of England and France into the “dual monarchy”. The authors of the treatises are generally government employees: secretaries and notaries of the French kings, members of Parliaments (in Paris and Poitiers), the Chamber of Accounts in Bourges and other institutions of power. Being the conductors of “official” ideologies due to the positions held, they completely shared those ideas and convictions which were stated in their works – a circumstance which was rigidly taken into account when analyzing such a phenomenon as “propaganda”. The audience of polemicists was presented by all sectors of society, and the treatises had a wide circulation. The proof of that conjecture, apart from the direct reference to the public to whom the treatises were addressed, is the language of those works, their style and form, the existence of stereotypic images. The treatises are considered as the instrument of propaganda in the context of book culture development in France of that period of time.

Keywords: anti-English propaganda, the Hundred Years War, book culture, France, Middle Ages

For citation: Barone, V.A. (2019), “Anti-English propaganda writings and book culture in France in the first half of the 15th century”, *History and Archives*, 2019. no. 4, pp. 97–111. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-97-111

В 1337–1453 гг. в Европе протекала знаменитая Столетняя война. Она стала крупнейшим – в смысле длительности, а также социального и «международного» состава участников – военно-политическим конфликтом эпохи Средневековья. Его главными «действующими лицами» были Англия и Франция, однако каждую из стран поддерживали многочисленные союзники в лице ведущих западноевропейских государств и политических сил того времени.

Особенно тяжелой Столетняя война оказалась для Франции. Критическая ситуация усугубилась в начале XV в. При душевнобольном Карле VI в королевстве началась гражданская война –

представители Бургундского и Орлеанского герцогских домов боролись за власть. Осенью 1415 г. французы потеряли Арфлер и с позором проиграли англичанам битву при Азенкуре. В ходе вторжения Генриха V Ланкастера на континент в 1417 г. была оккупирована Нормандия – англичане разместили в провинции свои гарнизоны и установили автономную от остальной Франции администрацию. В 1420 г. был подписан договор в Труа, который привел к созданию двуединой англо-французской монархии под эгидой династии Ланкастеров. Сын Карла VI, дофин Карл был лишен династических прав, он бежал из Парижа в земли к югу от Луары, где учредил собственное правительство с центром в г. Бурже. Таким образом, Франция оказалась разделенной на несколько фактически независимых политических образований с английской и буржской частями королевства во главе¹.

Трагические обстоятельства рассматриваемой эпохи привели к появлению во Франции нового вида литературы – антианглийских пропагандистских трактатов, которые относятся зарубежной историографией к разряду «военной пропаганды» [L'Honneur de la couronne de France 1990; Pons 1984; Pons 1986; Lewis 1965]. Poleмический характер и яркая антианглийская направленность были отличительной чертой этих произведений. Свою цель их создатели видели в том, чтобы продемонстрировать незаконность английских претензий на корону и территории Франции, а также утвердить представление о «правильности» и «справедливости» французского народа и его действий. Для этого авторами используются доводы различного характера – нормы канонического, римского, феодального и обычного права, историческая и юридическая аргументация, свойства «национального» характера².

¹ Крупнейший специалист по Столетней войне Э. Перруа полагает, что в начале XV в. Бургундскому королевству противостояла не одна «другая Франция», но две, три или даже четыре совокупности территорий, каждая из которых подчинялась разным режимам, защищала собственные интересы и имела, по выражению автора, свое «лицо». В их числе исследователь называет Нормандию и «pays de conquête»; Иль-де-Франс, Париж, Шампань и Пикардию, фактически подчиненные герцогу Бургундскому; земли герцога Бургундского; Бретонское и Гиенское герцогства (Perroy 1945, pp. 169–170). Вслед за Э. Перруа мысль о существовании сразу нескольких – помимо «английской» и «буржской» – Франций стала общим местом в зарубежной историографии (Bonenfant 1958; Contamine 1988, 1992; Fowler 1967; Favier 1980; Armstrong 1983; Leguai 1988).

² Доводы антианглийского содержания наряду со многими другими встречаются уже в политических произведениях, созданных в правление Карла V Мудрого (конец XIV в.). Пример – трактат «Сновидение садовника»,

Из данной группы сочинений к исследованию привлекались четыре анонимных трактата «Споры и соглашения»³, «По прошествии двух лет»⁴, «Ответ доброго истинного француза народу Франции всех сословий»⁵ и «Истина все побеждает»⁶; произведения Жана Жувенала дез Юрсена «Внемлите небеса»⁷ и «Краткий трактат о войне Франции против англичан»⁸; сочинения Жана де Монтрейя «Ко всему рыцарству»⁹ и «Трактат против англичан»¹⁰; «Обвинительный диалог» Алена Шартье¹¹, который напрямую не относится к «военной пропаганде», но вся суть которого также подчинена идее спасения Франции.

Многие из названных полемистов принадлежали к кругу «officiers» и были выходцами из канцелярской или парламентской среды. Так, Жан де Монтрей и Ален Шартье были нотариумами и

комментарии и прологи к переводам античных авторов, выполненных Раулем де Прелем, Николя Оремом и др. Значение антианглийских сочинений первой половины XV в. состояло в том, что их создатели, в отличие от авторов предшествующей эпохи, не только собирают воедино и систематизируют весь этот разрозненный материал, но и целенаправленно основывают свои работы на аргументации подобного рода.

³ *Débats et appointements // L'Honneur de la couronne de France. Quatre libelles contre les Anglais (1418–1429) / N. Pons (ed.). Paris: Société de l'Histoire de France, 1990. P. 32–88 (далее – Débats et appointements).*

⁴ *Fluxo biennali spacio // L'Honneur de la couronne de France... P. 173–201 (далее – Fluxo biennali spacio).*

⁵ *Réponse d'un bon et loyal François au peuple de France de tous estats // L'Honneur de la couronne de France ... P. 122–137 (далее – Réponse d'un bon et loyal François).*

⁶ *Super omnia vincit veritas // L'Honneur de la couronne de France ... P. 113–121 (далее – Super omnia vincit veritas).*

⁷ *Juvénal des Ursins J. Audite celi // Juvénal des Ursins, J. Ecrits politiques / P.S. Lewis (ed.). T. I. Paris: C. Klincksieck, 1978. P. 145–278 (далее – Audite celi).*

⁸ *Juvénal des Ursins J. Traité compendieux de la querelle de France contre les Anglois // Juvénal des Ursins J. Ecrits politiques / P.S. Lewis (ed.). T. II. Paris: C. Klincksieck, 1985. P. 13–177 (далее – Traité compendieux).*

⁹ *Montreuil J. de. A toute la chevalerie // Montreuil J. de. Opera. Vol. II. L'oeuvres historiques et polemiques. Turin: G. Giappichelli, 1975. P. 89–149 (далее – A toute la chevalerie).*

¹⁰ *Montreuil J. de. Traité contre les Anglais // Montreuil, J. de. Opera. Vol. II. L'oeuvres historiques et polemiques. Turin: G. Giappichelli, 1975. P. 159–236 (далее – Traité contre les Anglais).*

¹¹ *Chartier A. Le quadrilogue invectif / E. Droz (ed.). Paris: H. Champion, 1923 (далее – Quadrilogue invectif).*

секретарями королей Карла VI и Карла VII соответственно. Жан Жювенель дез Юрсен служил сначала в Парижском Парламенте, а затем, после бегства дофина Карла и его сторонников из захваченного бургиньонами Парижа, – в Парламенте в Пуатье. Авторы произведений «Истина все побеждает» и «Ответ доброго и истинного француза» являлись, скорее всего, членами Парламента в Пуатье или Счетной Палаты в Бурже, поскольку копии данных сочинений находились именно в регистрах этих двух учреждений [L'Honneur de la couronne de France 1990, p. 96]. Исключение составляли лишь создатели трактатов «Споры и соглашения» и «По прошествии двух лет» – первый был, по всей видимости, профессиональным военным, второй имел достаточно солидное юридическое образование, но также не являлся представителем чиновничества [L'Honneur de la couronne de France 1990, pp. 30, 148].

В связи с тем, что полемисты принадлежали к разряду чиновников, которые состояли на службе у короля и зачастую были обязаны королевской власти своим возвышением, а также тем, что пропагандистские сочинения некоторых из них отличались «заказным» – прямо или косвенно – характером (Жан Жювенель в своем «Кратком трактате», например, открыто заявляет, что, приступая к написанию этого произведения, он руководствовался приказом короля¹²), возникает вопрос: насколько оригинальной и самобытной была отстаиваемая авторами позиция, иначе, какое место отводится в ней их частной инициативе? Будучи преданными сторонниками династии Валуа, в своих произведениях они, безусловно, развивали прежде всего официальную точку зрения на те или иные события и выступали проводниками государственной, в первую очередь, идеологии. Однако полемисты являли собой неразрывную часть формирующейся в указанное время бюрократии, поэтому для них как членов этой среды, по замечанию исследователей, было характерно четкое понимание своего места и роли в обществе, осознание собственной причастности к проводимой властью политике и, как следствие, ощущение личной ответственности перед «делом общественным», заинтересованность в сильном и крепком правовом государстве [Цатурова 1990, с. 68–77; 1992, с. 73–86; 2002; 2003, с. 50–88; Bossuat 1950, pp. 54–61; Ouy 1973, pp. 27–44]. Учитывая сказанное, думается, нельзя исключать вероятности того, что авторы рассматриваемых трактатов полностью разделяли те идеи

¹² *Traité compendieux*. P. 13–15. Некоторые произведения Алена Шартье, в частности «Письмо к Университету» и трактат «К проклятию войны Галльской и к увещанию о мире», также, вероятно, были написаны по поручению Карла VII (*Chartier A. Les oeuvres latines* / P. Bourgain-Hemeryck (ed.). Paris: CNRS Éditions, 1977. P. 150).

и убеждения, которые высказывали в своих сочинениях, а защищаемая ими позиция представлялась одновременно их собственным независимым мнением.

Исследуемая литература в силу своего жанра пропаганды была призвана формировать общественное (в той мере, в которой допустимо применять этот термин по отношению к Средневековью) мнение. Для того чтобы достигнуть в этом максимального эффекта, ее создатели должны были оперировать идеями и представлениями, которые хорошо знакомы, понятны и близки их потенциальной аудитории. Поэтому специфичность пропаганды, включая «военную», заключается в том, что она является одновременно и отражением состояния национального самосознания, и фактором его дальнейшего распространения и развития. Отмеченные критерии выводят нас на проблему о степени реального распространения этих сочинений и, как следствие, содержащихся в них идей, а также о мере успеха этих идей как в социальном, так и в географическом масштабах. Вопрос о составе читателей такого рода произведений, в свою очередь, сопряжен с более широкой проблемой – того, кем была представлена читающая публика этого времени в принципе.

В данной связи необходимо отметить, что период позднего Средневековья – это время существенных изменений в культуре Франции. Одна из ведущих тенденций эпохи – становление прозы. Поэзия постепенно отходит на второй план, хотя в ней также заметны перемены¹³. Другая важнейшая черта культуры – это появление нового отношения к книгам, любви к ним. Книга выходит за рамки церковной среды и становится доступной более широким слоям общества. С изобретением печатного станка увеличивается количество книг, они становятся дешевле, их теперь используют не только в образовательных целях, но и для удовольствия, собирают из «жадности и тщеславия», растет книготорговля. В XIV в. начинают складываться крупные библиотеки. Книга приобретает функцию друга, наставника, к ней обращаются за советом, помощью [Крылова 2007, с. 98–99].

Источники, которые были в нашем распоряжении, подтверждают эти факты. Значительное количество сохранившихся копий того или иного памятника, которые датируются более поздним перио-

¹³ Исследователи пишут о жанре политической поэзии, возникновение которой связывают с «метаморфозами поэтического сознания» – внедрением злободневных политических тем в лирическое творчество авторов и соответствующем изменении качества поэта, который становится выразителем коллективной реакции на события окружающей действительности, осознающим свою ответственность перед обществом и государством [Poirion 1965; Boutet, Strubel 1979; Blanchard 1986].

дом, нежели время создания оригинала (большинство манускриптов с антианглийскими полемическими сочинениями относятся ко второй половине XV в. [L'Honneur de la couronne de France 1990, p. 74; Lewis 1992, p. 215]), позволяет высказать предположение об их весьма устойчивой популярности и довольно широком распространении. Если говорить о конкретных путях, по которым проходило это распространение, то помимо вполне естественных и очевидных (библиотеки, заказ), следует отметить, что рукописи некоторых трактатов могли содержаться в работах других авторов, благодаря чему они получали дополнительную известность (пример трактата «По прошествии двух лет» в трудах канцлера Парижского университета Жана Жерсона) [L'Honneur de la couronne de France 1990, 166–168; Pons 1991, p. 144]. Отдельные произведения, в частности, «Краткий трактат о войне Франции против англичан» дез Юрсена, создавались для дипломатических кругов ввиду намечавшихся англо-французских переговоров, где они должны были выполнять роль «конспекта», излагающего и подтверждающего все обстоятельства дела, что, безусловно, способствовало их «экспорту». Наконец, численность аудитории пропаганды, по мнению специалистов, не может исчерпываться в это время лишь читающей публикой. Историки указывают на живую для XIV–XV вв. традицию публичного чтения вслух, еще не вытесненную окончательно пристрастием к чтению индивидуальному, «про себя» [Krynen 1993, pp. 312–313], что также может рассматриваться в качестве одного из путей, по которому происходило распространение пропагандистских идей в рассматриваемую эпоху.

О читателях французских полемических сочинений первой половины XV в. можно судить по состоянию и степени качества сохранившихся манускриптов. Среди них встречаются как роскошные экземпляры, выполненные на пергаменте, с большим количеством миниатюр, так и весьма скромные, недорогие, без украшений и составленные на бумаге [L'Honneur de la couronne de France 1990, pp. 24–30; Lewis 1965, p. 6]. Таким образом, социальный состав читателей этих произведений был пестрым – он подразумевал не только знатных особ, но и людей невысокого статуса. В отдельных случаях исследователям удается с точностью установить личность владельцев рукописей. Так, среди обладателей копий «Краткого трактата» Жана Жувеняля, по данным П. Льюиса, были герцогиня Жанна Бурбонская и некий Гийом из Орлеана [Lewis 1992, p. 215]. Часто указание на интересующую полемистов аудиторию содержится и в самих сочинениях. Главным адресатом Жана де Монтрейя, судя по названию «A toute la chevalerie», было рыцарство. Свой «Обвинительный диалог» Ален Шартье адресует «высочайшему и превосходнейшему величию принцев, высокочтимому

великолепию дворян, благоразумию клириков и доброму мастерству французского народа»¹⁴. Обращение к «трем сословиям – людям церкви, дворянам и прочим его обитателям» встречается в трактатах дез Юрсена¹⁵. Создатель «Ответа доброго и истинного француза» посвящает свое произведение «всем истинным французам королевства»¹⁶ и т. д.

Косвенным свидетельством нацеленности пропагандистов на широкую аудиторию может служить язык исследуемых произведений. XIV–XV вв. были тем временем, когда во Франции писали, а значит, и читали, в основном уже на национальном языке. В этой связи любопытно отметить присутствие латыни в рассматриваемых источниках. Такие трактаты, как «Истина все побеждает» и «По прошествии двух лет», были составлены на латинском языке, остальные написаны по-французски, с использованием латыни в качестве цитат из Библии, сочинений отцов церкви и выдержек из средневековых хроник с обязательным их переводом на французский. Достаточно назвать «Краткий трактат» Жана Жювенеля дез Юрсена, в котором полемист, ссылаясь на Блаженного Августина, некоторые французские хроники и пр., приводит цитаты на латинском языке и тут же дает их французский перевод. Интересно также отметить, что многие сочинения, которые изначально писались на латыни, подобно трактату Жана де Монтрейя «*Regali ex progenie*», переводились потом на французский язык либо самим автором (в новой транскрипции трактат Монтрейя получил название «Ко всему рыцарству»), либо другими лицами, как это было в случае с некоторыми латинскими произведениями Алена Шартье. Иногда автор мог составить сразу несколько версий того или иного памятника – на латыни и французском.

Использование в рассматриваемых сочинениях двух языков одновременно, по мнению специалистов, связано прежде всего с нацеленностью их авторов на широкую публику. Своими идеями полемисты стремились охватить как можно большую аудиторию – в равной степени представителей ученой среды и менее сведущие в латыни круги, например, военные. Существование французских переводов латинских произведений свидетельствует как раз о желании авторов быть услышанными самыми широкими слоями общества. По замечанию Н. Понс, издательницы трактатов, латынь в рассматриваемое время продолжала оставаться языком интеллектуалов, поэтому, когда полемист намеревался «достучаться» до этой публики, он пускал в ход латинский язык. Подтверждением упо-

¹⁴ *Quadrilogue invectif*. P. 1.

¹⁵ *Audite celi*. P. 145.

¹⁶ *Réponse d'un bon et loyal François*. P. 122.

требления латыни в расчете на образованную элиту может служить, в частности, характер трактата «Истина все побеждает», а именно ярко выраженная юридическая направленность этого сочинения, анонимный создатель которого, видимо, полагался главным образом на разбирающихся в тонкостях юридического дела читателей.

С другой стороны, поскольку государственным языком королевства являлся французский, в пропагандистских целях, рассчитанных на внутреннее «потребление», логичнее было бы использовать только его. Тем более что наши авторы, как показывает анализ источников, отстаивают и всеми доступными средствами распространяют идею о языковом единстве французов, несмотря на существование во Франции этого времени очень многих отличных друг от друга диалектов. Французский язык служит для них ключевым параметром возникновения воззрений о французской национальной идентичности. Поскольку создатели антианглийских трактатов в силу самого их жанра пропаганды были ориентированы на формирование нужных им представлений в общественном сознании, включая представление о едином для всех жителей Французского королевства языке и ощущение своей принадлежности к единому французскому народу через эту общность языка, полемистам было «выгоднее», что называется, писать только по-французски. К тому же не все трактаты писались изначально на латыни, было среди них немало и таких, которые сразу создавались на французском.

Таким образом, объяснения применению латинского языка в антианглийской литературе первой половины XV в. должны быть значительно глубже. Косвенным свидетельством, подтверждающим этот вывод, может, в частности, являться упоминавшийся ранее трактат Жана де Монтрейя «*Regali ex progenie*». Адресованный дофину Людовику Гиеньскому, он был написан на латыни, хотя латынь, по замечанию создателя «Споров и соглашений», была в это время малопонятным языком даже для наиболее знатных, в том числе и королевских, особ. Видимо, Жан де Монтрей решил воспользоваться латынью из каких-то других соображений. В данном случае своевременно, как нам кажется, вспомнить о том, что «Краткий трактат о войне Франции против англичан» Жана Жувенала дез Юрсена создавался автором ввиду намечавшихся переговоров между Карлом VII и Генрихом VI, где он должен был выполнять роль «конспекта» с изложением всех аргументов французской стороны. Принимая во внимание это обстоятельство, кажется вполне логичным, что предназначенный для международных дипломатических кругов документ, особенно в части наиболее веских и значимых доводов, от которых, возможно, зависела «судьба» этой встречи, должен был быть составлен на языке, понятном для всех участников этого процесса, то есть на латыни, которая являлась

профессиональным языком дипломатов. Подобная нацеленность на мировую общественность присутствует и в сочинениях Жана де Монтрейя. Так, создание краткой латинской версии своего «Трактата против англичан» он объясняет так: «чтобы иноземцы, незнающие французского языка, вкратце бы узнали о предмете такого рода (обстоятельствах англо-французского конфликта – В. Б.)» [Rons 1986, p. 73].

Использование латыни могло быть также связано с желанием авторов как представителей культурной образованной элиты способствовать распространению традиций классической или гуманистической латыни. В этой связи не стоит забывать о том, что Жан де Монтрей и Ален Шартье занимали должности королевских нотариев и секретарей, которые играли чрезвычайно важную роль в развитии гуманистической культуры во Франции в первой половине XV в.¹⁷

В качестве литературной формы для своих произведений многие из них используют такие ее разновидности, как «сновидение» и «диалог» – достаточно традиционные и характерные для политических сочинений рассматриваемого периода¹⁸. Данное обстоятельство, безусловно, способствовало тому, чтобы полемисты были услышаны, а их труды и идеи восприняты как можно большей аудиторией. Выражением стремления авторов охватить своим вниманием широкую публику можно считать также стиль и форму – «abregé» («краткой», то есть сокращенной версии) – исследуемых произведений, наличие в них символических образов, достаточно стереотипных, понятных и близких коллективному сознанию, обращение к чувствам и мыслям простого народа.

Полемическая традиция, культивируемая в антианглийских трактатах первой половины XV в., сохраняется спустя десятилетия после окончания англо-французского конфликта, во многом продолжая определять развитие французской пропагандистской мысли¹⁹.

¹⁷ О роли полемистов в развитии гуманистической культуры во Франции этого времени см.: [Малинин 1993; Gauvard 1995; Ornato 1969; Billanovich, Ouy 1964; Ouy 1973; Ouy 1980; и др.].

¹⁸ В форме «политических сновидений» написаны, в частности, анонимный трактат «Сновидение садовника», «Сон старого паломника» Филиппа де Мезьера, «Видение Кристины» Кристины Пизанской и «Истинное сновидение» бургиньонского автора. Более подробно об этом см.: [Marchello-Nizia 1981; Quillet 1975].

¹⁹ Достаточно назвать работы Роббера Блонделя “Oratio historialis” (1449) и “De complacentu bonorum Gallicorum”, сочинение Ноэля де Фрибуа “C’est chose profitable” (между 1453 г. и 1461 г.), анонимный трактат “Pour

Литература

- Крылова 2007 – *Крылова Ю.П.* Жоффруа де ла Тур Ландри: «и задумал я написать книгу...» // Гендер и общество в истории / Под ред. Л.П. Репиной, А.В. Стоговой, А.Г. Суприянович. СПб.: Алетейя, 2007. С. 81–105.
- Малинин 1993 – *Малинин Ю.П.* Патриотические идеи Алена Шартье и итальянская гуманистическая мысль // Культура и общество Италии накануне Нового времени. М.: Наука, 1993. С. 215–230.
- Цатурова 1990 – *Цатурова С.К.* «Дневник» Николя де Бая – клирика, парламентского чиновника, гражданина // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1990. № 5. С. 68–77.
- Цатурова 1992 – *Цатурова С.К.* Парламентская корпорация и Парижский Парламент в первой трети XV в. // Средние века. 1992. Вып. 55. С. 73–86.
- Цатурова 2002 – *Цатурова С.К.* Офицеры власти: Парижский парламент в первой трети XV в. М.: Логос, 2002.
- Цатурова 2003 – *Цатурова С.К.* «Сеньоры закона»: к проблеме формирования «параллельного дворянства» во Франции в XIV–XV вв. // Средние века. 2003. Вып. 64. С. 50–88.
- Armstrong 1983 – *Armstrong C.A.J.* England, France and Burgundy in the Fifteenth Century. London: Hambledon Press, 1983.
- Billanovich, Ouy 1964 – *Billanovich V., Ouy G.* La première correspondance échangée entre Jean de Montreuil et Colluccio Salutati // Italia medioevale e umanistica. 1964. Vol. VII. P. 337–374.
- Blanchard 1986 – *Blanchard J.* L'entrée du poète dans le champs politique au XV siècle // Annales: Economies, Sociétés, Civilisation. 1986. Vol. 41. № 1. P. 43–61.
- Bonenfant 1958 – *Bonenfant P.* Du meurtre au Montereau au traité de Troyes. Bruxelles: Palais des académies, 1958.
- Bossuat 1950 – *Bossuat A.* L'idée de nation et la jurisprudence du Parlement de Paris au XV siècles // Revue Historique. 1950. Vol. 204. P. 54–61.
- Boutet, Strubel 1979 – *Boutet D., Strubel, A.* Littérature, politique et société dans la France du Moyen Age. Paris: Presses Universitaires de France, 1979.
- Contamine 1992 – *Contamine Ph.* La “France Anglaise” au XV siècle: mirage ou réalité? // Contamine Ph. Des pouvoirs en France 1300–1500. Paris: Presses de l'Ecole normale supérieure, 1992. P. 101–108.
- Contamine 1988 – *Contamine Ph.* “La France Anglais” au XV siècle: mythe ou réalité? // La “France anglaise” au Moyen Age: Colloque des historiens médiévistes français et britanniques: Actes du 111-e Congrès nat. des sociétés savants, Poitiers, 1986. Séction d'histoire médiévale et de philologie, T. I. Paris: Ed. du Comité des travaux historiques et scientifiques, 1988. P. 17–29.
- Daly 1989 – *Daly K.* Mixing Business with Leisure: some French royal notaries and secretaries and their Histories of France (1459–1509) // Power, Culture and Religion in France 1350–1550 / C.T. Allmand (ed.). Woodbridge: Boydell Press, 1989.

ce que plusieurs” (1464) и “Pour vraye congnoissance avoir” (1471), автором которого предположительно является секретарь Палаты Счетов Луи Ле Блан. См.: [Lewis 1965; Daly 1988; Daly 1989].

- Daly 1988 – *Daly K.* Histoire et politique à la fin de la guerre de Cent Ans: l'Abrégé des chroniques de Noël de Fribois // La "France anglaise" au Moyen Age: Colloque des historiens médiévistes français et britanniques: Actes du 111-e Congrès nat. des sociétés savants, Poitiers, 1986. Séction d'histoire médiévale et de philologie, T. I. Paris: Ed. du Comité des travaux historiques et scientifiques, 1988. P. 91–101.
- Favier 1980 – *Favier J.* La Guerre de Cent Ans. Paris: Fayard, 1980.
- Fowler 1967 – *Fowler K.* The Age of Plantagenet and Valois: The Struggle for Supremacy. London: Elek Books, 1967.
- Gauvard 1995 – *Gauvard Cl.* Les humanistes et la justice sous le règne de Charles VI // Pratique de la culture écrite en France au XV siècle. Louvain-la-Neuve: Fédération internationale des instituts d'études médiévales, 1995. P. 217–244.
- Krynen 1993 – *Krynen J.* L'Empire du roi. Idées et croyances politiques en France XIII–XVs. Paris: Gallimard, 1993.
- L'Honneur de la couronne de France 1990 – L'Honneur de la couronne de France. Quatre libelles contre les Anglais (1418–1429) / N. Pons (ed.). Paris: Société de l'Histoire de France, 1990.
- Leguai 1988 – *Leguai A.* La "France Bourguignonne" dans le conflit entre la "France française" et la "France anglaise" (1420–1435) // La "France anglaise" au Moyen Age: Colloque des historiens médiévistes français et britanniques: Actes du 111-e Congrès nat. des sociétés savants, Poitiers, 1986. Séction d'histoire médiévale et de philologie, T. I. Paris: Ed. du Comité des travaux historiques et scientifiques, 1988. P. 41–52.
- Lewis 1965 – *Lewis P.S.* War Propaganda and Historiography in Fifteenth-century France and England // Transactions of the Royal Historical society, 5th series. 1965. Vol. 15. P. 1–21.
- Lewis 1992 – *Lewis P.S.* Ecrits politiques de Jean Juvénal des Ursin. La vie et l'oeuvre. T. III. Paris: C. Klincksieck, 1992.
- Marchello-Nizia 1981 – *Marchello-Nizia C.* Entre l'histoire et la poétique: le "Songe politique" // Revue des Sciences Humaines. 1981. Vol. LV. № 183. P. 39–53.
- Ornato 1969 – *Ornato E.* Jean de Muret et ses amis Nicolas de Clamanges et Jean de Montreuil. Contributions à l'étude sur des rapports entre les humanistes de Paris et ceux d'Avignon (1394–1420). Genève: Droz, 1969.
- Ouy 1973 – *Ouy G.* L'Humanisme et les mutations politiques et sociales en France au XIV–XV siècles // L'Humanisme français au début de la Renaissance. Paris: Maspero, 1973. P. 27–44.
- Ouy 1980 – *Ouy G.* Jean de Montreuil, Pétrarque et Salutati // Mélanges à la mémoire de Franco Simone. France et Italie dans la culture européenne. I: Moyen Age et Renaissance. Torino; Geneve: Slatkine, 1980. P. 47–55, 591–593.
- Perroy 1945 – *Perroy E.* La Guerre de Cent Ans. Paris: Gallimard, 1945.
- Poirion 1965 – *Poirion D.* Le poète et le prince. L'évolution du lirisme courtois de Guillaume de Machaut à Charles d'Orléans. Grenoble: Université de Grenoble, 1965.
- Pons 1982 – *Pons N.* La propagande de guerre française avant l'apparition de Jeanne d'Arc // Journal des Savants. 1982. Vol. 2. P. 191–214.
- Pons 1986 – *Pons N.* Latin et français au XVs.: le témoignage des traités de propagande // "Le moyen français". V-e colloque internationale sur le Moyen français (Milan, 6–8 mai 1985), vol. II. Milano: Pubblicazioni della Università Cattolica del Sacro Cuore, 1986. P. 67–81.

- Pons 1991 – *Pons N. Guerre de Cent ans vue par quelques polémistes français du XV siècle // Guerre et société en France, en Angleterre et en Bourgogne, XIV–XV siècles / Ph. Contamine (ed.). Lille: Université de Charles de Gaulle, 1991. P. 143–169.*
- Quillet 1975 – *Quillet J. Songes et songeries dans l'art politique au XIV siècle // Les Études Philosophiques. 1975. Vol. 3. P. 326–349.*

References

- Armstrong, C.A.J. (1983), *England, France and Burgundy in the Fifteenth Century*, Hambledon Press, London, UK.
- Billanovich, V. and Ouy, G. (1964), “La première correspondance échangée entre Jean de Montreuil et Colluccio Salutati”, *Italia medioevale e umanistica*, vol. 7, pp. 337–374.
- Blanchard, J. (1986), “L’entrée du poète dans le champs politique au XV siècle”, *Annales: Economies, Sociétés, Civilisation*, vol. 41, no. 1, pp. 43–61.
- Bonenfant, P. (1958), *Du meurtre au Montereau au traité de Troyes*, Palais des académies, Bruxelles, France.
- Bossuat, A. (1950), “L’idée de nation et la jurisprudence du Parlement de Paris au XV siècles”, *Revue Historique*, vol. 204, pp. 54–61.
- Boutet, D. and Strubel, A. (1979), *Littérature, politique et société dans la France du Moyen Age*, Presses Universitaires de France, Paris, France.
- Contamine, Ph. (1992), “La “France Anglaise” au XV siècle: mirage ou réalité?”, in Contamine, Ph. (ed.), *Des pouvoirs en France 1300–1500*, P’esses de l’Ecole normale supérieure, Paris, France, pp. 101–108.
- Contamine, Ph. (1988), “La «France Anglaise» au XV siècle: mythe ou réalité?”, in Comité des travaux historiques et scientifiques (ed.), *La “France anglaise” au Moyen Age: Colloque des historiens médiévistes français et britanniques: Actes du 111-e Congrès nat. des sociétés savants, Poitiers, 1986. Séction d’histoire médiévale et de philologie, T. I*, Paris, France, pp. 17–29.
- Daly, K. (1989), “Mixing Business with Leisure: some French royal notaries and secretaries and their Histories of France (1459–1509)”, in Allmand, C.T. (ed.), *Power, Culture and Religion in France 1350–1550*, Boydell Press, Woodbridge, UK.
- Daly, K. (1988), “Histoire et politique à la fin de la guerre de Cent Ans: l’Abrégé des chroniques de Noël de Fribois”, in Comité des travaux historiques et scientifiques (ed.), *La “France anglaise” au Moyen Age: Colloque des historiens médiévistes français et britanniques: Actes du 111-e Congrès nat. des sociétés savants, Poitiers, 1986. Séction d’histoire médiévale et de philologie, T. I*, Paris, pp. 91–101.
- Favier, J. (1980), *La Guerre de Cent Ans*, Fayard, Paris, France.
- Fowler, K. (1967), *The Age of Plantagenet and Valois: The Struggle for Supremacy*, Elek Books, London, UK.
- Gauvard, Cl. (1995), “Les humanistes et la justice sous le règne de Charles VI”, *Pratique de la culture écrite en France au XV siècle*, Fédération internationale des ’nstituts d’études médiévales, Louvain-la-Neuve, France, pp. 217–244.
- Krylova, Y.P. (2007), ““Jofrua de la Tur Landri: “I zadumal ya napisat’ knigu ...”” [Geoffroy de la Tour of Landry: “and I decided to write a book...”], in Repina, L.P. et al. (ed.) *Gender I obschestvo v istorii* [Gender and society in history], Aleteya, St. Petersburg, Russia, pp. 81–105.

- Krynen, J. (1993), *L'Empire du roi. Idées et croyances politiques en France XIII–XVs*, Gallimard, Paris.
- Leguai, A. (1988), “La “France Bourguignonne” dans le conflit entre la “France française” et la “France anglaise” (1420–1435)”, in Comité des travaux historiques et scientifiques (ed.), *La “France anglaise” au Moyen Age: Colloque des historiens médiévistes français et britanniques: Actes du 111-e Congrès nat. des sociétés savants, Poitiers, 1986. Séction d'histoire médiévale et de philologie, T. I.*, Paris, pp. 41–52.
- Lewis, P.S. (1965), “War Propaganda and Historiography in Fifteenth-century France and England”, *Transactions of the Royal Historical Society, 5th series*, vol. 15, pp. 1–21.
- Lewis, P.S. (1992), *Ecrits politiques de Jean Juvénal des Ursin. La vie et l'oeuvre*, T. III, C. Klincksieck, Paris, France.
- Malinin, Y.P. (1993), “Patrioticheskie idei Alena Chart'e i ital'yanskaya gumanisticheskaya mysl'” [Patriotic ideas of Alain Chartier and Italian humanistic thought], *Cultura I obschestvo Italii na kanune Novogo vremeni* [Culture and society of Italy on the eve of the New time], Nauka, Moscow, Russia, pp. 215–230.
- Marchello-Nizia, C. (1981), “Entre l'histoire et la poétique: le «Songepolitique»”, in *Revue des Sciences Humaines*, vol. LV, no. 183, pp. 39–53.
- Ornato, E. (1969), *Jean de Muret et ses amis Nicolas de Clamanges et Jean de Montreuil. Contributions à l'étude sur des rapports entre les humanistes de Paris et ceux d'Avignon (1394–1420)*, Droz, Genève, Swiss.
- Ouy, G. (1973), “L'Humanisme et les mutations politiques et sociales en France au XIV–XV siècles”, *L'Humanisme français au début de la Renaissance*, Maspero, Paris, France, P. 27–44.
- Ouy, G. (1980), “Jean de Montreuil, Pétrarque et Salutati”, *Mélanges à la mémoire de Franco Simone. France et Italie dans la culture européenne. I: Moyen Age et Renaissance*. Slatkine, Torino, Italy; Genève, Swiss, pp. 47–55, 591–93.
- Perroy, E. (1945), *La Guerre de Cent Ans*. Gallimard, Paris, France.
- Poirion, D. (1965), *Le poète et le prince. L'évolution du lirisme courtois de Guillaume de Machaut à Charles d'Orléans*. Université de Grenoble, Grenoble, France.
- Pons, N. (1982), “La propagande de guerre française avant l'apparition de Jeanne d'Arc”, *Journal des Savants*, vol. 2, pp. 191–214.
- Pons, N. (1986), “Latin et français au XVs.: le témoignage des traités de propagande”, *“Le moyen français”. V-e colloque internationale sur le Moyen français (Milan, 6–8 mai 1985)*, vol. II., Pubblicazioni della Università Cattolica del Sacro Cuore, Milano, Italy, pp. 67–81.
- Pons, N. (ed.), (1990), *L'Honneur de la couronne de France. Quatre libelles contre les Anglais (1418–1429)*, Société de l'Histoire de France, Paris, France.
- Pons, N. (1991), “Guerre de Cent ans vue par quelques polemists français du XV siècle”, in Contamine, Ph. (ed.), *Guerre et société en France, en Angleterre et en Bourgogne, XIV–XV siècles*, Université de Charles de Gaulle, Lille, France, pp. 143–169.
- Quillet, J. (1975), “Songes et songeries dans l'art politique au XIV siècle”, *Les Études Philosophiques*, vol. 3, pp. 326–349.
- Tsaturova, S.K. (1990), ““Dnevnik” Nikolya de Baya – klirika, parlamentskogo chinovnika, grazhdanina” [“Diary” of Nicolas de Baie – cleric, parliamentary official, citizen], *Bulletin of Moscow University*, vol. 5, pp. 68–77.

- Tsaturova, S.K. (1992), "Parlamentskaya korporatsiya i Parizhskiy parlament v pervoy treti XV v." [Parliamentary corporation and the Paris parliament in the first 3rd part of the 15th century], *Srednie veka*, vol. 55, pp. 73–86.
- Tsaturova, S.K. (2002), *Ofitsery vlasti: Parizhskii parlament v pervoy treti XV v.* [Officers of power: the Paris parliament in the first 3rd part of the 15th century], Logos, Moscow, Russia.
- Tsaturova, S.K. (2003), "'Sen'ory zakona': k probleme formirovaniya 'parallel'nogo dvoryanstva' vo Frantsii v XIV–XV vv." ["The lords of the law". On the issue of the formation of "parallel nobility" in France in 14th–15th centuries], *Srednie veka*, vol. 64, pp. 50–88.

Информация об авторе

Виктория А. Бароне, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; victoria_barone@mail.ru

Information about the author

Victoria A. Barone, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; victoria_barone@mail.ru

Александр фон Гумбольдт: судьбы наследия в России в XIX – начале XX в.

Наталья В. Ростиславлева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, ranw@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть отношение российского общества к наследию универсального прусского ученого, великого путешественника Александра фон Гумбольдта. На основе изучения его биографии показано, что с юности тот тяготел к исследованиям естественной среды и не вписывался в распространенную тогда в Пруссии традицию – делать карьеру прежде всего на государственной службе. Александр фон Гумбольдт заинтересовался Востоком после путешествий в Южную и Северную Америку, но сумел осуществить свое намерение только в 1829 г. Именно путешествие Александра фон Гумбольдта в Россию стало фактором распространения его наследия в научном и образовательном пространстве России середины XIX – начала XX вв. Важным достижением является перевод на русский язык главных произведений великого ученого «Картины природы», «Космос». В статье на основе архивных документов рассматривается драматичная судьба перевода на русский язык написанного Гумбольдтом по итогам путешествия по России труда «Центральная Азия». Революции 1917 г. помешали завершению перевода этого труда, который до сих пор представлен на русском языке только одним томом.

Ключевые слова: Александр фон Гумбольдт, путешествие Гумбольдта в Россию, издание важнейших трудов Гумбольдта в России и их судьба

Для цитирования: Ростиславлева Н.В. Александр фон Гумбольдт: судьбы наследия в России в XIX – начале XX в. // История и архивы. 2019. № 4. С. 112–121. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-112-121

Alexander von Humboldt.
The fate of heritage in Russia
in 19th – early 20th centuries

Natalia V. Rostislavleva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ranw@mail.ru*

Abstract. The article attempts to examine the attitude of Russian society to the heritage of the universal Prussian scientist, the great traveler Alexander von Humboldt. Based on the study of his biography, the present work shows that from his youth Humboldt sought to investigate the natural environment and did not fit the common Prussian trend – to make a career primarily in State service. Alexander von Humboldt got interested in the East after his journeys to South and North America, but managed to achieve his dreams only in 1829. It's the Russian expedition of Alexander von Humboldt that became the factor of the distribution of his heritage within the scientific and educational space of Russia in the middle of the 19th and the beginning of the 20th centuries. An important achievement is the translation into Russian of the most essential works of the great scholar: "Pictures of Nature", "Cosmos". The article, on the basis of archival documents, discusses the dramatic fate of the Russian translation of Humboldt's "Central Asia" written to the outcome of his trip to Russia. The revolutions of 1917 prevented the completion of the translation of that work, which, until now, is presented in only one volume in the Russian language.

Keywords: Alexander von Humboldt, Humboldt's journey to Russia, publication of the most important works of Humboldt in Russia and their fate

For citation: Rostislavleva, N.V. (2019), "Alexander von Humboldt. The fate of heritage in Russia in 19th – early 20th centuries", *History and Archives*, no. 4, pp. 112-121. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-112-121

Александр фон Гумбольдт (1769–1859) внес огромный вклад в развитие науки, оставил заметный след не только в истории Пруссии, но и в истории Российской империи.

Человек великого таланта, утвердившийся в науке как универсальный ученый, он известен как крупнейший путешественник своего времени, основоположник географии растений, физик, минералог, зоолог. Гумбольдт находился у истоков появившихся позже наук, например, океанологии, вулканологии, геофизики, океанографии, спелеологии, лимнологии, гидрологии, психологии, экологии. Он смело пересекал границы отдельных дисциплин и искал новые пути к познанию. А.С. Пушкин, который встречался с Александром фон Гумбольдтом во время его российского путешествия, сказал

о нем: «Он подобен источнику со многими трубами – все мы должны только подставлять сосуды и неисчерпаемые струи наполняют их»¹. Находились люди, которые осуждали его за распыленность в научных занятиях. Крупнейший представитель немецкой культуры Шиллер писал относительно Александра так:

... Боюсь, что несмотря на его талант и неутомимую деятельность, он (Гумбольдт) никогда не создаст в науке ничего крупного. [] Он совершенно лишен воображения, а это, по-моему, необходимейшее условие для успешных занятий наукой, ибо природу нужно наблюдать и чувствовать не только в ее отдельных проявлениях, но и в ее высших закономерностях. Александр многим импонирует и выигрывает в сравнении со своим братом Вильгельмом потому, что он – хвастун и умеет показать себя с выгодной стороны... [Терра 1961, с. 74].

У Гумбольдта нашлись тут же защитники, прежде всего им стал И.В. Гете, который отмечал его острую наблюдательность и стремление все измерить.

Александр Фридрих Генрих фон Гумбольдт родился 14 сентября 1769 г. в Берлине на Егерштрассе в семье майора Александра Георга фон Гумбольдта, который был адъютантом герцога Брауншвейгского, принимал участие в походах Фридриха Великого и стал впоследствии камергером принца Прусского. В 1769 г. он оставил королевскую службу, так как придворная жизнь его тяготила. Мать Александра и его старшего брата Вильгельма Мария Елизавета Коломб, которая к моменту знакомства с майором Гумбольдтом была вдовой Марией фон Гольведе и довольно богатой женщиной, происходила из семьи гугенотов. Семья прибыла в Пруссию в конце XVII века из Бургундии. Мария принесла в семью нового мужа в качестве приданого дом в Берлине и имение Тегель.

Мать братьев Вильгельма и Александра Гумбольдт пристальное внимание уделяла воспитанию и обучению сыновей. Они находились на домашнем обучении под руководством найденных ею наставников Иоахима Кампе и Христиана Кунта. Оба наставника не ограничивались чисто классическими дисциплинами и обращали внимание на науки естественно-исторического цикла. Как пишет Манфред Гайер, учителя считали Вильгельма более талантливым, однако у братьев были просто разные интересы. Вильгельм интересовался поэзией, древними языками, литературой, в то время как Александр больше ориентировался на природу и очень интересовался миром растений [Geier 2018, S. 31]. В 16 лет Александр соорудил громоотвод на замке Тегель, это был

¹ Цит по: Сафонов В. Александр Гумбольдт. М., 1959. С. 148.

второй громоотвод в Германии. В плане духовного развития братьям помогало их посещение салона Генриетты Герц, а также участие в заседаниях берлинского общества чтения (*Lesegesellschaft*), где обсуждались такие понятия, как «просвещение», «культура», «образование» [Geier 2018, S. 41].

В 1787 г. братья поступили в университет Франкфурта на Одере. Он был основан в 1506 г. и назывался тогда *Academia Viadrina*. Александр изучал там камералистику. Этот университет немного мог дать Александру, и уже в 1789 г. он последовал за братом в Геттинген, где продолжил изучать финансовое дело. Благодаря академической свободе жизнь в Геттингене была очень насыщенной и плодотворной. В эти годы он знакомится и начинает дружить со смелым исследователем Георгом Фостером, человеком, который принимал участие во втором путешествии Джеймса Кука. Именно в эти годы пробудился интерес юноши к геологическим исследованиям и состоялось первое путешествие Гумбольдта вместе с Георгом Фостером по Рейну, затем через Францию в Англию [Ростиславлева 2014, с. 338–339].

Вернувшись из Геттингена, Александр подал заявление в прославленную Фрейбергскую горную академию. Но мать видела сына коммерсантом, поэтому последовало обучение в Гамбургском торговом училище. С 1791 г. он обучался в Фрейбергской горной академии, где изучал горные породы, руды и методы горных разработок, а после ее окончания был назначен обер-бергмейстером в герцогствах Ансбах и Байрейт, которые принадлежали в то время Пруссии. Прежде чем заявить о себе во многих областях, этот человек сумел получить неплохое по тем временам образование и успел прекрасно зарекомендовать себя на государственной службе [Терра 1961].

Гумбольдт быстро понял, что государственная служба – не его стезя. В век пришествия национализма для А. фон Гумбольдта, в отличие от его старшего брата Вильгельма, был характерен космополитизм. Так, в своих «Американских дневниках» он часто с немецкого языка переходил на французский, с латыни – на испанский, вел переписку в основном на французском языке, на нем же нередко публиковал свои произведения (Этте 2018, с. 136). Итак, всеобщность интересов, жажда познания и космополитизм стали хорошими основами для многочисленных путешествий Гумбольдта: в Южную Америку (1799–1800 и 1801–1803 гг.), Мексику (1803–1804), Калифорнию, Филадельфию.

Гумбольдт давно мечтал о путешествии на Восток. «Его волновали рассказы Георга Фостера, в детстве жившего в России» [Есаков 1962, с. 7]. Во Фрейберге он познакомился с В.Ю. Сойсмоновым, которому в июле 1793 г. писал:

Я становлюсь дерзким, но я обращаюсь к Вам с единственной просьбой, прежде чем Вы покинете нашу страну. Если в течение 20 лет Вы или члены Вашей семейства будете иметь возможность послать кого-либо в экспедицию или даже на постоянную должность в Сибирь, в Тавриду, на Кавказ или еще куда-нибудь для работы по геогнозии или ботанике, не забудьте о своем старом друге в Фихтелдберге. [] Я непрестанно готовлю себя к великой цели².

В 1808 г. министр иностранных дел Российской империи Николай Петрович Румянцев (1754–1826) при встрече с Гумбольдтом в Париже предложил ему сопровождать русское посольство, направлявшееся по предложению Александра I в Тибет, но война 1812 г. помешала осуществлению этих планов. С этого времени Александр фон Гумбольдт стал обдумывать свое путешествие в Азию, которое состоялось лишь спустя 20 лет.

С августа 1827 г. перспективы путешествия в Россию значительно прояснились. Русский министр финансов Егор Францевич Канкрин в письме Гумбольдту спрашивал о целесообразности пустить в обращение платиновые монеты и заключал, что Урал вполне достоин посещения великого естествоиспытателя. Гумбольдт отнесся к чеканке платиновых монет отрицательно, но к путешествию положительно. Канкрин склонил царя выделить деньги на это предприятие, так как Россия была заинтересована в том, чтобы «такой знаток горного дела как Гумбольдт, обследовал рудные залежи Урала и познакомился с их разработкой». Известно, что Гумбольдт получил от Российской империи денежное пособие в размере 3000 рублей ассигнациями, которое было выдано сопровождавшему его чиновнику Д.С. Меньшенину. Россия рассматривала это путешествие как инспекционную поездку, рассчитывая при этом извлечь выгоду из естественно-научных познаний ученого [Терра 1961, с. 250–251]. Всего Александру Гумбольдту было передано на экспедицию 20 тыс. рублей ассигнациями, 7050 рублей оказались не израсходованными и были по предложению А. Гумбольдта переданы на исследование Урала [Есаков 1962, с. 12].

12 апреля 1829 г. Гумбольдт покинул Берлин. 235 дней продолжалось его путешествие по России. Он посетил Санкт-Петербург и Москву, далее поехал на Восток через Владимир, Муром, Нижний Новгород. 1 июня уже был в Казани, из Казани – через Пермь в Екатеринбург [Schaper 2018, S. 188–196]. В письме к брату Александр отмечал: «Путешествие в Сибирь отнюдь не так восхитительно, как в Южную Америку. Остается лишь утешаться

² А. Гумбольдт – В.Ю. Соймонову // Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России. М., 1962. С. 28.

тем, что предпринимаешь нечто полезное, покрывая огромные расстояния... От Казани нам не встретилось ни одной гостиницы, спим на скамьях или прямо в карете, но все же жизнь сносна и я не жалуюсь»³. В другом письме к брату Вильгельму он выразил свои впечатления от Урала, природа которого напомнила ему долины Тегеля. Далее последовало посещение Нижнего Тагила, обследование горнопромышленных предприятий Урала, осмотр золотых и платиновых приисков. Запомнилось посещение Тобольска. В письме к Е.Ф. Канкрину он восхищался гостеприимством генерал-губернатора Тобольска, который «дает нам на месяц в качестве сопровождения адъютанта и двух казаков»⁴. Это путешествие стало решающим фактором формирования наследия великого ученого в России. Без сомнения, посещение Гумбольдтом России взбудоражило в стране научную и образовательную мысль и оживило настроения в обществе. 29 ноября 1829 г. в Российской Академии наук состоялся доклад Гумбольдта, который дал старт многостороннему российско-германскому сотрудничеству. Гумбольдт и предложил создать целую цепь наблюдательных станций по всей Российской империи [Wulf 2015, S. 271]. Результатом экспедиции Александра фон Гумбольдта в России были доклады, статьи, выступления сопровождавших его Г. Розе и К.Г. Эренберга. Самый серьезный итог – это написание Гумбольдтом книги «Центральная Азия. Исследования о цепях гор и по климатологии»⁵. В России один за другим следуют переводы таких крупнейших работ А. фон Гумбольдта, как «Картины природы»⁶, «Космос»⁷.

Александр фон Гумбольдт был блестящим популяризатором науки. В 1827 г., когда он читал лекции в Певческой академии, зал был переполнен. Убеждение Гумбольдта заключалось в том, что со знанием приходит мысль, а с мыслью народ обретает зрелость и силу. Если знание – это благо, то его необходимо сделать доступным всем, кто стремится к нему. С 3 ноября 1827 г. по 21 апреля 1828 г. он прочел лекции в Берлинском университете Фридриха Вильгельма, который был основан его братом Вильгельмом. Тексты этих лекций

³ Цит. по: *Teppa Г. де.* Александр Гумбольдт и его время. М., 1961. С. 264.

⁴ *Humboldt A. von.* Die Russland-Expedition. Von der Newa bis zum Altai. München, 2019. S. 273.

⁵ *Humboldt A. von.* Central Asien. Untersuchungen über die Gebirgsketten und die vergleichende Klimatologie. Berlin, 1844.

⁶ *Гумбольдт А. фон.* Картины природы с научными объяснениями Александра Гумбольдта. М., 1855.

⁷ *Гумбольдт А. фон.* Космос. Опыт физического мироописания. В 5 ч. СПб., 1848–1851.

потом войдут в первые два тома пятитомного труда «Космос», где рассматривалось развитие естественных наук с середины XVIII до середины XIX в. [Meyer-Abich 2001, S. 127].

Интересна судьба русской версии работы А. фон Гумбольдта «Космос. Опыт физического описания мира», в которой была создана целостная физическая картина мира и критически переработано двухтысячелетнее изучение мира. Адресован этот труд был самым «широким массам». «Космос» выдержал три издания на русском языке. Последнее издание выходило в 1856–1871 гг. Гумбольдт работал над «Космосом» начиная с 1843 г. В 1845 г. на немецком языке вышел первый том, в 1847 г. – второй. Всего их пять. Эту работу в трех частях перевели на русский язык с 1848 по 1851 г. Перевод был сделан Н.Г. Фроловым и включен в гимназическую программу как учебное пособие для изучения естественных наук. Министр народного просвещения С.С. Уваров писал: «Изволил признать полезным приобрести для гимназических библиотек переведенное Фроловым произведение Гумбольдта» [Ипполитова 2003, с. 160]. Циркуляром департамента народного просвещения от 23 февраля 1849 г. первая часть «Космоса» была приобретена для библиотек и гимназий, а 7 января 1853 г. министром народного просвещения Норовым было дано разрешение «о приобретении для библиотек учебных заведений от самого переводчика, жительствующего в Москве» [Ипполитова 2003, с. 160].

Судьба другого крупного произведения А. фон Гумбольдта «Центральная Азия» сложилась в России не столь удачно. Его Гумбольдт обсуждал в письме с Авраамом Сергеевичем Норовым, который был известным путешественником, академиком, писателем. В 1853–1858 гг. он был министром народного просвещения Российской империи. В 1856 г. А.С. Норов встречался с известным немецким географом Карлом Риттером и обсуждал с ним необходимость подготовки географов в российских университетах и академиях⁸. Поэтому публикация на русском языке «Центральной Азии» Гумбольдта была необходима для решения важных академических задач. В письме Гумбольдта к Норову от 27 сентября 1857 г. этот вопрос затрагивался⁹. Перевод этого произведения на русский язык стоял на повестке дня, но к нему приступили уже в начале XX в., и его судьба была полна драматизма. Первое издание «Центральной Азии» вышло в 1843 г. в Париже на французском языке. Затем, в 1844 г., Гумбольдтом было подготовлено немецкое издание, посвященное Николаю I. Он писал своему другу Шумахеру:

⁸ К. Риттер – А.С. Норову // Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России. М., 1962. С. 180–182.

⁹ Отдел рукописей РГБ. Папка № 57. № 28.

Мне стоило немалых усилий посвятить три тома моей «Центральной Азии» русскому императору. Но это следовало сделать, так как экспедиция была совершена на его средства. Мое отношение к монарху было значительно поколеблено после 1829 года вследствие моей миссии в Париж [Ипполитова 2003, с. 159].

С русской версией этого издания связан блок документов из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). В частности, это документы, относящиеся к переводу трехтомного издания на русский язык. К переводу приступили еще в начале XX в. Первый том вышел в свет в 1915 г. В этом же году Д.С. Анучин выпустил книгу об А. Гумбольдте¹⁰, где подробно показал вклад немецкого ученого в исследование Азии. Дальнейшим изысканиям и публикациям помешала Октябрьская революция. В 1918 г. средств на продолжение издания не было. Вопрос о финансировании дальнейшего перевода отражен в прошениях одного из инициаторов этого проекта Сергея Ивановича Шанина, который с 1 августа 1918 г. обращался в научный отдел комиссариата народного Просвещения. Так, он писал: «Вследствие аннулирования процентных бумаг и не имея средств продолжать начатое мною издание перевода “Центральной Азии” Гумбольдта и уплатить типографии Кушнеров и Со за исполненную ею большую часть работ по печатанию второго тома названного сочинения, ходатайствую перед научным отделом комиссариата народного Просвещения о принятии расходов по изданию перевода упомянутого второго тома на средства государства. К сему прилагаю отзыв Высшего Совета народного хозяйства, к которому первоначально обращался я с изложенным ходатайством. Сергей Иванович Шанин»¹¹. Шанин просил 10 000 рублей под принадлежавшие ему ценные бумаги¹². В документах четко видно, что научный отдел комиссариата народного Просвещения считал весьма желательным завершение издания второго тома и полагал, что его надо поддержать. Народный банк требовал обоснования расчета требуемой суммы. 10 декабря 1918 г. этот вопрос был рассмотрен, но не решен, а отложен¹³. Отложен он до сих пор, на русском языке существует только первый том «Центральной Азии» А. Гумбольдта. В каталогах российских библиотек существует перевод первого тома этого произведения, сделанный с французского языка, с вступительной статьей Дмитрия Николаевича Анучина и Владимира

¹⁰ *Анучин Д.М.* Александр фон Гумбольдт как путешественник и географ и в особенности как исследователь Азии. М., 1915.

¹¹ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 19. Д. 81. Л. 1.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 6.

Афанасьевича Обручева. Таким образом, два последующих тома не переведены на русский язык. Дмитрий Николаевич Анучин в 1915 г. выпустил книгу «Александр фон Гумбольдт как путешественник и географ и в особенности как исследователь Азии». Он провел анализ деятельности Гумбольдта в качестве исследователя внутренней Азии, явно рассчитывая, что этот перевод будет завершен.

После Октябрьской революции Александр фон Гумбольдт надолго выпал из научной рецепции в СССР. К его имени будут обращаться в год ста семидесятипятилетия со дня рождения ученого¹⁴. Его биография, публикации на русском языке таких его работ, как «Картины природы», «Путешествие в неравноденственные области Нового света в 1799–1804» будут изданы в год его столетия со дня смерти¹⁵. Но в полной мере изучение и популяризация его наследия развернется уже в конце XX–XXI вв., когда большую активность начнут проявлять регионы, которые Гумбольдт посетил во время своего русского путешествия. В фокусе внимания окажется его вклад в развитие новых научных дисциплин, например экологии, актуализируется его роль как символа российско-германского научно-образовательного сотрудничества. Немецкий исследователь Оттмар Этте полагает, что подвижность характеризует как мышление и научный стиль Гумбольдта, так и его жизнь, которую можно понять только в терминах новой трансдисциплинарной концепции науки [Этте 2018, с.149], поэтому осмысление наследия ученого в России сейчас, в год 250-летия А. Гумбольдта, обретает новую парадигму.

Литература

- Есаков 1962 – *Есаков В.А.* Научные связи А. Гумбольдта с Россией // Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 7–25.
- Ипполитова 2003 – *Ипполитова Г.А.* Александр Гумбольдт: 235 дней в России // Немцы в России. Три века научного сотрудничества. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 142–172.
- Ростиславлева 2014 – *Ростиславлева Н.В.* Вильгельм и Александр Гумбольдт: научное познание и идея классического университета // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время. М.: Аквелон, 2014. С. 337–379.
- Терра 1961 – *Терра Г. де. Александр.* Гумбольдт и его время. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1961.
- Этте 2018 – *Этте О.* Александр фон Гумбольдт: кочующая мысль и жизненная наука // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 1. С. 136–154.

¹⁴ Сафонов В.А. А. Гумбольдт. М., 1936.

¹⁵ Сафонов В.А. Александр Гумбольдт. М., 1959; Есаков В. Александр Гумбольдт в России. М., 1960.

- Geier 2018 – *Geier M.* Die Brüder Humboldt. Eine Biographie. Hamburg: Rowolt Taschenbuch Verlag, 2018.
- Meyer-Abich 2001 – *Meyer-Abich A.* Alexander von Humboldt. Hamburg: Rowohlts Taschenbuch Verlag, 2001.
- Schaper 2018 – *Schaper R.* Alexander von Humboldt. Der Preuße und die neuen Welten. München: Siedler Verlag, 2018.
- Wulf 2015 – *Wulf A.* Alexander von Humboldt und die Erfindung der Natur. München: Bertelsmann Verlag, 2015.

References

- Ette, O. (2018), “ Alexander von Humboldt. The wandering thought and life science”, *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 55, no. 1, pp. 136–154.
- Geier, M. (2018), *Die Brüder Humboldt. Eine Biographie*, Rowolt Taschenbuch Verlag, Hamburg.
- Ippolitova, G.A. (2003), “ Alexander Humboldt. 235 days in Russia ”, *Nemtsy v Rossii. Tri veka nauchnogo sotrudnichestva* [The Germans in Russia. Three centuries of scientific collaboration], Dmitrii Bulanin, SPb., pp. 142–172.
- Meyer-Abich, A. (2001), *Alexander von Humboldt*, Rowohlts Taschenbuch Verlag, Hamburg.
- Rostislavleva, N.V. (2014), “ Wilhelm and Alexander Humboldt. Scientific knowledge and the idea of a classical university”, *Idei i lyudi: intellektual'naya kul'tura Yevropy v Novoye vremya* [Ideas and people. The intellectual culture of Europe in the New Time], Akvelon, Moscow, pp. 337–379.
- Schaper, R. (2018), *Alexander von Humboldt. Der Preuße und die neuen Welten*, Siedler Verlag, München.
- Terra, G. de Aleksandr (1961), *Gumbol'dt i yego vremya* [Гумбольдт и его время], Izd-vo inostrannoy lit-ry, Moscow.
- Wulf, A. (2015), *Alexander von Humboldt und die Erfindung der Natur*, Bertelsmann Verlag, München.
- Yesakov, V.A. (1962), “ Science relations of A. Humboldt with Russia ”, *Perepiska Aleksandra Gumbol'dta s uchenymi i gosudarstvennymi deyatelyami Rossii* [Correspondence of Alexander Humboldt with scientists and statesmen of Russia], Izd-vo AN SSSR, Moscow, pp. 7–25.

Информация об авторе

Наталья В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; ranw@mail.ru

Information about the author

Natalia V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; ranw@mail.ru

Возвращение писателя Андреаса Закса
к общественной и культурной деятельности:
судьба репрессированного поволжского немца
в документах Астраханской писательской
организации (1964–1966 гг.)

Сергей В. Карпенко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, skarpenk@mail.ru*

Яна В. Юркина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, yana.yurkina.97@mail.ru*

Аннотация. Российский немецкий писатель Андреас Закс (Andreas Saks, 1903–1983) сыграл большую роль в становлении Республики немцев Поволжья и развитии немецкой культуры в 1920–1930-е гг. Перед Великой Отечественной войной он возглавлял Союз советских писателей республики. После начала войны вместе с другими немецкими жителями республики он был принудительно переселен в Сибирь. В годы войны и послевоенного сталинизма на его долю выпали репрессии, исключение из партии большевиков и Союза писателей СССР, подневольный труд в тяжелейших материальных условиях и моральной обстановке. В конце 1950-х гг., во время десталинизации и «оттепели», Андреас Закс был восстановлен в КПСС и Союзе писателей СССР. Ему было разрешено переехать из Красноярского края в Астрахань. В статье рассказывается о его общественной и культурной деятельности в первые годы жизни в Астрахани (1964–1966 гг.). Источниками для написания статьи послужили ранее неизвестные архивные документы Астраханской писательской организации. Их анализ показывает, что Андреас Закс сохранил веру в идеалы социализма. Он неуклонно следовал своей личной стратегии преодоления психологической травмы, нанесенной ему сталинским произволом и репрессиями, и упрочения своего положения как советского писателя.

Ключевые слова: Союз писателей СССР, Астраханская писательская организация, Коммунистическая партия Советского союза (КПСС), «оттепель», писатель, общественная деятельность, культурная деятельность, Астрахань, Андреас Закс.

Для цитирования: Карпенко С.В., Юркина Я.В. Возвращение писателя Андреаса Закса к общественной и культурной деятельности: судьба репрессированного поволжского немца в документах Астраханской писательской организации (1964–1966 гг.) // История и архивы. 2019. № 4. С. 122–142. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-122-142

Writer Andreas Saks's
return to public and cultural activities.
The repressed Volga region German's fate traced
in the documents of the Astrakhan Writers' Organization
(1964–1966)

Sergey V. Karpenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, skarpenk@mail.ru*

Yana V. Yurkina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, yanayurkina.97@mail.ru*

Abstract. Russian ethnic German writer Andreas Saks (1903–1983) played a big part in the development of the Volga German Autonomous Republic and also German culture in the 1920– 1930s. Before the Great Patriotic War, he headed the Republic's Union of Soviet Writers but as the war broke out he was forced to move to Siberia together with other German habitants of the Republic. During the war and post-war years of Stalinism he went through repression, the expulsion from the Bolshevik party and the USSR Union of Writers, endured forced labor in the hardest physical and moral conditions. In the late 1950s during de-Stalinization and the "Thaw", Andreas Saks was reinstated in the CPSU and the USSR Union of Writers. He was also allowed to move from the Krasnoyarskii Krai to the city of Astrakhan. The article covers his public and cultural activities during his first years back in Astrakhan (1964–1966). The hitherto unknown archival documents from the Astrakhan Writers' Organization were used as a source for the article. Their analysis shows that Andreas Saks has always remained faithful to his socialist ideals. He pursued his own strategies for coping the psychological trauma inflicted upon him by Stalinist violations and repressions, and for consolidating his position as a Soviet writer.

Keywords: USSR Union of Writers, Astrakhan Writers' Organization, Communist Party of the Soviet Union (CPSU), "Thaw", writer, public activities, cultural activities, Astrakhan (City of), Andreas Saks.

For citation: Karpenko, S.V. and Yurkina, Y.V. (2019), "Writer Andreas Saks's return to public and cultural activities. The repressed Volga region German's fate traced in the documents of the Astrakhan Writers' Organization (1964–1966)", *History and Archives*, vol. 4, pp. 122-142. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-122-142

Введение

Культура российских немцев является ярким примером сохранения культурной идентичности, а с другой стороны – культурного взаимодействия двух народов, немцев и русских, в различных исторических условиях. Исключительную роль в этих неразрывно связанных процессах играло двуязычное творчество российских (советских) немецких писателей, издание в России и СССР их произведений на немецком и русском языках.

Поэтому никогда не утратит своей актуальности изучение человеческих судеб и творческих биографий российских (советских) немецких писателей, ибо оно позволяет раскрыть сложную взаимосвязь между разнообразными, часто трагическими, а порой и невыносимыми, жизненными обстоятельствами, в которые они попадали, и их творчеством. Особую значимость имеет личный опыт взаимоотношений немецких писателей с российской (советской) властью и бюрократическим (партийно-государственным) аппаратом на различных стадиях их развития.

Вышесказанное в полной мере относится к российскому (советскому) немецкому писателю Андреасу Заксу (Andreas Saks, 1903–1983), которого специалисты по истории немецкой литературы в России считают не только крупным писателем и деятелем культуры, но и «знаковой фигурой» в истории немцев в Советской России.

История распорядилась так, что Андреасу Заксу довелось сыграть большую роль в становлении немецкой государственности на территории СССР в форме Автономной Социалистической Советской Республики немцев Поволжья (Немреспублики, как официально именовали ее сами поволжские немцы). Прежде всего в развитии системы школьного образования, газетного дела, театра и литературной работы. В годы Великой Отечественной войны и «позднего» сталинизма на его долю выпали принудительное переселение в Сибирь, репрессии и подневольный труд в тяжелейших материально-бытовых условиях и политико-моральной обстановке.

Последовавшие затем десталинизация и «оттепель» дали ему крайне ограниченную, но все же возможность вернуться к литературному творчеству, общественной и культурной деятельности. Это возвращение началось еще в Красноярском крае во второй полови-

не 1950-х гг. и продолжилось в Астрахани, куда он переехал после выхода на пенсию в 1963 г. и где прожил до середины 1971 г.

Основным источником для написания статьи послужили документы Астраханской областной писательской организации и ее первичной партийной организации – протоколы общих и партийных собраний писателей, отчеты, справки, переписка с Союзом писателей РСФСР и т. д. Сохранились они практически полностью и в очень хорошем состоянии благодаря квалифицированной и добросовестной работе технического секретаря писательской организации А.С. Зилотиной и архивистов Государственного архива Астраханской области и Государственного архива современной документации Астраханской области (бывшего партийного архива) [Карпенко, Новосёлова, Пугачева, Шалацкая 2018, с. 150–180], которые в мае 2018 г. были объединены в Государственный архив Астраханской области (ГААО).

*Сведения о жизни Андреаса Закса
в его биографических «справках»,
опубликованных в изданиях 1960-х – начала 1980-х гг.*

Обобщающих работ об Андреасе Заксе, в которых были бы изучены его жизнь и творчество, а также предметно оценено его место в культуре и литературе российских немцев, не существует. Это стало закономерным результатом того трагического обстоятельства, что почти пять десятилетий в СССР история российских немцев находилась под запретом, наложенным партийно-государственной властью.

И в наши дни попытка выяснить что-либо о жизни Андреаса Закса приводит лишь к знакомству с предельно краткими сведениями, которые содержатся в справочных изданиях [Бельгер 1996, с. 55–57] и маленьких энциклопедических заметках, размещенных в Интернете. Они дают самое поверхностное, а иногда и недостоверное, представление о его судьбе и творчестве. В частности, в короткой справочной статье писателя Герольда Бельгера, тоже поволжского немца, об астраханском периоде жизни Андреаса Закса ничего конкретного не сказано, а лишь упомянуто: «Жил в Астрахани» [Бельгер 1996, с. 55–57].

По заведенному порядку писатели всегда сами сочиняли для изданий их произведений биографические «справки» об авторе, если в книге не было полноценного предисловия или послесловия профессионального литературоведа. Как положено, их сначала правил, если считал необходимым, редактор, а потом «пропускал» цензор.

Поэтому написанные Андреасом Заксом биографические «справки» о себе – по сути, неподписанные автобиографии.

В 1960–1970-х гг., когда для издания своих произведений Андреас Закс писал очередную биографическую «справку» об авторе, он ограничивался самыми краткими и общими сведениями о себе. И, само собой разумеется, ни единым словом не сообщал о принудительном переселении в 1941 г. из Республики немцев Поволжья в Сибирь и о пребывании в «трудовой армии» («трудармии»). Он мог не знать достоверно, но не мог не догадываться о том, что сведения о ликвидации Немреспублики, о принудительном переселении немцев в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию как «пособников врага», об их жизни и работе в местах спецпоселения и в лагерных пунктах «трудармии» отнесены к секретным, и цензура вычеркивает их из набранных текстов. Так или иначе, но и авторская самооценка была начеку.

Самая многословная «справка» (на полстраницы) была написана им для сборника его юмористической прозы, подготовленного к изданию созданной в 1966 г. Немецкой редакцией государственного издательства «Казахстан» (Verlag “Kasachstan”). Сборник вышел в свет на немецком языке, тиражом 7 000 экземпляров (по цене 18 копеек), в Алма-Ате в 1969 г.¹ Приведем ее полный перевод:

Писатель родился в 1903 году в Баку, в семье рабочего. Был столяром и кузнецом.

Осенью 1925 года был призван в Красную Армию. Состоял в комсомоле с 1926 года, в партии с 1927 года.

С 1927 по 1931 годы – советский и партийный работник.

Как активный сельский корреспондент, Закс был переведен в газету “Известия” в 1931 году. Первые литературные инсценировки, стихи и фельетоны появились в октябре 1928 года.

В 1934 году был делегатом I съезда советских писателей в Москве, и с этого же года является членом Союза писателей.

К началу 1941 года многие его работы появились в печати. После Отечественной войны до 1963 года выполнял различную работу в Сибири. Последние семь лет работал преподавателем немецкого языка. В сентябре 1963 года отправлен на пенсию [отправлен в отставку] и с 1964 года проживает в Астрахани.

В этой «справке» 1969 г. обращает на себя внимание выражение Андреаса Закса “Seit September 1963 ist er pensioniert...”, которое может быть переведено и понято как «отправлен в отставку».

¹ Saks A. Der Dorfmusikant: Schwänke und Humoresken. Alma-Ata: Verlag “Kasachstan”, 1969. S. 4.

На исходе брежневского «застоя», когда уже минуло десять лет после его переезда из Астрахани в Тирасполь, Андреас Закс стал писать о своей жизни в военные и послевоенные годы чуть более конкретно.

В 1981–1982 гг. издательство «Казахстан» выпустило в свет на немецком языке трехтомник “Anthologie der sowjetdeutschen Literatur” («Антология советской немецкой литературы»). Помещенная в 3-м томе биографическая «справка» об Андреасе Заксе по сравнению со «справкой» 1969 г. содержит несколько меньше слов, однако в них заключены новые и очень важные сведения².

Приведем перевод двух ее фрагментов. Первый: «В 1941 году – эвакуация в Сибирь. Военизированная трудовая повинность. После войны – рабочий, бухгалтер, учитель в Ачинске». И второй: «1963 год – уход на пенсию. Переезд в Астрахань, затем в Тирасполь, Молдавию».

Так Андреас Закс впервые рассказал в биографической «справке» о переселении в Сибирь, хотя и сделал это очень осторожно, используя слово “Evakuierung” (эвакуация). Столь же осторожно выразился он о своем положении и своей работе в Сибири во время войны, используя немецкий термин “Arbeitsdienst” (военизированная трудовая повинность). Однако и этих двух слов – “Evakuierung” и “Arbeitsdienst” – было достаточно: они сразу давали понять читателям-немцам, что автор не только подвергся вместе с другими немцами Поволжья принудительному переселению, но уже в Сибири, находясь на спецпоселении, был либо мобилизован в «трудармию» и содержался в «зоне» (лагерном пункте), либо был арестован «органами», обвинен по 58-й статье и приговорен к какому-то сроку заключения в исправительно-трудовом лагере системы ГУЛАГа [Герман, Курочкин 1998, с. 73–86, Белковец 2008, с. 153, 154, 183, 184].

Сообщая немецким читателям о прекращении в 1963 г. своей трудовой деятельности в Сибири, Андреас Закс на этот раз употребил выражение “Übergang in den Ruhestand” (уход на пенсию). Напрашивается предположение, что в «справке» 1969 г. в выражение “ist er pensioniert” (отправлен в отставку) он вложил какой-то особый смысл, который был, видимо, также хорошо понятен российским немцам.

Наконец, второй фрагмент, сравнив его со «справкой» 1969 г., можно истолковать так, что из Ачинска в Астрахань он переехал не в 1964 г., а в 1963 г., сразу после выхода на пенсию.

Все эти моменты сибирского периода жизни Андреаса Закса еще предстоит выяснить, а сейчас необходимо вернуться в 1969 г.

² Anthologie der sowjetdeutschen Literatur. Bd. III. Alma-Ata: Verlag “Kasachstan”, 1982. S. 327, 328.

*Неизвестная статья 1969 г.
о жизни и творчестве Андреаса Закса*

В 1969 г., в Астрахани, тиражом 500 экземпляров (по цене 8 копеек), Астраханским государственным педагогическим институтом имени С.М. Кирова был опубликован 4-й выпуск продолжающегося издания под названием «Литературное краеведение: Материалы к спецкурсу».

Эти выпуски готовились на кафедре истории русской и зарубежной литературы, и включенные в них статьи, несмотря на очень скромный подзаголовок издания, являются полноценными научными исследованиями о жизни и творчестве астраханских писателей. При работе над ними их авторы, преподаватели Астраханского пединститута, использовали местные издания, ставшие библиографической редкостью, и документы, найденные ими в областном архиве.

Одна из статей, включенных в 4-й выпуск, называется «Андреас Закс» [Травушкина 1969, с. 21–28].

Эта семистраничная статья совершенно уникальна как по своему «рождению», так и по своей дальнейшей судьбе.

Во-первых, она первая и единственная историко-культурная и литературоведческая научная работа об Андреасе Заксе, опубликованная за полвека. Ни в одной энциклопедической заметке или биографической «справке» не рассказано о его жизни столь обстоятельно, не дано столь развернутого анализа его культурной работы и литературного творчества как в драматургии, так и в юмористической прозе. Особенно подробно, с яркими, интересными деталями и фактами, рассказано о его жизни и работе в Республике немцев Поволжья в 1927–1941 гг. и в Астрахани в 1964–1967 гг. (выпуск был сдан в набор 1 января 1968 г.).

Во-вторых, эта статья полвека пребывала в полном забвении. Она до сих пор остается неизвестной специалистам по истории, культуре и литературе российских немцев.

В-третьих, – и это самое важное – история написания и публикации статьи является частью личной истории Андреаса Закса, поскольку он фактически участвовал в ее «рождении».

Автором статьи указана Э. Травушкина. Элла Оттовна Травушкина (1918–1985) происходила из немцев Поволжья. Великая Отечественная война застала ее в Одессе, где она преподавала в Одесском институте иностранных языков и где незадолго до начала войны вышла замуж за выпускника института Николая Травушкина, коренного астраханца. В 1960-е гг. она работала преподавателем немецкого языка на факультете иностранных языков Астраханского пединститута. А ее муж – Николай Сергеевич

Травушкин (1916–1989) – являлся ответственным редактором выпусков «Литературного краеведения». Профессор Астраханского пединститута, специалист по немецкой литературе, известный литературовед и краевед³, он опубликовал немало статей и книг об астраханских писателях [Чебыкин 1997, с. 11, 16, 26, 30, 164, 165, 230–236, 261, 262].

Судя по некоторым свидетельствам, Элла Травушкина, хороший преподаватель и переводчик, литературоведческими исследованиями не занималась и статей не писала. И на этом основании можно предположить, что для статьи она дала много материала, а статью написал – в точном смысле этого слова – сам Николай Травушкин.

Но даже если это так, вклад Эллы Травушкиной в статью бесценен: она наполнила текст своими впечатлениями об Андреасе Заксе и известными ей фактами о его жизни и работе в Астрахани. А главное – пересказала что-то из того, что сам Андреас Закс рассказывал ей о себе. Ей, тоже поволжской немке, немало пережившей, он поведал о своей жизни гораздо больше, чем писал о себе в биографических «справках» к своим публикуемым произведениям. В тексте статьи есть прямые указания на то, что ее большие фрагменты являются пересказом устных воспоминаний самого Андреаса Закса («Он хорошо помнит...»).

В статье приведены точные данные о вступлении Андреаса Закса в партию большевиков в 1927 г., когда он служил в Красной армии, и, напротив, как-то невнятно – о принятии его в члены Союза советских писателей в 1934 г., на I съезде советских писателей, в работе которого он принял участие «в составе делегации советско-немецких писателей» [Травушкина 1969, с. 21, 22].

Однако ни о ликвидации Республики немцев Поволжья, ни о принудительном переселении в 1941 г. поволжских немцев, ни о пребывании Андреаса Закса в «трудармии», ни о времени и обстоятельствах его переезда из Красноярского края в Астрахань в статье не сказано ни слова. Совершенно очевидно, что это стало результатом совместной самоцензуры Андреаса Закса и Николая Травушкина.

В тексте статьи лишь присутствует фраза, почти повторяющая фразу самого Андреаса Закса из «справки» 1969 г. («до 1963 года выполнял различную работу в Сибири») и хорошо понятная российским немцам: «В военные и послевоенные годы Закс жил и работал в Сибири» [Травушкина 1969, с. 23].

³ Колесова И.В. Легендарная кафедра: Воспоминания. Астрахань: Издание автора, 2019. С. 5, 6.

*Переезд Андреаса Закса в Астрахань и постановка
на «писательский учет» в Астраханском отделении
Союза писателей РСФСР*

В военные годы, когда Андреас Закс жил и работал на спецпоселении и в составе «трудовой армии» (в лагере), он был исключен из партии большевиков (скорее всего как арестованный «органами»). А затем, как было принято в те времена, его «одним росчерком пера» исключили из Союза советских писателей СССР. В самом первом справочнике Союза советских писателей СССР, изданном в 1954 г., его имя и сведения о нем отсутствуют.

После его освобождения из исправительно-трудового лагеря по окончании войны (очевидно, он все-таки относился к «з/к», раз был исключен из партии) в 1949 г. Андреас Закс окончил созданные в 1929 г. трехгодичные Московские заочные центральные курсы иностранных языков (это явствует из содержащего анкетные данные списка писателей Астраханского отделения Союза писателей РСФСР по состоянию на 1 марта 1967 г.)⁴. Диплом об окончании Немецкого отделения этих курсов, видимо, «узаконил» его работу преподавателем немецкого языка в средней школе, поскольку в 1939 г. он окончил только три курса лингвистического факультета Энгельсского вечернего педагогического института, что считалось «незаконченным высшим» образованием⁵.

В течение 1956 г., после «снятия с учета спецпоселения и освобождения от административного надзора органов МВД» переселенных немцев, Андреас Закс получил возможность добиваться в индивидуальном порядке разрешения на переезд из Красноярского края в центральные и южные области СССР (кроме Поволжья, Украины и Кавказа) [Белковец 2008, с. 317–320]. Однако он предпочел иной путь – медленный путь «выработки» непрерывного трудового стажа и получения пенсии, восстановления в КПСС, возвращения своего прежнего общественного положения как профессионального советского писателя, то есть члена Союза писателей СССР, старые и новые произведения которого переиздаются и издаются советскими издательствами. Судя по всему, он, несмотря на все пережитое, сохранил веру в идеалы социализма. И эта вера помогла ему выстоять, выжить в «трудоармии» и бороться дальше.

В 1956 г., уже после XX съезда партии, он добился восстановления в КПСС. Затем, получив его заявление и другие необходимые документы, его восстановили в Союзе писателей СССР. И уже

⁴ Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 23. Л. 8.

⁵ Там же.

в следующем, втором, справочнике Союза, изданном в 1959 г., он появился: Закс Андреас Адамович, пишет на немецком и русском языках, прозаик и драматург, адрес – Красноярский край, г. Ачинск, ул. Орджоникидзе, д. 23⁶.

В 1960 г. – на пике «оттепели», – после 19-летнего перерыва, одно его стихотворение и рассказ “Herbst” («Осень») были опубликованы в изданном на немецком языке 300-страничном томе “Hand in Hand. Gedichte und Erzählungen” («Рука об руку. Стихотворения и рассказы»). Выпущенный московским Издательством иностранной литературы, он стал первым сборником «избранной» поэзии и прозы немецких писателей с довоенных времен. Составлен он был из уже опубликованных во второй половине 1950-х гг. стихотворений, рассказов, шванков и переводов. Пафос подавляющего их большинства сводится к тому, как счастливо живет немцам в братской семье советских народов⁷.

Однако к рассказу Андреаса Закса «Осень», написанному в 1960 г., последнее не относится: события происходят в послевоенное время, немецкая семья живет «в Сибири, с тех самых пор. Сначала было нелегко, но...»⁸. Бдительная цензура не нашла оснований не «пропустить» рассказ.

В 1961 г., как явствует из того же списка писателей Астраханского отделения Союза писателей РСФСР по состоянию на 1 марта 1967 г., Андреас Закс окончил в Ачинске философское отделение двухгодичного Университета марксизма-ленинизма⁹.

Когда точно Андреас Закс переехал из Ачинска в Астрахань (в 1963 г. или 1964 г.), почему именно в Астрахань, какие события предшествовали и какие обстоятельства сопутствовали или препятствовали этому переезду, – еще предстоит выяснить.

Пока точно известно лишь то, что в протоколе отчетно-выборного собрания Астраханского отделения Союза писателей РСФСР, состоявшегося 12 ноября 1964 г., среди присутствующих членов Союза писателей СССР фамилии Андреаса Закса нет¹⁰.

Однако в приложенном к протоколу отчетном докладе ответственного секретаря отделения Николая Поливина сказано: «Отстающим участком, или точнее жанром, у нас является драматургия

⁶ Справочник Союза писателей СССР на 1959 год. М., 1959. С. 238, 239.

⁷ Wormsbecher H. Mit dem Volk durch alle Härten gegangen (Notizen über die sowjetdeutsche Literatur) // Heimatliche Weiten: Sowjetdeutsche Prosa, Poesie und Publizistik. 1989. № 1. S. 204–207.

⁸ Hand in Hand. Gedichte und Erzählungen. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1960. S. 245–255.

⁹ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 23. Л. 8.

¹⁰ Там же Д. 3. Л. 1.

<...> Пьесы местных авторов на сцене в настоящее время не идут. Явление, конечно, крайне прискорбное. И создалось оно как по причине излишней скромности авторов пьес, так – и это, наверное, главное! – из-за холодности театра. Сейчас отряд драматургов пополнился еще двумя активно работающими товарищами – членом СП [Союз писателей. Эта аббревиатура постоянно использовалась в документах как центрального аппарата, так и областных отделений. – С.К., Я.Ю.] Андреем Адамовичем Заксом и выпускником Литературного института Юрием Егуповым. Думаем, что такой мощный отряд поведет работу более напористо»¹¹.

А за восемь дней до этого отчетно-выборного собрания, 4 ноября 1964 г., Николай Поливин отправил в Правление Союза писателей СССР список писателей Астраханского областного отделения, потребовавшийся для составления нового справочника Союза. И в нем последним, под № 7, стоял Закс Андрей Адамович, жанр – драматургия, проза, адрес: Астрахань, ул. Ленина, д. 11, кв. 15¹².

Получается, что Андреас Закс был включен в списочный состав Астраханского отделения Союза писателей РСФСР в последних числах октября или первых числах ноября 1964 г. Причем в документах отделения его сразу стали именовать «по-русски» – Андрей Адамович.

Однако официальное включение Андреаса Закса в состав Астраханского отделения растянулось почти на полтора года. Только 10 марта 1966 г., рассмотрев его заявление о «писательском учете», Секретариат Союза писателей РСФСР разрешил Красноярскому отделению Союза «снять его с учета», а Астраханскому отделению – «принять тов. Закса Андреаса Адамовича на писательский учет»¹³.

Была ли это простая бюрократическая «проволочка» или Правлению Союза писателей РСФСР понадобилось время, чтобы убедиться в законности переезда Андреаса Закса из Красноярского края в Астрахань [Карпенко, Новосёлова, Пугачева, Шалацкая 2018, с. 174], – еще предстоит выяснить.

Создание первичной партийной организации астраханских писателей

До сентября 1965 г. члены Астраханского отделения Союза писателей РСФСР, созданного в октябре 1963 г., входили, как и полагалось по Уставу КПСС, в состав первичных партийных организаций

¹¹ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 3. Л. 12–13.

¹² Там же. Д. 5. Л. 53.

¹³ Там же. 1. Д. 16. Л. 4.

по месту работы. Скажем, Николай Поливин продолжал состоять на партийном учете в «первичке» редакции газеты «Волга», поскольку до избрания ответственным секретарем отделения работал в должности редактора книжной редакции при издательстве «Волга»¹⁴.

В сентябре 1965 г. Организационный отдел Кировского райкома КПСС (помещение писательской организации находилось в Кировском, центральном, районе города: в доме № 15 по улице Советской) принял решение создать первичную партийную организацию Астраханского отделения Союза писателей РСФСР, среди членов которой было уже пять коммунистов.

По уставу КПСС, утвержденному XXII съездом КПСС в 1961 г., для создания «первички» было достаточно трех коммунистов, работающих на одном предприятии, в одном учреждении, в одной организации и т. д. Уже в первые недели существования писательской организации в ней состояло пять членов партии (из шести членов Союза писателей СССР): Николай Поливин, Федор Субботин, Александр Гаркуша, Борис Жилин и Владимир Карпенко (Борис Ярочкин был беспартийным)¹⁵. Однако Орготдел Кировского райкома партии тянул с созданием «первички» почти два года.

Случаи столь долгих «проволочек» были крайне редкими, и, по авторитетному мнению Маргариты Александровны Акимовой, известного в Астраханской области партийного и профсоюзного руководителя 1960-х – 1980-х гг., ее причиной стала малочисленность «первички»¹⁶. К тому же было очевидно, что один из пяти членов партии – Борис Жилин – останется на партучете по месту работы, и причина на то была уважительной: он работал главным врачом Санитарно-эпидемиологической станции в райцентре Енотаевск, приезжал оттуда в областной центр нечасто, а самое важное – интересы дела требовали его участия в работе именно «первички» районной санэпидемстанции¹⁷.

Отсюда и проистекало желание Орготдела Кировского райкома партии дожидаться численного роста Астраханского писательского отделения. Однако в конце 1964 г. и в течение почти всего 1965 г. его пополнил один лишь Андреас Закс, переехавший из Красноярского края. Он уже был на пенсии, но как член Союза писателей СССР он и мог, и должен был встать на партийный учет в «первичке» именно писательской организации.

¹⁴ ГААО. Ф. П-1668. Оп. 1. Д. 54. Л. 9.

¹⁵ Там же. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 5. Л. 3–4.

¹⁶ Личный архив В.В. Карпенко и С.В. Карпенко. Интервью с М.А. Акимовой (2014–2019 гг.).

¹⁷ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

«Оттепель» поначалу уходила вслед за Хрущевым неспешно. До подавления «Пражской весны» оставалось три года. И партийный аппарат еще сохранял инерцию хрущевской политики раскрепощения творческой интеллигенции и ее общественных организаций. В райкоме партии наверняка считали, что инициативу писателей-коммунистов в вопросе, кто именно из них должен возглавить их парторганизацию, подавлять не нужно, но все же сомнительные неожиданности эта инициатива приносить не должна.

Наверняка в Орготделе Кировского райкома партии, готовя организацию писательской «первички», предварительно прикинули, кто из писателей «более достоин» возглавить ее. «Первичка» получалась малочисленной, но ее идеологическая значимость намного превосходила ее численность: не могли в райкоме не знать, какое большое значение обком придает участию писателей в «коммунистическом воспитании трудящихся» [Карпенко, Новосёлова, Пугачева, Шалацкая 2018, с. 150–166].

В партийном аппарате существовало четкое разделение обязанностей, и Отдел пропаганды и агитации Астраханского обкома КПСС формально не мог иметь и не имел никакого отношения к созданию Организационным отделом Кировского райкома КПСС города Астрахани первичной партийной организации¹⁸. Но все же можно предположить, что заведующий Орготделом райкома решил «посоветоваться», как тогда выражались в партийном аппарате, с заведующим Сектором печати, радио и телевидения обкома Василием Георгиевичем Фоминым, который очень хорошо знал и всех писателей, и «чем дышит» писательская организация¹⁹.

В.Г. Фомин, вероятно, обсудил этот «кадровый вопрос» со своим бывшим партийным начальником – Владимиром Карпенко, который только полгода назад ушел из обкома партии с должности заведующего Сектором печати, радио и телевидения на творческую работу²⁰. Отношения между ними за время совместной работы в обкоме сложились доверительные, дружеские. Разговор наверняка получился откровенным и быстро привел их к согласию: Александр Гаркуша – самый достойный кандидат в секретари писательской «первички». Уже потом кто-то из них или тот и другой «по-товарищески» переговорили и с самим Александром Гаркушей, и с ответственным секретарем отделения Николаем Поливиным, и с Федором Субботиным, намеченным в председатели предстоящего собрания.

¹⁸ Личный архив В.В. Карпенко и С.В. Карпенко. Интервью с М.А. Акимовой (2014–2019 гг.).

¹⁹ ГААО. Ф. П-325. Оп. 53. Д.64. Л. 30–31.

²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 2731. Л. 13, 19.

Был, однако, во всей этой подготовительной «оргработе» один не совсем обычный момент: Орготдел Кировского райкома решил выбрать в писательской «первичке» не только секретаря, но и его заместителя.

Согласно Уставу КПСС, в первичных партийных организациях, насчитывающих менее 15 коммунистов, следовало избирать секретаря организации и его заместителя. Но на деле, как вспоминает М.А. Акимов, на это уставное требование в Астраханской областной парторганизации в те времена закрывали глаза, если речь шла о «первичках» с маленьким количеством коммунистов, не более 10 человек²¹.

Однако для областного писательского отделения решили сделать исключение: при наличии всего пяти коммунистов избрать заместителя секретаря парторганизации. Возможно, Орготдел райкома надеялся на быстрый рост ее численности. Наверняка была принята во внимание значимость ее идеологической работы. Да к тому же эта самая работа могла потребовать длительного, от недели до месяца – двух, отсутствия секретаря в городе по причине агитационной поездки или творческой командировки.

Избрание Андреаса Закса заместителем секретаря партийной организации

22 сентября 1965 г. в помещении писательской организации астраханские писатели-коммунисты собрались на «общее организационное партийное собрание первичной парторганизации Астраханского отделения Союза писателей РСФСР».

Согласно протоколу № 1 от 22 сентября 1965 г., на учете состояли 5 членов КПСС, и все они присутствовали на собрании. Фамилии их в протоколе не названы²². Но и без фамилий понятно, что из шести членов Союза писателей СССР, состоявших в КПСС, на учет в новой первичной организации встали пятеро: Николай Поливин, Федор Субботин, Александр Гаркуша, Владимир Карпенко и Андреас Закс.

Председателем собрания был избран Федор Субботин, а секретарем собрания – Андреас Закс²³.

На собрании, как положено, присутствовал инструктор Орготдела Кировского райкома КПСС. В данном случае это был

²¹ Личный архив В.В. Карпенко и С.В. Карпенко. Интервью с М.А. Акимовой (2014–2019 гг.).

²² ГААО. Ф. П-93. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²³ Там же.

«тов. И. Лоянич». Он сообщил «товарищам коммунистам» то, что они уже знали: Кировский райком КПСС города Астрахани принял решение о создании «первичной парторганизации при Астраханском отделении Союза писателей РСФСР», а потому необходимо провести «выборы руководящих органов партийной организации»²⁴.

Прежде чем рассказывать о самих выборах, поясним некоторые «процедурные» моменты.

Выборы были безальтернативными: кого обсудили – за того единственного кандидата и проголосовали открыто, поднятием рук. И для «первичек» это было уставным требованием.

И только начиная с уровня районных партконференций сначала, для внесения в бюллетень для тайного голосования обсуждали кандидатуры, а затем открыто голосовали за включение в бюллетень для тайного голосования и вносили в него единственную кандидатуру, набравшую большинство голосов. А уже потом, при подсчете голосов после вскрытия урн, открывалось более или менее реальное отношение коммунистов к кандидатуре, навязанной собственным руководством или райкомом партии.

Однако на первом организационном партсобрании писательской «первички» было проведено тайное голосование, как на районной партконференции. И это говорит, как минимум, о том, что писатели стремились к предельной демократичности выборной процедуры, к полной свободе выражения своих симпатий и антипатий.

В открытых председателем собрания «прениях», воспользовавшись своими председательскими правами, первым выступил Федор Субботин. Без долгих предисловий он предложил внести в список для тайного голосования для избрания секретарем парторганизации Александра Гаркушу: «Он честный коммунист, хороший организатор, растущий писатель. Ему по плечу руководство нашей парторганизацией»²⁵.

Вторым слово взял ответственный секретарь Астраханского отделения Союза писателей РСФСР Николай Поливин: «Я тоже предлагаю избрать секретарем партийной организации нашего отделения А.Т. Гаркушу. Тов. Гаркуша – зрелый коммунист, способный обеспечить руководство партийной организацией отделения Союза писателей»²⁶.

Третьим попросил слово Андреас Закс: «Я поддерживаю предложение тов. Субботина и Поливина о внесении в список тайно-

²⁴ ГААО. Ф. П-93. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

го голосования для избрания секретарем нашей парторганизации т. Гаркушу А.Т.»²⁷.

В этих трех протокольных строчках обращает на себя внимание партийно-аппаратная отточенность формулировки предложения. В ней нет никаких оценок Александра Гаркуши как человека, как коммуниста и как писателя. И это понятно: Андреас Закс по-немецки практично и здраво рассудил, что рано ему давать характеристики людям, которых он еще плохо знает, но от которых в немалой степени зависят и его положение в писательской организации, и его дальнейшая судьба писателя.

В результате организационное собрание постановило: «Внести в список тайного голосования для избрания секретарем парторганизации т. Гаркушу А.Т.»²⁸.

Следующим слушали вопрос о выборе заместителя секретаря парторганизации. В протоколе собрания, аккуратно напечатанном Александрой Степановной Зилотиной, говорится: «Поступили предложения внести в список тайного голосования для избрания зам. секретаря первичной парторганизации тов. Закс А.А.». К сожалению, указывать в протоколе, кто именно предложил и что именно сказал в поддержку предложенной кандидатуры, сочли излишним. Было записано лишь решение: «ПОСТАНОВИЛИ: Внести в список тайного голосования для избрания заместителя секретаря парторганизации Астраханского отделения Союза писателей тов. Закс Андрея Адамовича»²⁹.

По результатам голосования, из пяти коммунистов, которым раздали бюллетени, все пять проголосовали за избрание и Александра Гаркуши секретарем парторганизации, и Андреаса Закса – его заместителем. В протоколе – несомненно, с подсказки инструктора райкома Лоянича – особо отмечено: «Никаких добавлений и пометок на бюллетенях не было, голосование произведено в соответствии с инструкцией о выборах партийных органов»³⁰.

Результаты голосования были, как и полагалось, тут же утверждены общим собранием. На протоколе, под подписью председателя собрания Федора Субботина, стоит подпись секретаря собрания Андреаса Закса³¹.

А теперь настало время напомнить: избрание Андреаса Закса «в руководящие органы партийной организации» произошло в тот момент, когда Секретариат Союза писателей РСФСР еще не решил

²⁷ ГААО. Ф. П-93. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 2–3.

³¹ Там же. 1. Л. 3.

вопрос о его «принятии на писательский учет» в Астраханском отделении. Но, похоже, писатели-коммунисты не придали этой «бюрократии» никакого значения. А можно предположить и другое: Астраханский обком КПСС был гораздо лучше осведомлен (благодаря, разумеется, Управлению КГБ по Астраханской области) об обстоятельствах переезда Андреаса Закса из Красноярского края в Астрахань, чем Секретариат Союза писателей РСФСР. И потому у заведующего Сектором печати, радио и телевидения В.Г. Фомина никаких возражений против вероятного избрания Андреаса Закса не возникло.

Участие Андреаса Закса в партийных собраниях

Следующее партийное собрание астраханские писатели-коммунисты провели через месяц – 21 октября 1965 г. Вопрос был вынесен на обсуждение крайне важный: «Задачи коммунистов писательской организации Астрахани»³².

После доклада Александра Гаркуши первым выступил ответственный секретарь Астраханского отделения Николай Поливин: «В основу работы нашей парторганизации нужно поставить творческие вопросы. Как работает писатель? Какая помощь нужна ему? Вот что должно волновать парторганизацию»³³. За ним выступил Федор Субботин, призвавший «повышать политический и художественный уровень наших произведений»³⁴.

Третьим и последним выступил Андреас Закс: «Необходимо организовать учебу коммунистов-писателей. Нужно глубоко изучать классиков марксизма-ленинизма, глубоко изучать также литературную теорию»³⁵. В этом кратком выступлении явственно слышатся отголоски взглядов и стиля руководителя крупной писательской организации 1930-х гг. В частности, стремление помочь начинающим авторам «от станка» и «от сохи», не имеющим литературного образования, овладеть методом «социалистического реализма». С другой стороны, предложенное им изучение работ «классиков» имело большой смысл: в период десталинизации и «оттепели» изучение работ В.И. Ленина (именно работ, а не цитат) стало способом преодоления сталинского схематизма и догматизма.

В постановление собрания ни одно из предложений Андреаса Закса не вошло. Астраханские писатели-коммунисты решили

³² ГААО. Ф. П-93. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 5, 6.

³⁵ Там же. Л. 6.

прежде всего помогать «советом и делом» начинающим авторам, входящим в областное Литературное объединение, обсуждать на собраниях «творческие отчеты» писателей и, наконец, «обязать коммунистов активно участвовать в пропаганде книг среди населения, чаще встречаться с читателями»³⁶. Судя по всему, постановление было принято в том виде, в каком его предложил секретарь парторганизации Александр Гаркуша.

13 августа 1966 г. состоялось партийное собрание с повесткой дня исключительной важности: «О подготовке к 50-летию Великого Октября и задачах писателей». С докладом выступил Федор Субботин, избранный секретарем парторганизации в феврале 1966 г., поскольку Александр Гаркуша был избран ответственным секретарем Астраханского отделения Союза писателей РСФСР вместо Николая Поливина³⁷.

Первым выступил Владимир Карпенко: «Главная наша работа – книги. Нужно принять все меры к тому, чтобы наши книги, которые выйдут в юбилейном году, должны отличаться [Так написано в рукописном, неисправленном, варианте протокола, подшитом в дело вместо машинописного варианта. – С. К., Я. Ю.] высоким качеством во всех отношениях»³⁸. Его поддержал Александр Гаркуша, выступивший следом: «Нужно обратить особое внимание на повышение качества книг, посвященных событиям Гражданской войны, борьбе советского народа за коммунизм. Эти книги давайте обсудим сообща перед тем, как их сдавать издательству»³⁹.

Андреас Закс поддержал их, однако сделал одно важное добавление: «Да, нужно по косточкам разобрать книги, показывающие борьбу народа за Советы и коммунизм. Необходимо также лучше редактировать их»⁴⁰. В постановление собрания его предложение об улучшении редактирования не вошло⁴¹: вероятно, было сочтено, что касается оно не писателей, а издательских работников.

Наконец, 6 декабря 1966 г. астраханские писатели-коммунисты обсудили острый и волновавший всех вопрос – «Писатель и рукопись».

Федор Субботин в своем докладе довольно резко говорил о «безответственности, с которой подчас к напряженнейшему труду писателя относятся рецензенты и редакционно-издательские работ-

³⁶ ГААО. Ф. П-93. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

³⁷ Там же. Л. 7, 8.

³⁸ Там же. Д. 2. Л. 18.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Л. 19.

ники», о том, что «судьбу рукописи решают иногда люди, далекие от литературы, но облеченные властью»⁴². Выступившие затем Александр Гаркуша и Юрий Селенский (Галишников) ярко и убежденно говорили о важности ответственного и добросовестного рецензирования рукописей молодых авторов, о необходимости чаще обсуждать их рукописи и своевременно указывать им на недостатки и ошибки, чтобы помогать им развивать свое дарование⁴³.

Согласно протоколу партсобраний, Андреас Закс «поддержал выступления предыдущих ораторов и внес предложение о периодических обсуждениях рукописей писателей на творческих собеседованиях в Союзе писателей»⁴⁴. Секретарь собрания, не названный в протоколе, добросовестно внес в протокол оговорку Андреаса Закса: тот, конечно, имел в виду Астраханское отделение Союза писателей РСФСР, но по привычке предвоенных времен, когда он руководил Союзом советских писателей Немреспублики, назвал областное отделение «Союзом писателей».

На этот раз предложение Андреаса Закса было включено в решение партийного собрания, в его 2-й пункт: «Чаще практиковать творческие собеседования и в особенности с молодыми и начинающими литераторами, преследуя этим цель совершенствования их литературного мастерства и оказания практической помощи в работе над новыми произведениями»⁴⁵.

Заключение

Итак, переехав на постоянное жительство в Астрахань, Андреас Закс влился в созданное годом ранее Астраханское отделение Союза писателей РСФСР. И почти сразу вошел в «руководящие органы партийной организации» астраханских писателей. Нет никаких внешних признаков того, что он стремился к выборной партийной должности заместителя секретаря «первички». Очевидно, что он произвел на астраханских писателей хорошее впечатление, быстро завоевал авторитет и уважение. Сказались, конечно, и его большой партстаж, и опыт руководства Союзом советских писателей Немреспублики. Его национальность и высылка в Сибирь, похоже, никого не смущали.

И до вхождения в «руководящие органы», и после – он всегда демонстрировал позицию и убежденность советского писателя,

⁴² ГААО. Ф. П-93. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

⁴³ Там же. Л. 25, 26.

⁴⁴ Там же. Л. 26.

⁴⁵ Там же.

преданного делу коммунистического строительства, сторонника «партийной литературы» и метода «социалистического реализма», а также активного «идеологического работника», какими партия коммунистов считала писателей.

Его лаконичные и четкие выступления свидетельствуют о его большом опыте руководителя крупной писательской организации. При этом он не только не злоупотреблял своим «руководящим» положением, но и держался очень скромно, не стремился выступить первым, всегда подчеркивал, что поддерживает и в чем именно поддерживает тех, кто выступил до него. А если вносил важные, с его точки зрения, уточнения и дополнения, то делал это по-деловому и в «товарищеском» духе.

Он активно помогал астраханским писателям налаживать партийную работу в еще совсем молодом и пока малочисленном Астраханском отделении Союза писателей РСФСР, содействовал разветвлению основных направлений его творческой, идеологической и культурной работы.

Судя по всему, в своей общественной и культурной деятельности в первые годы жизни в Астрахани, в условиях «управляемой» десталинизации, Андреас Закс твердо и неуклонно следовал своей личной стратегии преодоления собственной психологической травмы, нанесенной сталинским произволом и репрессиями, и упрочения своего положения как члена КПСС и члена Союза писателей СССР. И это, независимо от его субъективных расчетов и устремлений, объективно расширяло его возможности своим литературным творчеством и культурной деятельностью помогать всем российским немцам в преодолении полученной ими культурной травмы (травмы культурной памяти) и в сохранении культурной идентичности.

Литература

- Белковец 2008 – *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: Историко-правовое исследование. М.: РОССПЭН, 2008. 359 с.
- Бельгер 1996 – *Бельгер Г.* Российские немецкие писатели. Алматы: Жибек Жолы, 1996. 135 с.
- Герман, Курочкин 1998 – *Герман А.А., Курочкин А.Н.* Немцы СССР в «трудовой армии» (1941–1945). М.: Готика, 1998. 208 с.
- Карпенко, Новосёлова, Пугачева, Шалацкая 2018 – *Карпенко С.В., Новосёлова В.В., Пугачева Н.А., Шалацкая Е.П.* Астраханские писатели и обком партии: Путь от литературного объединения к областной писательской организации (начало 1960-х годов) // Новый исторический вестник. 2018. № 1 (55). С. 150–180.

- Травушкина 1969 – *Травушкина Э.О.* Андреас Закс // Литературное краеведение: Материалы к спецкурсу. Вып. IV. Астрахань: АГПИ, 1969. С. 21–28.
- Чебыкин 1997 – *Чебыкин В.А.* Литературная критика Астраханского края. Астрахань: Форзац, 1997. 266 с.

References

- Karpenko, S.V., Novoselova, V.V., Pugacheva, N.A., Shalatskaya, E.P. (2018), "Astrakhan writers and regional party committees: The path from a literary association to a regional writing organization (early 1960s)", *The New Historical Bulletin*, vol. 1 (55), pp. 150–180.
- Bel'ger, G. (1996), *Rossiiskie nemetskie pisateli* [Russian German Writers], Zhibek Zholy, Almaty, Republic of Kazakhstan.
- German, A.A., Kurochkin, A.N. (1998), *Nemtsy SSSR v "trudovoi armii" (1941–1945)* [The Germans of the USSR in the "labor army"] (1941–1945). Gothic, Moscow, Russia.
- Belkovets, L.P. (2008), *Administrativno-pravovoe polozhenie rossiiskikh nemtsev na spetsposelenii 1941–1945 gg.: Istoriko-pravovoe issledovanie* [Administrative and legal status of Russian Germans at a special settlement 1941–1945: Historical and legal research], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Travushkina, E.O. (1969), "Andreas Sachs", *Literary study of local lore: Materials for the special course*, vol. 4, AGPI, Astrakhan, Russia, pp. 21–28.
- Chebykin, V.A. (1997), *Literaturnaya kritika Astrakhanskogo kraya* [Literary criticism of the Astrakhan region], Forzats, Astrakhan, Russia.

Информация об авторах

Сергей В. Карпенко, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; skarpenk@mail.ru

Яна В. Юркина, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; yanayurkina.97@mail.ru

Information about the authors

Sergey V. Karpenko, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993, skarpenk@mail.ru

Yana V. Yurkina, master student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993, yanayurkina.97@mail.ru

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

УДК 930.253

DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-143-155

Эгодокументы из личного фонда историка-архивиста Н.В. Калачова

Маргарита Н. Шашкина

*Государственный архив Саратовской области
Саратов, Россия, ritaplus@mail.ru*

Аннотация. 2019 год – год 200-летия со дня рождения выдающегося отечественного архивиста XIX века Николая Васильевича Калачова (1819–1885). Историк-юрист, академик, сенатор, инициатор организации в России губернских архивных комиссий, новатор в архивоведении – этот человек, дворянин Саратовской губернии, был неутомимым собирателем и хранителем отечественных архивов. Н.В. Калачов – крупнейший основатель архивного дела в нашей стране. Его богатый личный фонд хранится в Государственном архиве Саратовской области. Появление в Саратове этих ценных документов – особая страница в деятельности Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК), открыть которую Н.В. Калачову помешала скоропостижная смерть. К 25-летию со дня его кончины из имени дворян Калачовых были привезены материалы личного архива сенатора, подаренные СУАК его вдовой. Особую роль в этой научной экспедиции сыграл саратовский нотариус Григорий Григорьевич Дыбов-младший (1868–1920). В статье рассматриваются вехи биографии Н.В. Калачова как видного общественного деятеля и упоминаются некоторые из его работ, написанных им, юношей, в 1830-е годы. Фрагменты этих документов – переводов, дневниковых записей и сочинений – цитируются впервые.

Ключевые слова: Н.В. Калачов, личный фонд, документы, Государственный архив Саратовской области, губернские ученые архивные комиссии, саратовский нотариус Г.Г. Дыбов-младший.

Для цитирования: Шашкина М.Н. Эгодокументы из личного фонда историка-архивиста Н.В. Калачова // История и архивы. 2019. № 4. С. 143–155. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-143-155

Documents from the personal fund
of N.V. Kalachov,
a historian and an archivist

Margarita N. Shashkina

*State Archives of the Saratov region,
Saratov, Russia, ritaplus@mail.ru*

Abstract. The year 2019 marks the second centenary of the birth of the outstanding 19th century Russian archivist Nikolai Vasilyevich Kalachov (1819–1885). A historian, lawyer, academician, senator, initiator of the provincial archival commissions in Russia, an innovator in archival studies – this nobleman from the Saratov province was a tirelessly dedicated collector and a keeper of domestic archives. N.V. Kalachov was the most prominent founder of archiving science in this country. His abundant personal collection is kept in the Saratov Region State Archives. The appearance of those precious documents in Saratov was an outstanding event in the activity of the Saratov Archival Scientific Commission (SUAK, an abbreviation in Russian, Saratovskaya Uchenaya Arkhivnaya Komissiya). Kalachov was to introduce the Commission to the public, but his premature death prevented that from happening. Kalachov's widow donated his personal archives to the Commission, and to the 25th anniversary of his death those materials were brought from Kalachov's Estate in the Saratov region to SUAK. Grigori Grigorievich Dybov Jr. (1868–1920), a Saratov notary, played an important part in that scientific expedition. This article discusses the milestones in Kalachov's biography, portraying him as an eminent public figure, it mentions some of his early works in the 1830s. The fragments of those documents – translations, diary entries and essays – are quoted for the first time.

Keywords: N.V. Kalachov, personal fund, documents, State Archives of the Saratov Region, provincial academic archives commissions, Saratov notary G.G. Dybov Jr.

For citation: Shashkina, M.N. (2019), "Documents from the personal fund of N.V. Kalachov, a historian and an archivist", *History and Archives*, vol. 4, pp. 143-155. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-143-155

Архивы... это хранилища более ценного народного имущества, чем содержимое государственных казначейств: деньги теряются и вновь наживаются, а памятники народного имущества, раз потерянные, не могут быть куплены и приобретены вновь никакой ценой, никаким трудом.

Н.В. Калачов

Николай Васильевич Калачов (1819–1885), выдающийся государственный деятель XIX в., известен среди сообщества историков, архивистов, археографов и юристов-исследователей истории российских законодательных актов. Его имя и его хрестоматийные высказывания часто можно увидеть перед входами в государственные хранилища архивных документов, на него часто ссылаются в научных работах – и все же мы мало вспоминаем саму личность Н.В. Калачова, стоявшего в первых рядах архивных реформ XIX в., его судьбу.

Архивному делу он был беспредельно предан, но вот мы, потомки, не всегда отдаем должное гражданскому подвигу нашего замечательного соотечественника ...

Выступая с сообщениями о Н.В. Калачове на научных конференциях разного уровня, в различных архивах страны, я наблюдала порой даже некоторое недоумение на лицах своих коллег: как, разве Н.В. Калачов был дворянином Саратовской губернии? И доподлинно известно, где было его имение? И что же с этой усадьбой стало позже? И наследники тоже были? А где же Николай Васильевич похоронен и сохранилась ли его могила – об этом вообще никто никогда как будто даже не задумывался... Неужели в Государственном архиве Саратовской области имеется архив личного происхождения Н.В. Калачова, включающий свыше 1000 дел?! Как же он там оказался и когда? И это, понятно, не все вопросы, которые мне довелось слышать от своих коллег.

Вспоминаю, как на Самарском архивном форуме «Память о прошлом–2018» директор РГАЛИ Т.М. Горяева заметила: «А ведь в фондах архива литературы и искусства есть такая интересная переписка Калачова с историком Срезневским...». И Татьяна Михайловна, естественно, была не одна, кто вспомнил, что 2019 год – год 200-летия «собирателя и хранителя российских архивов». И это, полагаю, хороший повод поговорить о подвижнической деятельности выдающегося историка-архивиста и судьбе его личного архива в ГАСО, в частности, имея в виду и некоторые эгодокументы фонда 408.

Но сначала вкратце остановимся на вехах жизни героя публикации.

Николай Васильевич Калачов, ученый, историк, юрист, академик, сенатор, родился 26 мая 1819 г., скончался 25 октября 1885 г.¹ Происходил из семьи дворян, родоначальником которых был дьяк Михаил Постник, пожалованный вотчиною в 1618 г. Отец Н.В. Калачова, Василий Андреевич, отставной штабс-капитан артиллерии, помещик Владимирской губернии, предводитель дворянства Юрьев-Польского уезда той же губернии. Мать Н.В. Калачова – Варвара Петровна, урожденная Малова. В семье Калачовых было семеро детей: Екатерина, Елизавета и Анна и четыре сына – Николай, Владимир, Алексей и Виктор [Третьякова Т.А. 1999, с. 70–73].

Как и его отец, Николай Васильевич родился в родовом селе Вески, недалеко от Алексина Владимирской губернии, и провел там свое детство. Уместно добавить, что первоначальное образование Николай Васильевич получал под руководством гувернеров-иностранцев, среди которых был немецкий доктор философии Гегерман. Обучив своего даровитого подопечного латинскому и немецкому языкам, он смог пробудить в способном мальчике глубокий интерес к историческим знаниям. Это оказалось тем зовом судьбы, который и определил весь ход жизни Николая Калачова.

Молодой человек довольно быстро сделал карьеру – сразу после обучения в пансионе К. Чермака он поступил в Московский Дворянский институт (1836 г.), позже закончил юридический факультет Московского университета (1840 г.). Но суть его служения очень рано стала определять «одна, но пламенная страсть»: его ученая и общественная деятельность всегда была связана с изучением родной старины, с памятниками и следами прошлого.

Уже в конце XIX в. современники понимали: как архивный деятель Н.В. Калачов занимал первое место в своей сфере. Именно он первым в России поставил вопрос об архивах вообще; много сделал для устройства Московского архива Министерства юстиции; основал Археологический институт; по его мысли и благодаря его энергии были учреждены российские губернские ученые архивные комиссии, которые со временем стали полноценной основой для изучения местной истории. В дальнейшем ученые архивные комиссии сыграли огромную роль в становлении краеведческих музеев, государственных архивов, библиотек страны.

При жизни Н.В. Калачова было создано пять губернских архивных комиссий в России: в Твери, Тамбове, Рязани, Орле и Костроме. Шестую комиссию Николай Васильевич намеревался открыть в Саратове. Однако судьба распорядилась по-иному. Сенатор Кала-

¹ Здесь и далее все даты (до февраля 1918 г.) по старому стилю.

чов, серьезно простудившись, умер по дороге из Москвы в Саратов в своем имении в сельце Волхонщина², что в 10 верстах от города Сердобска тогдашней Саратовской губернии, на 67-м году от рождения.

Безупречная служба в Археографической комиссии, в архиве Министерства иностранных дел, «археографические путешествия» по губерниям России в 1852–1853 гг. и в последующее время, знакомство с постановкой архивного дела за границей и, наконец, управление Московским архивом Министерства юстиции – все это сделало Николая Васильевича отличным специалистом. Архивы он воспринимал как сокровищницы человеческого знания и опыта, а изучение архивных материалов признавал одним из необходимых условий для дальнейшего развития общественного и частного быта каждой народности. Излишне говорить, что в лице Н.В. Калачова сохранность архивов и выяснение в них ценных документальных материалов нашло самого горячего поборника.

Все высокие посты и звания, в разные годы заслуженные этим энергичным и деятельным человеком, были следствием его природной одаренности, редкого трудолюбия и великолепного организаторского дара. Это отмечали все: его ученики, коллеги, государственные деятели, сам император Александр III. Обер-прокурор Святейшего синода К.П. Победоносцев характеризовал личность Н.В. Калачова как умевшего распознавать талант, ценить добросовестный труд, новых работников на поле науки, «потому что Бог дал ему свойство простоты душевной, пособляющей входить в прямое искреннее обращение с людьми, помимо чиновничьего величия, бумаги и начальственного обращения...»³

Доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета Т.И. Хорхордина выделяет следующие важные аспекты, на которые имеет смысл обратить наше внимание:

- Н.В. Калачов *первым* в России выявил социальное значение архивов, тем самым выведя архивоведение из замкнутых рамок узкопрофессиональных знаний;
- *первым* в нашем Отечестве обосновал важное государственное и общественное значение профессии архивиста;

² В настоящее время село Салтыково (бывш. Волхонщина, Богородское) Пригородного сельсовета Сердобского района Пензенской области. В советское время – колхоз «Путь к социализму».

³ *Победоносцев К.П.* Вечная память. Воспоминания о почивших. М., Синодальная типография, 1896. С. 61.

– первым сформулировал необходимое понимание государством, обществом, а также каждым культурным гражданином научного значения архивов как необходимого фундамента для начала любых созидательных работ в области архивного строительства [Хорхордина Т.И. 2012].

Таким образом, действительно невозможно переоценить профессиональную деятельность нашего соотечественника, государственного деятеля, вся жизнь которого была посвящена архивам, их спасению, собиранию, комплектованию и приумножению.

Для современных историков и архивистов чрезвычайно важен и другой значимый факт: попытка коренной реформы всего архивного дела в XIX в. связана именно с подвижнической деятельностью Н.В. Калачова. В его проектах можно найти почти текстуальные совпадения с теми положениями, которые затем составили основу Декретов по архивному делу, принятых уже в первые годы советской власти⁴.

Точная дата поступления в Государственный архив Саратовской области документов калачовского фонда неизвестна, но, безусловно, все материалы пришли из Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК), которую Николай Васильевич, увы, так и не успел открыть лично⁵.

В настоящее время в ГАСО хранится личный фонд Н.В. Калачова (Ф. 408), который включает в себя две описи и 1007 единиц хранения. Многие из них без каких-либо натяжек можно классифицировать как эгодокументы.

Фонд содержит творческие, биографические и изобразительные документальные свидетельства служебной и общественной деятельности Н.В. Калачова, юношеский дневник 1835 г., государственные акты и грамоты, оригиналы фотографий; письма, адресованные Николаю Васильевичу и членам его семьи (некоторые на немецком и французском языках); рукописи, статьи и записки, написанные самим Калачовым; черновые планы и чертежи владений семьи Калачовых; копию дела Саратовской духовной консистории

⁴ О вехах жизни самого Н.В. Калачова и его потомков, об их усадьбе в Сердобском уезде Саратовской губернии (а Николай Васильевич был дворянином именно Саратовской губернии!), о судьбе родового имения в сельце Волхонщина и Никольской церкви, которую 40 лет строил сам сенатор и где был похоронен осенью 1885 г., см. в статье [Шашкина М.Н. 2018, с. 339–349]. Все это без следа исчезло, став в советский период своеобразной Атлантидой.

⁵ Саратовская губернская ученая архивная комиссия была учреждена 25 декабря 1886 г.

рии о разрешении освятить Никольскую церковь, построенную на средства сенатора в Волхонщине; периодические издания и вырезки из газет; альбом с фотографиями – в том числе со снимками усадьбы и Никольской церкви, где нашел последний приют Н.В. Калачов и двое его детей, скончавшихся раньше отца...

Уже один этот далеко не полный перечень документов свидетельствует об огромном богатстве фонда, пока еще не исследованного полностью. Дела, числящиеся по описи № 1, указаны в краткой описи Калачовского фонда исторического архива СУАК, составленной А.А. Гераклитовым⁶ и опубликованной в 1911 г. В этой описи имеются указания на список книг, доставленных из сердобского имения Н.В. Калачова [Гераклитов А.А. 1911, с. 5–7].

Самые же поздние по времени документы фонда (из переписки саратовского присяжного поверенного Г.Г. Дыбова-младшего⁷ с членами семьи Н.В. Калачова) относятся к 1919 году – году 100-летия со дня рождения Николая Васильевича. В разгар революционных событий, по понятным причинам, уже не удалось достойно почтить момент дворянина, человека науки, жизнь которого на тот период оборвалась 34 года назад.

Однако именно Григорий Григорьевич Дыбов стал подробным летописцем жизни и деятельности Николая Васильевича Калачова. Увлеченный масштабом его личности, Дыбов вынашивал идею увековечить имя ученого в солидном биографическом сборнике. Ему удалось сделать многое. В октябре и декабре 1910 г. и в феврале 1911 г. пылкий энтузиаст СУАК трижды приезжал в Сердобский уезд в имение Калачовых, в Волхонщину, чтобы с разрешения родных покойного сенатора привезти в Саратов личный архив Николая Васильевича и сохранить его бесценное документальное наследие в фондах ученой архивной комиссии. В результате цель была достигнута, «ящики со старыми бумагами» доставили в Саратов. Появился отчет по поводу этих плодотворных поездок – эмоциональный, но строго документальный очерк «Ессе Номо» Г.Г. Дыбова, посвященный Н.В. Калачову и опубликованный в 1911 г. в Трудах СУАК [Дыбов Г.Г. 1911, с. 41–51].

⁶ Александр Александрович Гераклитов (1867–1933), член СУАК с 1908 г., профессор отделения мордовского языка Саратовского университета.

⁷ Григорий Григорьевич Дыбов-младший (1868–1920) происходил из семьи городского нотариуса, председателя Саратовской городской думы, бессменного командора Саратовского яхт-клуба, известного попечителя самых различных учреждений Григория Григорьевича Дыбова (1841–1914). Сын и отец служили в Саратовском окружном суде. Младший Дыбов, член СУАК с 1901 г., сделал исключительно много для увековечения имени Н.В. Калачова.

О Г.Г. Дыбове, нотариусе окружного суда, присяжном поверенном, саратовце, преданном делу СУАК, о его настоящих гражданских подвигах во славу имени Н.В. Калачова следовало бы, конечно, написать отдельный труд. Сотни листов, касающихся биографических и служебных документов Николая Васильевича, протоколы заседаний археографической комиссии, аккуратно переписанные письма известных людей своего времени к сенатору-академику (в том числе и лично найденные Григорием Григорьевичем в самих Весах и в Алексине Владимирской губернии) – все это в разные годы оформил в отдельные дела калачовского фонда Г.Г. Дыбов. Его почерк всегда узнаваем, документы, оставленные им, проливают свет буквально на любой период жизни Н.В. Калачова, а иногда и его потомков, с кем неумолимый подвижник продолжал встречаться и после Октябрьской революции.

Он же, Г.Г. Дыбов, был сторонником установки памятника покойному Н.В. Калачову в Москве, еще до событий Первой мировой войны и последующих революций, перевернувших привычные устои нашего Отечества. Понятно, что реалии новой России не позволили сделать это. Памятником Н.В. Калачову осталось построенное по его инициативе и при энергичном участии здание Московского архива Министерства юстиции, открытого в сентябре 1886 г., на Девичьем поле⁸.

В соответствии с объемом данной статьи мы сможем посмотреть лишь *три* эгодокумента Н.В. Калачова, которые нигде не публиковались. Все они относятся к описи № 2 фонда 408 и связаны с юношескими годами будущего выдающегося архивиста-историка.

Вот тонкая тетрадь, на обложке которой написано: «Перевод с немецкого, посвященный папеньке в день его Ангела Николаем Калачовым. 1831 г., февраля 28 числа»⁹. Старшему сыну Василия Андреевича в этом году 12 лет, он с усердием изучает языки и как бы отчитывается перед отцом в своих успехах. Все страницы (среди них есть и немецкий, и французский тексты) исписаны каллиграфическим почерком мальчика. На первой странице в качестве исторического анекдота приводится следующий перевод: «Когда Витгенштейн предвидел нужный приступ Полоцка, хотя сие должно было стоить многих людей, то он, прежде всего, спросил об этом позволения у Государя. Он позволил ему и в ответе, написанном собственной рукой, находилось еще запечатанное письмо, которое Государь приказал вскрыть в Полоцке. Город взят, все утихло. Один адъютант напомнил Графу о бумаге,

⁸ В настоящее время здесь находится Российский государственный архив древних актов (РГАДА) – улица Большая Пироговская, 17.

⁹ ГАСО. Ф. 408. Оп. 2. Д. 482. Л. 1.

почти забытой: он открывает его и находит патент генерала кавалерии»¹⁰.

Действительно, это вполне исторический факт: один из русских военачальников Отечественной войны 1812 г. светлейший князь Петр Христианович Витгенштейн (1768–1843) за победу под городом Полоцком рескриптом Александра I от 6 октября 1812 г. был произведен в генералы от кавалерии.

А вот другой текст можно посчитать за анекдот на актуальную тему. В переводе юноши-дворянина, который, конечно, не мог помнить основные события Отечественной войны 1812 г., перевод звучал так: «Несколько голодных французов приходят в деревенскую хижину, в которой они находят одну старуху, у которой просят поесть. Добродушно подает она им горячие щи, но они не довольны... с презрением просят чего-нибудь получше. Старуха сердится, *наливает оными* (то есть выливает содержимое плошки. – *Авт.*) на одного из них, выходит, запирает двери и кличет людей, которые берут лакомцев»¹¹. Прочитав эти несколько строк в сохранившейся детской тетрадке 188-летней давности, невольно вспоминаешь «Жалобную книгу» А.П. Чехова: «Лопай, что дают»...

Любопытно подержать в руках юношеский дневник 16-летнего Н. Калачова, почерк которого к тому времени существенно изменился к худшему. Страницы, написанные по-русски, перемежаются с немецким текстом – очевидно, молодому барину было безразлично, на каком языке выражать свои мысли. Он описывает народное гуляние на праздник Смоленской Божией матери 28 июля (по новому стилю 10 августа). Это был престольный праздник церкви в Алексине – ближайшем к Вескам селе. Дело происходит во Владимирской губернии, в родовом имении Василия Андреевича Калачова, отца будущего архивиста, которому, по описанию его сына, надлежало летом 1835 г. сыграть особую (благородную!) роль в судьбах двух крепостных крестьян, своих дворовых¹².

Автор дневника пишет: «Николай нежно любит Варвару, а Варвара любит Николая больше всего на свете; он колясник, она трудолюбивая дочь бывшей кормилицы моего брата. Но отец уже нашел Николаю ленивую дурную Анну». Далее идет описание того, как Василий Андреевич убеждает властного отца не делать сына несчастным, не женить его на Анне, а тот возражает, что уж приготовил все и корову убил, то есть стол свадебный постным явно не будет. Но все же на другой день старик-крестьянин благословил

¹⁰ ГАСО. Ф. 408. Оп. 2. Д. 482. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 8.

¹² Там же. Л. 2–2об.

любящие сердца, и супружеский союз Варвары и Николая был запечатлен в церкви. А тезка жениха любовался прекрасной четой...¹³

В дневнике есть отрывок из письма сестры Калачова¹⁴, описывающей свое путешествие в Пензу.

Завтра чуть свет отправляемся в нашу деревню, до которой осталось 90 верст. Мы были за городом, в саду... Казна употребляет на него каждый год 30 000 рублей. Пенза лучше Владимира, есть модные лавки, лютеранская церковь, татарская. Дорога вообще приятна. Особенно нас веселили татарские деревни.

И почему-то приписка самого Николая:

Я сердит на сестру за то, что она мне пишет¹⁵.

Чем веселили сестру обитатели татарских деревень (экзотичностью по сравнению с чисто русскими селениями на Владимирской земле?). И почему был недоволен брат из-за ее послания – вряд ли мы это уже выясним.

Не чужд был молодой Николай Калачов и сентиментальной прозы, пример которой остался его в фонде в одном из дел¹⁶. Значит, он дорожил юношескими мечтами, высказанными тайно на бумаге! Это сочинение 1836 г. – отрывок из его повести «Любовь и смерть». Само название повести весьма красноречиво. В качестве эпиграфа приведены поэтические строки Виктора Гюго (естественно, на французском языке), а сам отрывок начинается словами: «День вечерел, солнце, склоняясь к западу, утопало в пурпуре». Можно с осторожной уверенностью предположить, что 17-летний Николай уже влюблен в какую-то московскую барышню, образ которой «прячется» за описанием некоей Софьи, сидящей в отдаленном углу отцовского сада и погруженной в тягостную (а какую же еще? – *М. III.*) думу. «Так прелестна была Софья, ее эфирная одежда еще больше придавали ей вид ангела. Белое платье обрисовывало тонкий стан и охватывало лилейную грудь ее... В шелковых струях волос белела роза, но белизна ее не помрачала белизны лица деви и только возвышала ее прелесть»¹⁷. На этом, полагаю, следует прерваться.

¹³ ГАСО. Ф. 408. Оп. 2. Д. 482. Л. 2 об.

¹⁴ В семье Калачовых было три дочери – Екатерина, Елизавета, Анна. О какой именно своей сестре пишет Н.В. Калачов в 1835 г. – неясно.

¹⁵ ГАСО. Ф. 408. Оп. 2. Д. 483. Л. 7 об.

¹⁶ Там же. Д. 484. Л. 1–5.

¹⁷ Там же. Л. 4.

Во-первых, кто мы такие, чтобы из своего прагматичного века «подсматривать» за интимными строками юного писателя, чье перо уже скоро будет всецело принадлежать не любовным романам или философским трактатам, а юридическим актам из русского законодательства и архивным документам?

А во-вторых, заметим: все, что мы сумели лишь тезисно рассмотреть из огромного фонда 408 Государственного архива Саратовской области, имеет отношение только к юным годам Н.В. Калачова. И разве не удивительно почувствовать в нем романтического юношу, сына своего века, который еще знать не знает о своей настоящей суженой, матери его детей – Лидии Александровне, урожденной Черемисиновой, которая переживет мужа на 37 лет, 22 года из этого периода пройдут уже в XX веке... И многое чего увидит, о чем ее супругу и пригрезиться не могло в его размеренной строгой деятельности на благо государства в веке минувшем. В статье Т.А. Третьяковой приведены данные, что внук Лидии Александровны, барон Борис Павлович Черкасов, был расстрелян большевиками в 1919 году. Его семья, в том числе и мать баронесса Л.Н. Черкасова, оказалась в эмиграции. Сама Л.А. Калачова (14.02.1827–14.05.1922) скончалась в Угличе, похоронена в селе Каменка, на погосте вблизи бывшего родового имения Черемисновых [Третьякова Т.А. 1999, с. 70–73].

Однако формат данной статьи требует уже поставить точку. Но точка эта обязательно превратится в многоточие! Ведь следует учитывать юбилейный 2019 год Н.В. Калачова, его великолепно сохранный, но, к сожалению, пока малоизученный фонд в ГАСО: эти ценные документы еще не раз поразят воображение и архивиста, и исследователя...

Мало того: сейчас уже можно говорить о деловых контактах с теми, кто профессионально изучает не только вехи жизни и деятельности Николая Васильевича Калачова, но и судьбы его ближайших родственников и их потомков. Такие плодотворные связи завязались у автора статьи с коллегами из Санкт-Петербурга, Владимира, Пензы, Сердобска, Углича Ярославской и Заволжска Костромской областей... И это, безусловно, расширяет представление о неординарной личности выдающегося человека – историка, юриста, археографа, архивиста – на фоне эпохи. Это позволяет представить картину более полной, яркой, объемной. Это, наконец, является уважительным поклоном в адрес российского видного ученого. Его мысли, публикации и дела продолжают влиять на день сегодняшний.

Напоследок заглянем еще раз в его юношеское сочинение «Небо, Земля, Человек»¹⁸. Эту заметку не мог не отметить и Г.Г. Дыбов,

¹⁸ ГАСО. Ф. 408. Оп. 2. Д. 484. Л. 5–11.

собиратель сведений о своем кумире. «Семнадцатилетний Калачов написал прелестное рассуждение на тему “Небо, Земля и Человек” с пометкой 21 июля 1836 года. Окончив это рассуждение, он отдал свой труд в переписку сестре своей Елизавете Васильевне, вышедшей впоследствии за Яковлева»¹⁹. Любопытно отметить, что сестра не захотела оставаться безымянной переписчицей и оставила свой автограф о том, что она работала, помогая брату, «с 6 до 8 утра наверху, на мужской половине»²⁰.

«И между прекрасным небом и прекрасной землей поставлен человек, подобие Бога, к которому он должен стремиться... Пусть ищет он счастье в Боге: да найдет его»²¹ – этими словами, ставшими со временем глубоким убеждением, руководствовался и сам Николай Васильевич Калачов. Это вело его по жизни, это помогало ему в его многотрудной, разнообразной, подвижнической деятельности.

Литература

- Гераклитов А.А. 1911 – *Гераклитов А.А.* Краткая опись Калачовского фонда исторического архива СУАК // Труды СУАК. Саратов, 1911. Вып. 27. С. 5–7.
- Дыбов Г.Г. 1911– *Дыбов Г.Г.* Ессе Номо // Труды СУАК. Саратов, 1911. Вып. 27. С. 41–51.
- Третьякова Т.А. 1999 – *Третьякова Т.А.* Калачовы и Ярославский край // Отечественные архивы. 1999. № 3. С. 70–73.
- Хорхордина Т.И. 2012 – *Хорхордина Т.И.* История архивоведческой мысли М.: РГГУ, 2012. 448 с.
- Шашкина М.Н. 2018 – *Шашкина М.Н.* «Собиратель и хранитель российских архивов»: фонд Н.В. Калачова в Государственном архиве Саратовской области // Сб. ст. «Память о прошлом–2018»: VII историко-архивный форум, посвященный 100-летию государственной архивной службы России. Самара, 15–17 мая. Самара, 2018. С. 339–349.

References

- Geraklitov, A.A. (1911), “Brief inventory of the Kalachovskii Fund of the Historical Archives of SUAC”, *Trudy SUAC*, vol. 27, Saratov, Russia, pp. 5–7.
- Dybov, G.G. (1911), “Ecce Homo”, *Trudy SUAC*, vol. 27, Saratov, Russia, pp. 41–51.
- Tretyakova, T.A. (1999), “The Kalachovs and the Yaroslavl region”, *Otechestvennye arkhivy*, vol. 3, pp. 70–73.

¹⁹ ГАСО. Ф. 408. Оп. 2. Д. 628. Л. 65.

²⁰ Там же. Д. 484. Л. 11.

²¹ Там же. Л. 11.

- Khorkhordina, T.I. (2012), *Istoria archivovedcheskoy mysli* [History of archival thought], RGGU, Moscow, Russia.
- Shashkina, M.N. (2018), ““Collector and keeper of Russian archives”: N.V. Kalachov's fund in the State Archives of the Saratov region”, *Sb. st. Pamyat' o proshlom-2018: VII istoriko-arkhivnyi forum, posvyashchenniy 100-letiyu gosudarstvennoi arkhivnoi sluzhby Rossii* [Col. art. “Memory of the past–2018”: the 7th History and Archives Forum dedicated to the 100th anniversary of the State Archival Service of Russia, Samara, Russia, 15-17 may], Samara, Russia, pp. 339–349.

Информация об авторе

Маргарита Н. Шапкина, Государственный архив Саратовской области, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Кутякова, 15; ritaplus@mail.ru

Information about the author

Margarita N. Shashkina, State Archives of the Saratov region, Saratov, Russia; bld. 15, Kutuyakova Street, Saratov, Russia, 410012; ritaplus@mail.ru

УДК 913(049.32)

DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-156-165

«...Драгоценный материал
для выяснения многих задач и вопросов,
касающихся исторической географии
Русской земли...»:
к выходу книги В.Г. Бухерта
«Архив Межевой канцелярии
(Центральный Межевой архив).
1768–1939 гг.»

Татьяна И. Хорхордина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ioad@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлен анализ книги известного российского архивоведа В.Г. Бухерта, посвященной истории формирования и деятельности Архива Межевой канцелярии (Межевого архива), существовавшего с 1768 по 1939 гг., а также составу и содержанию его документов. Со второй половины XVIII в. в России проводилось Генеральное межевание земель, в результате чего была накоплена ценная документация – картографическая (планы, карты, атласы), текстовая (межевые книги, экономические примечания) и др., которая и была сконцентрирована в Межевом архиве. Ныне документы Межевого архива хранятся в Российском государственном архиве древних актов.

Отмечается, что автором учебно-научного издания на основе выявленных им документов в Государственном архиве Российской Федерации и Российском государственном архиве древних актов воссозданы малоизвестные страницы комплектования, учета и описания архивных источников, а также судьбы сотрудников Архива. Перед читателем предстают судьбы, творческий путь и деятельность ученых и архивистов-практиков на благо архивов и архивоведческой науки, многие из которых внесли вклад в развитие не только одного, конкретного Архива, но и других российских архивов.

Отмечается, что автором книги разработана конкретная технология выявления и исследования архивных документов. В.Г. Бухертом решены на основе последовательного применения современных научных методов анализа источников задачи, имеющие системно-целостный историко-архивоведческий характер.

Ключевые слова: В.Г. Бухерт, учебно-научное издание, Генеральное межевание России, Межевая канцелярия, Межевой архив, планы земельных владений, межевые книги, картографические материалы

Для цитирования: Хорхордина Т.И. «...Драгоценный материал для выяснения многих задач и вопросов, касающихся исторической географии Русской земли.....»: К выходу книги В.Г. Бухерта «Архив Межевой канцелярии (Центральный межевой архив) 1768–1939 гг.» // История и архивы. 2019. № 4. С. 156–165. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-156-165

“A precious source for the investigation
of many issues connected
with the historical geography of the Russian land...”:
Devoted to the release of the book by V.G. Buhert
“The Land Surveying Chancery Archives
(the Central Land Surveying Archives).
1768–1939”

Tatyana I. Khorkhordina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ioad@yandex.ru*

Abstract. The article presents an analysis of the book by V.G. Buhert, a famous Russian archivist. The book is devoted to the history of the formation and activities of the Land Surveying Chancery Archives (the Central Land Surveying Archives) which existed from 1768 to 1939, as well as to the Chancery's structure and the subject matter of its documents. Starting with the second half of the 18th century, the Russian authorities began carrying out the land surveying procedure. As a result, valuable documentary material was accumulated in the Land Surveying Chancery – cartographic records (schemes, maps, collections of maps), text documents (land plat books, notes on economy issues), etc. At present, the documents are kept in the Russian State Archives for Ancient Acts.

It is pointed out that on the basis of detected documents the author of the book managed to restore some little-known information about the acquisition, registration and the description of archival sources, as well as about the fate and fortunes of the Archive's workers.

The reader of the book gets to learn about the destinies and the activities of the researchers and ordinary workers of archives who laboured for the benefit of archives and for the development of archival science. Many of them contributed not only to the improvement of a concrete archives, but also to the progress of other Russian archives.

It is highlighted that the author worked out a specified method of detecting and exploring archival records. Successively using contemporary research methods, V.G. Buhert tackled the tasks of the systemically integral, historical and archival character.

Keywords: V.G. Buhert, academic and research publication, General Survey of Russian lands, Land Surveying Chancery, Land Surveying Chancery Archives, land plans, boundary books, cartographic records

For citation: Khorkhordina, T. I. (2019), ““A precious source for the investigation of many issues connected with the historical geography of the Russian land...”: Devoted to the release of the book by V.G. Buhert “The Land Surveying Chancery Archives (the Central Land Surveying Archives). 1768–1939””, *History and Archives*, vol. 4, pp. 156-165. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-4-156-165

В современной историко-архивоведческой науке выход в свет учебно-научного исследования об истории формирования, составе и содержании документов конкретного Архива является значимым событием. В 2019 г. опубликовано 2-е, дополненное издание учебного пособия известного архивоведа В.Г. Бухерта, посвященное крупнейшему историческому архиву России XVIII–XX вв. – Межевому [Бухерт 2019], о документах которого российский историк, товарищ председателя Исторического музея И.Е. Забелин еще в конце XIX века писал, что они «сохраняют историко-археологический научный интерес как драгоценный материал для выяснения многих задач и вопросов, касающихся исторической географии Русской земли...» [Бухерт 2019]. Со второй половины XVIII в. в России проводилось Генеральное межевание земель, в результате чего накоплена ценная документация – картографическая (планы, карты, атласы), текстовая (межевые книги, экономические примечания) и др., которая и была сконцентрирована в Межевом архиве. Автор учебного пособия проделал колоссальную работу по поиску, выявлению и анализу архивных источников, раскрывающих становление, развитие и деятельность Межевого архива, разработку его научно-справочного аппарата, а также использование документов за более чем полтора века, начиная с создания в 1768 г. и до его передачи в 1939 г. Государственному архиву феодально-крепостнической эпохи. Исследование В.Г. Бухерта, основанное на анализе уникальных источников, хранящихся в Российском государственном архиве древних

актов и Государственном архиве Российской Федерации, является результатом большого научного проекта, вносящим вклад не только в историю архивного дела и архивоведческую мысль, но и в отечественную культуру в целом. Именно так можно расценить выход в свет рецензируемого издания. Учебное пособие, включившее огромный корпус архивных документов, позволило В.Г. Бухерту воссоздать полную и целостную картину деятельности и эволюции Межевого архива, а также биографии его руководителей и сотрудников.

Рассмотрим основные этапы собирания межевых источников в России и важные вехи в деятельности Межевого архива, исследованные автором учебного пособия.

Автор отмечает, что еще Петр I хотел провести «геометрическое» межевание, основанное на инструментальной съемке границ земельных владений в России. Однако только Елизавета продолжила начинание отца и в 1744 г. издала именной указ о межевании в Ингерманландии, в связи с чем в Петербурге была создана «канцелярия о размежевании ингерманландских земель». А в 1755 г. Елизавета Петровна учреждает Главную межевую канцелярию в Санкт-Петербурге и Московскую губернскую межевую канцелярию. По инициативе графа П.И. Шувалова началось проходившее в период с 1755 по 1763 гг. межевание в Московской губернии, в результате которого был собран огромный корпус ценных документов (с. 24). Автор приводит интересные сведения, что в июле 1762 г. в Копорском уезде при деревне Голубовиц был обмежеван земельный участок, принадлежащий коллежскому советнику М.В. Ломоносову (с. 25). И таких находок в учебном пособии В.Г. Бухерта целая золотая россыпь.

В связи с накоплением межевых документов Московская губернская межевая канцелярия начала формировать свой архив, причем почти за два года до его официального учреждения: в 1766 г. канцелярия постановила принять в Межевой архив межевые дела.

Основу Архива составили документы Елизаветинского межевания: планы земельных владений – «дач» с межевыми книгами и делопроизводство Межевой канцелярии, межевых контор, проводивших межевание на местах. В соответствии с этим архив разделился на два отделения – Чертежный (или архив Чертежной Межевой канцелярии) и канцелярский (получивший позже наименование «Писцовый»), значительную часть которого составили документы самой Межевой канцелярии. Большое внимание как в центре, так и на местах канцелярией уделялось составлению, полноте и точности экономических примечаний – сопроводительных записок к картографическим материалам.

В исследовании В.Г. Бухерта представлены первые сотрудники Архива – специалисты-землемеры: капитан А. Савенков, поручик Ф. Олябьев и др.

Московская губернская межевая канцелярия, как и Архив, разместились на Большой Тверской улице в приходе церкви Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке, в доме, купленном у вдовы генерал-фельдмаршала князя Н.Ю. Трубецкого (с. 36).

Автор выявил документы, свидетельствующие, что это помещение не только было переуплотнено, но и угрожало обеспечению сохранности документов. Так, 29 августа 1775 г. Московская губернская межевая канцелярия сообщала Межевой экспедиции Сената, что «дождь приходит в покои ... и видна склонность к падению в зале потолка...» (с. 38). А 13 февраля 1786 г. часть крыши дома Межевой канцелярии все-таки обвалилась. Поэтому было принято решение о переезде Архива в Кремль. На переезд было выделено 4 тысячи руб., и 2 августа 1788 г. Межевой канцелярией (так с 1777 г. стала называться Московская губернская межевая канцелярия) открыто свое присутствие в Кремле.

В.Г. Бухертом детально рассмотрено комплектование Архива. В Архив Межевой канцелярии стали поступать и другие документы об итогах Генерального межевания – сводные ведомости, сведения о казенных землях, лесах и планы на них. Таким образом, к началу XIX в. Архив Межевой канцелярии стал одним из крупнейших в стране хранилищ документов. В первой четверти XIX в. в Чертежный архив в среднем ежегодно поступало свыше 400 планов и межевых книг.

Автор учебного пособия представил картину драматических событий, связанных с эвакуацией архива в начале Отечественной войны 1812 г. Главнокомандующий Москвы Ф.В. Ростопчин отдал распоряжение об его эвакуации, и 28 августа из Москвы в Нижний Новгород отправились первые 300 подвод с документами архива. А пятый «транспорт» (200 подвод) выехал буквально накануне вступления наполеоновских войск в Москву. Оставшаяся же в Москве барка с казенным имуществом и «астрольбиями» сгорела в оставленной Москве (с. 49). С 5 марта по 13 марта 1814 г. проходила реэвакуация архива в Москву.

Как установил В.Г. Бухерт, «отмечать сколь либо значительные утраты документов архива Межевой канцелярии при их перемещении в 1812 и 1814 гг. не приходится» (с. 52).

Большой ущерб архиву нанесли хищения документов из Архива, которые рассмотрены в учебном пособии В.Г. Бухерта.

Автор отмечает, что в первое десятилетие деятельности Архива учет документов велся на основе сдаточных реестров и не отличался

точностью, в связи с чем в 1780 г. секунд-майор А.М. Муравьев, назначенный директором Чертежной, предписал местным межевым конторам заносить планы в опись по первой букве названия дачи. «Азбуки по алфавиту» (так они назывались с конца XVII в.), то есть выписанные в отдельную тетрадь фамилии и географические наименования с указанием поисковых данных необходимых единиц хранения являлись более совершенной формой [Хорхордина 2003, с. 117–120]. Новая форма описи – «алфавит», предложенная А.М. Муравьевым, прижилась и сохранилась до наших дней, – отмечает автор.

К началу XIX в. значительная часть документов Архива была описана, составлены описи на главные документы межевания – планы и межевые книги. Автор исследования установил, что дальнейшее совершенствование было вызвано систематизацией документов в описях Чертежного архива в алфавитном порядке по названиям дач. Однако, так как планы записывались в описи по мере поступления, алфавитный порядок нарушался, что при большом объеме справочной работы создавало неудобство. Поэтому в Архиве приступили к созданию каталога.

В.Г. Бухерт установил, что Архив не стремился избавляться от документов, которые признавались не подлежащими хранению и должны были сдаваться в макулатуру (с. 77). Так, признанные в 1835 г. Сенатом не подлежащими хранению планы и межевые книги земельных участков, отведенных в пределах городских земель под дворы и огороды, были переданы из Чертежного архива в Писцовый, а чуть позже в основанный в 1872 г. Исторический музей. В ноябре 1907 г. управляющий Московским архивом министерства юстиции Д.Я. Самоквасов, ознакомившись с описью первой партии отобранных к уничтожению документов, сообщил, что ввиду научной важности готов принять их на хранение в МАМЮ (с. 79).

Документы Архива активно использовались как в справочной работе, так и в научных целях, тем более что в XIX в. в Архив был передан еще один крупный комплекс источников, возникший в результате работы по составлению атласа России, передавались и дела по специальному и коштному межеванию и др. Автор исследования приводит факты, собранные буквально по крупицам из выявленных им архивных документов. В 1802 г. инженер-генерал П.К. Сухтелен по повелению Александра I, разрабатывая подробную карту России, использовал хранящиеся в архиве атласы с описаниями на ряд губерний. В 1812 г. по просьбе М.И. Кутузова ему были выданы карты Московской и Смоленской губерний и планы на одиннадцать уездов, а также на два уезда Калужской губернии. В 1819–1820 гг. для графа Аракчеева были изготовлены топографические карты в связи с устройством военных поселений.

Использовались документы архива и при проекте железной дороги от Москвы до Саратова, а также при планировании гидрологических исследований, проводившихся в России (с. 82–87).

Особенно часто привлекались документы Архива присяжными поверенными при решении земельных споров.

Однако, как справедливо указал автор, главным препятствием к использованию в научных целях была ведомственная принадлежность Архива (с. 91). Тем не менее ученым-историкам удавалось все-таки поработать в Архиве: историк В.И. Семевский занимался в архиве при подготовке им первого тома «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II». Документы активно привлекались и при исследовании истории Московского Константиновского межевого института. Использовали документы Архива в научных целях известные историки Б.Д. Греков, П.П. Смирнов в первой четверти XX в. (с. 98–102).

Новый этап в деятельности архива начался после революционных событий 1917 г. 11 декабря 1917 г. постановлением Наркомата юстиции межевые учреждения были переданы Наркомату земледелия. С 1919 г. Архив стал называться Центральным межевым архивом.

Автор отмечает, что над Архивом в эти сложные, полные драматизма годы нависла угроза уничтожения. Управляющий делами СНК В.Д. Бонч-Бруевич писал в воспоминаниях, что в 1919 г. предполагалось использовать документы Архива в качестве топлива для электростанции, чтобы «не могло восстановиться помещичье землевладение» (с. 107).

Более того, в 1920 г. образована «вследствие переживаемого бумажной промышленностью сырьевого кризиса» Особая комиссия по использованию архивов и запасов бумаги. Несмотря на ее требования выделить документы Архива в макулатуру, сотрудникам Архива удалось уберечь документы от уничтожения (с. 110).

Однако с принятием в ноябре 1928 г. постановления СТО «О порядке изъятия из учреждений архивной макулатуры и передаче ее на нужды бумажной промышленности» началась макулатурная кампания, в результате которой Центральный межевой архив выделил в макулатуру 600 тысяч межевых книг. Уничтожение межевых книг известный советский архивовед А.В. Чернов назвал «черной страницей» в истории Архива (с. 123). Тем более что документы Архива необходимы были в деятельности Наркомзема, Управления по сооружениям водного хозяйства Комитета государственных сооружений ВСНХ и других органов и учреждений, в связи с чем, как установил В.Г. Бухерт, с середины 1930-х гг. активизировалась научно-техническая обработка документов, а также использование документов в практических и научных

целях. А в 1939 г. было обращено внимание на связи документов ЦМА с документами, хранящимися в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), и уже 10 декабря этого года Архив был включен в состав ГАФКЭ на правах самостоятельного отдела (архивохранилища).

Исследование уникальных источников позволило В.Г. Бухерту полно и основательно раскрыть многие проблемы и сюжеты этого насыщенного событиями периода в судьбе Архива, знаменовавшегося сложным, противоречивым, но целенаправленным переходом от ведомственной разобщенности к научным основам организации архивного дела.

Такова хронологическая канва событий в деятельности архива, скрупулезно, с ювелирной точностью проанализированная в учебном пособии В.Г. Бухерта.

Новаторский подход исследования автор проявился в том, что автором разработана конкретная технология выявления и анализа источников, то есть решены вполне конкретные задачи, которые имеют системно-целостный историко-архивоведческий характер. Умелое и последовательное применение современных научных методов анализа исторических источников позволило исследователю воссоздать эволюцию важнейших направлений в деятельности Архива: комплектования, учета, обеспечения сохранности, описания и использования архивных документов. Можно без преувеличения сказать, что выявленные ученым архивные источники раскрывают историю собирания межевых документов и развития Архива и архивоведческой мысли не только на фоне отдельного Архива, но и общероссийских процессов в развитии архивного дела.

Для рецензируемого труда характерна продуманность работы и системность изложения. Удачно, на мой взгляд, избрана структура учебного пособия, носящего ярко выраженный антропологический характер. Перед читателем предстают судьбы, творческий путь и деятельность ученых и архивистов-практиков на благо архивов и архивоведческой науки, многие из которых внесли вклад в развитие не только одного архива, но и других отечественных архивов.

Автор выявил интереснейшие документы, раскрывающие малоизвестные страницы истории научной мысли архивистов-практиков, архивоведов и историков, драматичные страницы развития Архива в первые послереволюционные годы, а также судьбы архивистов – руководителей и рядовых сотрудников. Таким образом, В.Г. Бухерт восстановил историю архива и архивоведческой мысли в ее «человеческом» измерении. Автор идет от конкретного анализа деятельности людей, от наличествующего человека, который

был первопричиной исторических событий, их подлинным творцом. Можно без преувеличения сказать, что работа, подготовленная В.Г. Бухертом, является существенным вкладом в историко-архивоведческую науку.

Несомненным достоинством издания является его научно-справочный аппарат: историографическое введение, комментарии и примечания по содержанию, алфавитный указатель имен, что делает издание удобным для работы и научного использования. Бесспорную ценность имеют и развернутые приложения: список заведовавших Межевым архивом с момента его основания и до его включения в ГАФКЭ, уточненный автором перечень межевых контор в России с указанием периода их деятельности, перемещений межевых контор и их переименования. В приложениях автор восстановил также имена руководителей межевых учреждений и учебных заведений (Межевой корпус, Межевая канцелярия, Константиновский межевой институт, Школа межевых топографов). Кроме того, в Приложении автор опубликовал интереснейший документ – Указ межевой экспедиции Сената 1788 г., оформленный в лучших традициях публикационной практики: документ датирован, снабжен заголовком, поисковыми данными (легендой), в которых указано место хранения, подлинность (копийность).

Опубликованные в Приложениях источники и исследовательские материалы, выполненные на высоком научном уровне, органично вписываются в повествовательную канву и обогащают наши представления о развитии Архива и отечественной архивоведческой мысли.

Необходимо отметить, что тексты документов сопровождаются комментариями и ссылками на первоисточник. При передаче текста документов сохранены орфография, синтаксис и особенности текста оригинала.

Несомненно, информационная и в целом научная ценность данного издания будет огромным подспорьем не только для историков и архивоведов, но и для экологов, географов, культурологов, краеведов, социологов и других специалистов, изучающих историко-документальное наследие XIX–XX вв. Высокий научный уровень позволил В.Г. Бухерту провести научную реконструкцию Архива за огромный хронологический период и привлечь внимание исследователей и широкой общественности к ключевым событиям в истории Архива и отечественной архивоведческой мысли.

Литература

- Бухерт В.Г. 2019 – *Бухерт В.Г.* Архив Межевой канцелярии (Центральный межевой архив). 1768–1939 гг. М., 2019. 145 с.
- Хорхордина Т.И. 2003 – *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003. 535 с.

References

- Buhert, V.G. (2019), *Arkhiv Mezhevoi kantselyarii (Tsentral'nyi mezhevoi arkhiv). 1768–1939 gg.* [The Land Surveying Chancery Archives (the Central Land Surveying Archives). 1768–1939], Moscow, Russia.
- Khorkhordina, T.I. (2003), *Rossiiskaya nauka ob arkhivakh: Istoriya. Teoriya. Lyudi* [Russian Archival Science: History. Theory. Scholars], Moscow, Russia.

Информация об авторе

Татьяна И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, 125993; ioad@yandex. ru

Information about the author

Tatyana I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; ioad@yandex. ru

Оформление обложки
М.Е. Заболотникова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 02.12.2019.
Формат 60×90¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 10,90. Усл. печ. л. 10,38.
Тираж 1050 экз. Заказ № 669

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел. 8(499) 973-42-06